

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. М. ГОРЬКОГО

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ НРАВСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ:

сущность,
закономерности
развития

Сборник научных трудов

СВЕРДЛОВСК • 1988

Социалистические нравственные отношения: сущность, закономерности развития: Сб. науч. тр. Свердловск: УрГУ, 1988. 124 с.

В сборнике исследуются малоизученные в советской этике проблемы сущности и закономерностей развития социалистических нравственных отношений. Уточняется понятие «нравственные отношения», рассматриваются присущие им противоречия, особенности нормотворчества, нравственного возвышения личности, экологической ответственности, формирования нравственных потребностей, особенности гуманизации социалистических нравственных отношений.

Редколлегия: **Н. К. Эйнгорн** (Уральский университет) — отв. редактор; **Ю. Н. Тундыков** (Уральский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта); **А. С. Франц** (Уральский университет); **Л. С. Лихачева** (Уральский университет).

От редколлегии

Реализация стратегического курса КПСС на ускорение социально-экономического развития нашей страны и достижение на этой основе нового качественного состояния советского общества связывается, начиная с апрельского (1985) Пленума ЦК КПСС, с активизацией человеческого фактора, с повышением его преобразующей роли. Жизнь показала, что полное осуществление возможностей социализма, успешное выполнение намеченных революционных преобразований «...в решающей мере определяется тем, насколько активно и сознательно участвуют в нем классы. Убедить широкие слои трудящихся в правильности избранного пути, заинтересовать их морально и материально, перестроить психологию кадров — важнейшие условия ускорения нашего роста»¹.

Моральный фактор есть показатель зрелости человеческого фактора. Необходимость моральной зрелости, чистоты и надежности, нравственной активности советских людей красной нитью проходит через решения последних пленумов ЦК КПСС и XXVII съезда партии. Это не случайно и объясняется особой ролью, особой исторической миссией морального фактора в развитии и совершенствовании социалистических общественных отношений.

В моральном факторе выражается органическое единство должного и сущего, ибо мораль есть специфический способ разрешения противоречия должного и сущего, их гармонизации. Мораль есть также способ гармонизации отношений личности и общества, иных социальных субъектов в целях сохранения общественного целого как необходимого условия жизнедеятельности людей и обеспечения их блага. Она обращена к людям и воздействует на них в целях реализации их же потребностей и интересов, она акцентирует взаимосвязь и взаимообусловленность их интересов и действий. Благо всех и каждого — смысл существования морали. Мораль направлена на достижение органического единства всех социальных субъектов. В природе морали заложено общечеловеческое, так актуализировавшееся сегодня. Мораль возвышает человека, способствует развертыванию его сущностных сил, проявлению человеческого в человеке.

Так должно быть, но «возникшие в последние годы элементы социальной коррозии негативно сказались на духовном настрое общества, как-то незаметно подтачивали высокие нравственные ценности, которые были всегда присущи нашему народу и кото-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 23—24.

рыми мы гордимся, — идейную убежденность, трудовой энтузиазм, советский патриотизм.

Неизбежное следствие этого — падение интереса к общественным делам, проявление бездуховности и скептицизма, снижение роли моральных стимулов труда... Показателем падения социальных нравов стали рост пьянства, распространение наркомании, увеличение преступности.

Пагубное влияние на нравственную атмосферу оказывали факты пренебрежительного отношения к законам, очковтирательство и взяточничество, поощрение угодничества и славословия...

Мир повседневных реальностей и мир показного благополучия все больше расходились друг с другом»².

Такова сегодня противоречивая исходная ситуация анализа социалистических нравственных отношений. Непременным условием изучения реального состояния и закономерностей их развития является уяснение сущности нравственных отношений, их исторических модификаций, определение на этой основе самой категории «нравственные отношения», без этого нет философского исследования проблемы. В основе такого исследования должно быть хотя бы «рабочее», гипотетическое определение, позволяющее сохранить последовательность, единую концепцию анализа, соблюдение единых философско-методологических оснований, а в последующем — развитие и уточнение самого этого определения.

Нравственные отношения как особый вид общественных отношений — это специфическая связь субъектов, возникающая в процессе нравственной деятельности, то есть в процессе разрешения противоречия между сущим и должным, личным и общественным на основе признания приоритета общественного над личным и в целях сохранения общественного целого как неперемennого условия жизнедеятельности людей и обеспечения их блага.

Содержательный анализ нравственных отношений с присущими им противоречиями, закономерностями функционирования и развития необычайно многопланов. Это объясняется такими специфическими чертами морали, как всеобъемлемость и долговечность (ее исторически непреходящий характер).

Представляет большой теоретико-познавательный интерес исторический аспект проблемы нравственных отношений, изучение их исторических типов, места и роли в системе развивающихся общественных отношений, их содержательное, функциональное своеобразие. На сегодняшний день советские этики пока крайне далеки от разработки этого аспекта проблемы. Это не может не сказываться на актуальном аспекте исследования социалистических нравственных отношений как одного из исторических этапов их развития.

² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 г. М., 1987. С. 11—12.

Общечеловеческая специфика морали, историческая преемственность в сфере нравственной культуры определяют ценность знаний об условиях взлета и падения авторитета морали на определенных этапах развития общества, о накопленных человечеством конкретных механизмах морального регулирования, о возможностях влияния морали на другие сферы социальной жизни.

В условиях социалистических общественных отношений возрастает роль морального фактора. Но процесс этот необычайно многогранен и противоречив. Практически нет ни одной сферы, где бы не проявлялось влияние морали. Поэтому изучение диалектики нравственных отношений с экономическими, политическими, правовыми, религиозными, эстетическими, экологическими и всеми иными видами общественных отношений приобретает все большее практическое значение. Нельзя научно управлять социальными процессами, добиваться ускорения их прогрессивного развития, не изучая конкретных механизмов их взаимодействия.

Совершенствование нравственных отношений и активизация человеческого фактора — единый процесс: «Конечная цель перестройки — ...наиболее полное раскрытие гуманистического характера нашего строя во всех решающих аспектах — экономическом, социально-политическом, нравственном»³.

В данном сборнике исследуется, естественно, лишь незначительная часть проблем, связанных с изучением социалистических нравственных отношений, высказывается ряд дискуссионных положений, вычлняются некоторые новые аспекты проблемы. Тема социалистических нравственных отношений, их сущности и закономерностей развития предполагает объединение усилий этиков и представителей других областей гуманитарного знания, проблема нуждается в дальнейших активных исследованиях.

³ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 г. С. 16.

Нравственные отношения

(к вопросу о специфике, структуре, типологии)

Понятие нравственных отношений приобрело в нашей этической литературе категориальный смысл не менее пятнадцати-двадцати лет назад, но до сих пор разработка этого понятия нуждается в большей конкретности, что особенно важно в свете тех новых задач, которые встали перед общественными науками на этапе ускорения социально-экономического развития страны.

При самом общем подходе под нравственными отношениями понимается практическая сторона морали общества; как вид общественных отношений они выделяются в русле соотношения практической стороны морали с духовной стороной, т. е. моралью как формой общественного сознания. Последний вывод требует, однако, некоторых разъяснений. Прежде всего укажем, что далеко не ко всем устойчивым связям людей в обществе понятие «общественные отношения» может прилагаться в категориальном значении. В частности, управленческие, культурные и некоторые другие отношения, как справедливо замечает П. А. Рачков, не имеют самостоятельного статуса, и являются лишь одной из форм их совокупного проявления в рамках определенных групп¹.

Продолжая ту же мысль (уже ближе к теме настоящего разговора), обратим далее внимание на то, что отнюдь не все формы общественного сознания имеют в качестве своего практического коррелята соответствующие общественные отношения. Такое исключение характерно для науки, философии и искусства: реально не существует каких-то особых научных, философских и художественных (художнических) общественных отношений.

Полагаем, что специфические общественные отношения «сопровождают» лишь те формы общественного сознания, которые являются, во-первых, массовыми (не специализированными) и, во-вторых, ценностными (не познавательными)². Нетрудно видеть, что

¹ См.: Общественные отношения: Вопросы общей теории/Под ред. П. А. Рачкова. М., 1981. С. 33—34.

² Наука не является ни массовой, ни ценностной формой сознания (определенные оговорки здесь требуются лишь в отношении общественно-гуманитарных дисциплин); философия и искусство являются ценностными, но не массовыми формами.

полностью отвечают обоим этим критериям политическая, правовая, нравственная и частично (применительно к социалистическому обществу) религиозная формы сознания³. При этом нравственная форма является, несомненно, из всех перечисленных самой массовой (не случайно моральные поступки, поведение в отличие от политической, правовой и религиозной деятельности не могут стать ни специальностью, ни профессией). Соответствующую характеристику нравственных отношений (т. е. массовость) следует поэтому отнести к немаловажным проявлениям их специфики.

До сих пор в нашей литературе не решен однозначно вопрос о «первичности-вторичности» нравственных отношений и общественного морального сознания. Согласно наиболее распространенной точке зрения, отношения рассматриваемого типа принадлежат к вторичным, надстроечным, идеологическим, иными словами, зависимым от сознания общественным отношениям. Однако имеет своих сторонников и иная позиция, согласно которой нравственные отношения составляют часть общественного бытия и выступают, следовательно, как абсолютно первичные по отношению к отражающему их моральному сознанию⁴.

Со своей стороны считаем, что в свете ряда серьезных работ по общим проблемам исторического материализма, созданных в 70—80-е годы советскими философами (в частности, В. С. Барулиным и К. Х. Момджяном), сама постановка рассматриваемого вопроса представляется не вполне корректной. Дело в том, что в системе понятий, в которых раскрывается материалистическое понимание истории, категории общественного бытия и общественного сознания обладают наивысшим рангом философской абстракции и поэтому без методологических потерь не могут быть заменены понятиями более конкретного плана, в частности, отражающими различные структурные сферы общества — базиса и надстройки, материальных и идеологических отношений⁵. Следовательно, нельзя утверждать в абсолютном смысле ни о первичности нравственных отношений, ни о первичности общественного морального сознания, признак «первичности-вторичности» оказывается в данном случае

³ По нашему мнению, к общественным отношениям нельзя относить также эстетические отношения (отношение), но уже по другой причине: эстетическое сознание не является сознанием непосредственно практическим (в том смысле, что оно само по себе не образует каких-то практически реализуемых общественных связей, хотя эстетический момент может сопровождать любые виды деятельности и общественных отношений). Сходная мысль высказана в работах Г. С. Арефьевой и В. Н. Песенко (см.: **Арефьева Г. С.** О видах и формах социальной практики//Филос. науки, 1974. № 2. С. 38; **Песенко В. Н.** Общественные связи и отношения. Ростов, 1978. С. 97).

⁴ Наиболее последовательно рассматриваемая позиция отстаивается в работах В. А. Василенко. (См., напр.: **Василенко В. А.** Нравственность//Общественное сознание и общественная практика. М., 1979; **Он же.** Мораль и общественная практика. М., 1983).

⁵ Подробнее об этом см.: **Момджян К. Х.** Концептуальная природа исторического материализма. М., 1982. С. 111—113.

всецело относительным, подвижным, отражающим нередко противоречия внутри самих нравственных отношений, содержащих, как известно, духовный компонент⁶.

Коротко о взаимосвязи нравственных отношений с человеческими поступками, поведением (нравственной деятельностью, по терминологии других авторов). Недостаточно сказать, на наш взгляд, что вторые выступают формой реализации первых. Немаловажно подчеркнуть, что категория нравственных отношений характеризует в первую очередь общественную сторону морали, а понятия поступка, поведения — индивидуальную сторону (по аналогии с соотношением общественного и индивидуального морального сознания). В силу этой особенности категория нравственных отношений в большей степени тяготеет к характеристике морали с точки зрения этико-социологической, а «поступки» и «поведение» — с точки зрения этико-педагогической и этико-психологической. Вместе с тем содержание всех этих понятий едино: отношения охватывают повторяющиеся, типичные и устойчивые поступки и поведение, но последние оказываются возможными лишь при определенных нравственных отношениях.

В структуре нравственных отношений, как и любых других, выделяют субъект и объект, но если относительно содержания понятия «субъект нравственных отношений» в литературе нет разногласий (субъектами признаются как отдельные люди, так и общности), то относительно содержания понятия «объект нравственных отношений» такого единодушия не наблюдается. Во многих случаях под объектом контекстуально также подразумевается «человеческий» объект (т. е. люди и общности). Но с точки зрения Л. Г. Гринберга, объектом следует считать «действия, требуемые для реализации нормы»⁷, т. е. фактически сами нормы (от требуемых действий как объекта Л. Г. Гринберг отличает реальные действия как объективную сторону отношений⁸). Нередко в специальной литературе, но еще чаще в массовой печати встречаются выражения типа «нравственное отношение к животным», «нравственное отношение к природе», по логике которых выходит (если не делать оговорок), что животные, природа и даже вещи могут выступать в качестве объектов нравственных отношений.

Для внесения ясности в этот вопрос следует прежде всего, на наш взгляд, принять во внимание тот факт, что понятие нравственных отношений как таковое — это абстракция, «схватывающая» нечто общее, содержащееся в самых разнообразных непосредственных и опосредованных контактах людей по самым различным поводам (в числе которых могут быть и связанные с отношением людей к вещам, животным, природе). Поэтому нравственные отноше-

⁶ Сама же по себе проблема решения основного вопроса философии применительно к морали выходит за рамки темы настоящей статьи.

⁷ Гринберг Л. Г. Нравственные отношения. Л., 1971. С. 28.

⁸ См.: Там же.

ния — это есть всегда отношения между людьми (в гипотетической перспективе — между разумными существами космических миров), включая различные их объединения (семья, коллектив, класс, человечество, цивилизация). Следовательно, люди выступают не только субъектами, но и объектами нравственных отношений. Различия же между объектом и субъектом определяются здесь всецело углом зрения: субъект, если на него посмотреть «с другой стороны», выступает как объект, и наоборот.

Интерес представляет вопрос о типологии нравственных отношений. Ставя его, уместно будет напомнить о принципах типологии общественных отношений вообще. Согласно первому из них, методологически наиболее важному, общественные отношения подразделяются на первичные (материальные, базисные) и вторичные (надстроечные, идеологические), о чем фактически уже была речь в иной связи. Устанавливая принадлежность нравственных отношений к вторичным общественным отношениям, данный принцип не содержит, однако, никаких указаний относительно возможной дифференциации связей внутри самих нравственных отношений.

Общественные отношения можно классифицировать также по **субъекту** (классовые, национальные, семейные, государственные) и по **сфере проявления** (экономические, политические, религиозные, нравственные). Этот принцип типологии, детально разработанный в свое время А. В. Дроздовым⁹, представляется более универсальным по сравнению с первым, и его удастся применить как внутренний при типологизации нравственных отношений.

В рамках типологизации по субъекту в общем плане оказывается возможным выделить следующие «связки»: «отношение индивида к обществу (классу), отношение индивида к локальной общности (коллективу, профессиональной, национальной группе), отношение человека к другим людям..., отношение индивида к самому себе как личности»¹⁰. Если эти абстракции наполнить конкретным содержанием, то данная типология начнет продуктивно «работать». С ее помощью удастся выявить и охарактеризовать наиболее типичные для морали того или иного общества связи (например, для феодального общества — «крестьянин — община», «ремесленник — цех», «купец — гильдия», «вассал — сюзерен»¹¹). Весьма актуальной была и остается задача выделения и всесторонней характеристики по этому принципу нравственных отношений социалистического общества на разных этапах становления и развития последнего. К сожалению, в имеющейся на эту тему литературе до сих пор ощутима ориентация на малопродуктивный принцип «вообще» (если его можно назвать принципом).

В соответствии с принципом типологизации общественных отношений по сфере проявления (пересекающимся с принципом ти-

⁹ См.: Дроздов А. В. Человек и общественные отношения. Л., 1966.

¹⁰ Ефимов В. Т. Социальный детерминизм и мораль. М., 1974. С. 109.

¹¹ См.: Гринберг Л. Г. Нравственные отношения. С. 34.

пологий по субъекту), выделяются нравственные отношения в труде, в быту, в области политики, права, религии, науки и т. п. В свою очередь, можно осуществить дифференциацию нравственных отношений внутри каждой из этих сфер (по совокупности некоторых «местных» признаков). К примеру, в науке вполне четко выделяются три типологические разновидности нравственных отношений: 1) профессионально-нравственные отношения (практически реализуемая этика научного творчества); 2) общезначимые нравственные отношения, возникающие по поводу научной деятельности и реализующие себя главным образом в ней; 3) отношения, вытекающие из особой роли науки и ученых в жизни современного общества (жизненные проявления гражданской ответственности ученых).

Своеобразным вариантом рассмотренной типологии является схема, предложенная Л. М. Архангельским: 1) нравственные отношения в сфере труда; 2) нравственные отношения в сфере общественной деятельности; 3) нравственные отношения в сфере досуга¹². Данная схема, как это нетрудно видеть, также имеет особое значение для изучения нравственных отношений социалистического общества.

В заключение уделим внимание еще одной типологии, предложенной Л. Г. Гринбергом¹³, сопроводив ее, однако, некоторыми дополнениями и уточнениями.

Среди всей совокупности нравственных отношений можно выделить так называемые простые, или элементарные. Они представляют собой такие практические связи между людьми, которые никакого иного общественного смысла, кроме нравственного, не несут (мы сказали кому-то доброе, или, напротив, грубое слово, кому-то уступили место в трамвае, одолжили денег и т. п.). Для характеристики нравственных отношений данного типа существенными представляются следующие два взаимосвязанных момента: субъектами в них выступают главным образом отдельные люди, а не общности (поскольку общности редко выражают одно лишь нравственное начало, помимо него они почти всегда реализуют и какое-то иное общественное содержание); эти отношения проявляются в межличностных контактах людей, причем чаще всего непосредственных. В повседневном словесном общении нравственные отношения подобного типа иногда именуют «личной моралью». Советский литературовед В. Д. Днепров удачно назвал их «малым кругом морали»¹⁴.

От рассмотренных нравственных отношений нужно отличать сложные, или комбинированные. Последние представляют собой такие практические связи между людьми, которые, помимо нрав-

¹² См.: Архангельский Л. М. Социально-этические проблемы теории личности. М., 1974. Гл. 2. § 3, 4, 5.

¹³ См.: Гринберг Л. Г. Нравственные отношения.

¹⁴ См.: Днепров В. Д. Литература и нравственный опыт человека. Л., 1970. С. 82.

ственного содержания, несут еще какое-то иное (например, отношение к труду выступает одновременно как экономическое, правовое, нравственное и даже политическое). Субъектами отношений данного типа могут быть как отдельные люди, так и группы людей (общности), а контакты между ними — как непосредственные, так и опосредованные (в труде, например, человек вступает в нравственные отношения не только с членами своего трудового коллектива, но и с теми людьми, с которыми он никогда не встречался и с которыми не знаком). В повседневной жизни отношения рассматриваемого типа именуют иногда «общественной моралью» («большой круг морали», по В. Д. Днепрову).

Отметим, что реально отношения того и другого типов накладываются друг на друга, перекрещиваются, переплетаются, взаимодействуют. Вместе с тем различия их достаточно четко улавливаются даже эмпирически.

Завершая изложение данной классификации, обращаем внимание на то, что к ее особенностям (и достоинствам) следует отнести учет диалектики простого и сложного, родового и конкретно-социального, общечеловеческого и классового в морали. Собственно, данное обстоятельство и определило наш интерес к этой типологии, дальнейшая разработка которой способна расширить и углубить имеющиеся знания о нравственных отношениях вообще и нравственных отношениях социалистического общества в особенности.

Г. Н. ГУМНИЦКИЙ
Ивановский университет

Два понятия моральных отношений: их научная и практическая ценность

В нашей современной этической литературе мы встречаемся с двумя различными, а в некоторых моментах диаметрально противоположными понятиями моральных отношений. Так как не может быть двух истин по одному вопросу, возникает необходимость критического осмысления этих понятий, с тем чтобы разобратся в имеющихся расхождениях и преодолеть ложные представления. Эта задача имеет не только научное, но и практическое значение, ибо понятие моральных отношений весьма существенно для теории, а следовательно, и для практики нравственного воспитания.

Сразу скажем, что с нашей точки зрения ложным является представление, согласно которому моральные отношения существуют вне морального сознания в качестве морального бытия, отражением же этого бытия служит моральное сознание. Так, в

«Словаре по этике» говорится, что мораль «слагается» из трех сторон: моральной деятельности (поведения, поступков), моральных отношений и морального сознания, причем первые два элемента отражаются и закрепляются в последнем¹. В. А. Василенко пишет: «Как и нравственное сознание в целом, принципы и нормы по своему происхождению вторичны, производны от реальных поступков и отношений»². Автор делает вывод о «ведущей роли, первичности нравственного бытия перед нравственным сознанием», в понятие нравственного бытия «входят и нравственно-значимые действия, поступки и отношения, так как они реализуются не в самом сознании, а вне сознания нравственно деятельных субъектов»³. «Нравственное бытие» включается автором в общественное бытие, он критикует Л. М. Архангельского и М. Г. Журавкина за то, что они относят моральные отношения, как и моральное сознание, не к общественному бытию, а к общественному сознанию⁴. «В понимании нравственности, — считает А. А. Гусейнов, — следует идти не сверху вниз — от сознания к отношениям, а наоборот, снизу вверх — от отношений к сознанию»⁵.

Спор будет бесплодным, если не даются определения употребляемых в нем понятий, тем более того понятия, которое является предметом этого спора. К сожалению, сторонники изложенного понимания моральных отношений, на наш взгляд, не уделяют должного внимания определению этого понятия, как будто его смысл ясен сам собой. Однако он не только не ясен, но с указанных позиций вряд ли может быть прояснен. Дело в том, что моральные отношения неотделимы от морального сознания (ниже мы это постараемся показать), если же они не производны от морального сознания, а наоборот, оно производно от моральных отношений, которые, стало быть, существуют вне и независимо от сознания, то их понимание лишается рационального смысла и поэтому не может быть логически правильно и ясно раскрыто.

Что можно сказать о моральных отношениях, взятых изолированно от морального сознания? Ровным счетом ничего конкретного и определенного. Во всяком случае, определить это понятие таким путем не удастся. Допустим, мы начнем с того, что моральные отношения производны от экономических отношений. Но чем же первые отличаются от вторых? Не так давно здесь не было никаких разногласий. Экономические отношения отражаются в моральных взглядах людей, эти взгляды проявляются в их поступках, в которых и реализуются моральные отношения людей к обществу и друг другу. Если мы оставим сознание в стороне, будет совершенно непонятно, каким образом экономические отношения трансформируются в моральные, и понятие моральных отноше-

¹ См.: Словарь по этике. М., 1981. С. 184.

² Василенко В. А. Мораль и общественная практика. М., 1983. С. 146.

³ Там же. С. 137, 142.

⁴ Там же. С. 133—134.

⁵ Гусейнов А. А. Этика и мораль//Филос. науки. 1984. № 5. С. 17.

ний окажется лишенным какого-либо определенного смысла. Можно сколько угодно раз повторять, что эти отношения первичны, а моральное сознание вторично, но что это такое, так и останется непонятным.

Как только пытаются приблизиться к пониманию моральных отношений, хоть что-то о них сказать, неизбежно обращаются к помощи сознания. В «Словаре по этике» моральные отношения определяются через понятие нравственной деятельности. К последней же относятся поступки, «сознательно подчиненные определенным моральным целям»⁶, а значит и мотивам. Здесь все понятно: нравственные представления направляют деятельность людей⁷. О мотиве также вполне ясно и понятно сказано, что это «внутреннее, субъективно-личностное побуждение к действию», что ему родственны понятия стимула, намерения, цели, характеризующие идеальную сторону поступка, и что мотив является «основанием поступка»⁸. Итак, моральные отношения возникают в процессе моральной (или нравственной, что то же самое) деятельности, т. е. в процессе совершения поступков, которые имеют идеальную сторону, включают в себя, даже в качестве своего основания, нравственные представления, мотивы. Но в том же «Словаре», как мы уже видели, утверждается, что моральное сознание есть отражение моральной деятельности и моральных отношений! Приходится констатировать, что здесь концы с концами не сходятся, логика хромает. Но если даже допустить, что в «Словаре» просто дана неудачная формулировка (того, что в нем отражается), то, во-первых, она переходит из одного издания в другое, а это заставляет усомниться в том, что дело в каком-то недосмотре; во-вторых же, сейчас речь идет не об отдельной формулировке, но о выросшей из нее концепции, имеющей немалое число сторонников. Поэтому рассматриваемая точка зрения требует серьезного внимания.

Такое же противоречие, как в «Словаре по этике», можно обнаружить в ряде других публикаций. В. А. Василенко, с одной стороны, вводит понятие «чистого» (кавычки автора — Г. Г.) поступка, о котором «нельзя сказать, что он характеризуется мотивационной структурой, или что его внутренняя сущность идеальна»⁹. В этом смысле моральные отношения существуют вне сознания и относятся к сфере общественного бытия. Но на той же странице читаем: «Бесспорно, совершению поступка в его развитом, субъективно мотивированном виде» (как будто могут быть какие-то другие поступки, у которых отсутствует субъективное основание!) «предшествует активность сознания нравственно-деятельного субъекта в форме намерения, мотивации, выбора и т. д., которые образуют субъективный коррелят поступка и направляют

⁶ Словарь по этике. С. 71.

⁷ См.: Там же.

⁸ Словарь по этике. С. 196.

⁹ Василенко В. А. Мораль и общественная практика. С. 92.

процесс его реализации»¹⁰. Здесь явное противоречие. Если активность сознания предшествует, то она для чего-то нужна. Но тогда она не «коррелирует», а основание и духовное содержание поступка, без чего разговор ни о каком поступке не имеет смысла.

А. А. Гусейнов пишет, что первобытный человек «нравственен без опосредующей роли этических норм и духовного самопринуждения. Нравственность выступает как свойство его жизнедеятельности, как его объективное (!) состояние»¹¹. С этим пониманием «бездуховной» нравственности связано и представление автора о таких «моральных отношениях», которые, как мы видели, существуют вне сознания и первичны по отношению к нему. «Совокупность первичных нравственных отношений можно обозначить как человечность. ...Человечность является объективным отношением: она имманентна общественной форме бытия»¹². Одновременно признается, что человечность наличествует в мотивах поведения, хотя подчас и на грани «почти полного отсутствия», что человеку присущи нравственные эмоции и чувства, регулирующие его отношения с другими людьми»¹³. Так и остается неясным, производны ли моральные отношения от сознания (хотя бы в таких его формах, как «эмоции и чувства»), или независимы от него. Признавая, с одной стороны, что специфическая особенность нравственности заключается в ее связи «со свободным выбором личности, добровольностью принимаемых ею решений»¹⁴ (значит, без воли, совершающей выбор, без сознания нет нравственности), автор, тем не менее, настаивает на том, что моральные поступки и отношения существуют без участия сознания и в качестве элемента общественного бытия первичны по отношению к нему. Явная непоследовательность, связанная, на наш взгляд, с представлением о существовании человеческого действия, лишенного психологического элемента, так сказать, чисто «объективного», а также, что идеологические отношения, к которым принадлежат и отношения моральные, являются материальными, не зависящими от воли и сознания людей.

Именно на этом представлении основано предложенное «Словарем по этике» деление морали на три стороны: моральную деятельность (поведение), моральные отношения и моральное сознание. Эти три категории вполне правомерны (точнее, их здесь четыре, ибо моральная деятельность и моральное поведение, или поступки, — не одно и то же, что признается и в самом «Словаре»), но они отражают отнюдь не «стороны», из которых «слагается» мораль как некое целое, ибо, например, моральную деятельность нельзя вынести за рамки морального сознания и рассматривать наряду с ним в качестве частей или сторон чего-то другого:

¹⁰ Василенко В. А. Мораль и общественная практика. С. 92.

¹¹ Гусейнов А. А. Введение в этику. М., 1985. С. 162.

¹² Там же. С. 154.

¹³ См.: Там же. С. 154—155.

¹⁴ Гусейнов А. А. Этика и мораль. С. 18.

существует нечто одно — моральное сознание личности, в котором совершается моральная деятельность и которое вступает в моральные отношения.

Но можно ли подменять личность ее сознанием? Разве в моральные отношения вступают не люди, а их сознания? Конечно, люди, но управляемые своим сознанием, а не бессознательные человеческие тела, осуществляющие «моральную деятельность» без участия морального сознания.

Как писал Ф. Энгельс, для того, чтобы человек стал действовать, «все побудительные силы, вызывающие его действия, неизбежно должны пройти через его голову, должны превратиться в побуждения его воли...»¹⁵. Следовательно, всякую деятельность люди осуществляют, руководствуясь сознанием. Так, в процессе труда человек, по словам К. Маркса, осуществляет «свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю... Кроме напряжения тех органов, которыми выполняется труд, в течение всего времени труда необходима целесообразная воля, выражающаяся во внимании...»¹⁶. Мы видим, что и материальный акт, каким является акт труда, включает в себя психологическую деятельность, деятельность сознания и воли. То же самое верно и применительно к экономическим отношениям. «Товары, — пишет Маркс, — не могут сами отправляться на рынок и обмениваться. ...Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых распоряжается этими вещами...». Для процесса обмена необходим общий товаровладельцам волевой акт¹⁷.

Осуществлению этого акта, а значит, и обмену способствует надстроечное, юридическое отношение. Товаровладельцы «...должны признавать друг в друге частных собственников. Это юридическое отношение»¹⁸. Вряд ли можно сомневаться, что и моральное отношение, аналогично этому, является волевым отношением, в котором отражается экономическое отношение. Таким образом, без участия сознания нет никакой человеческой деятельности, не осуществляются никакие общественные отношения. Чем же в таком случае духовная деятельность и духовные отношения отличаются от материальной деятельности и материальных отношений?

В процессе труда, обмена и т. д. воля непосредственно детерминирована материальными условиями, представляет собой подчиненный момент материальной деятельности и материальных отношений. Моральная воля, т. е. воля, поскольку она выполняет морально-побудительную функцию, также детерминирована объективными условиями, но значительно более отдаленным образом,

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 310.

¹⁶ Там же. Т. 23. С. 189.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 94.

¹⁸ Там же.

лишь в конечном счете. Мораль, собственно, потому и необходима, что сознание личности обладает относительной самостоятельностью, в определенных границах в некоторой степени не зависит от жестких рамок объективных процессов (что свидетельствует о неабсолютной жесткости самих этих рамок), так сказать, замкнуто само на себя. Это свойство сознания всеми признается (хотя нередко понимается по-разному) и называется свободой воли. Мораль исходит из факта свободы воли, в сфере морали воля выступает в качестве исходного пункта деятельности, которая рассматривается как деятельность воли, т. е. духовная деятельность. Поэтому и моральные отношения, в которые вступает личность, — это волевые, духовные отношения. В том-то и значение морали, что она способна проникать в «сферу свободы» и подчинять ее социальной необходимости. Таким образом, сфера морали — это сфера сознания, область духовной деятельности и духовных отношений. Но отсюда, конечно, не следует, что мораль замкнута границами сознания, что она не выходит в область материальной деятельности.

Известно, что духовное не существует вне связи с материальным, так же, как и материальное в общественной жизни не существует без посредства духовного. Однако это не означает, что можно отождествлять материальное и духовное, общественное бытие и общественное сознание. Так, техника — это овеществленная мысль, но и продукт художественного творчества — картина или скульптура — является материализацией художественной идеи. При кажущемся тождестве техника относится к сфере материальной, произведение же искусства — духовной. Различие же в том, что функционирование техники есть материальный процесс, а воздействие произведения искусства является духовным, хотя опосредованно оно приводит и к материальным результатам: овладевая массами, идеи, в том числе и художественные, становятся материальной силой.

Моральная деятельность осуществляется лишь в предметной форме. Но это не дает основания включать, например, материально-трудовую деятельность в содержание моральной. Если мы всякую деятельность будем называть моральной, то лишим последнюю ее специфики. Любой вид общественной деятельности может быть морально значимым, но отсюда не следует, что он в целом является моральным. Когда мы говорим о моральной деятельности, мы имеем в виду какую-то особую форму деятельности, отличную от всякой другой. Этой формой может быть только деятельность морального сознания, моральной воли.

Специфически моральная деятельность включает два этапа: этап морального выбора, борьбы мотивов и т. д., и этап осуществления морального решения в процессе внеморального действия (или бездействия). Содержание второго этапа составляет поступок, совокупность же поступков есть моральное поведение, хотя на втором этапе моральная деятельность неразрывно связана с

внеморальной, вторую нельзя отождествлять с первой. Для производства морального результата нужны те или иные внешние действия, однако не в них моральный смысл человеческой деятельности. Мораль вступает в действие там, где нужны особые усилия воли для совершения внешней деятельности. Человек, например, входит в дом, т. е. производит ряд физических действий, без всякого участия морали. Но чтобы войти в горящий дом, он должен мобилизовать всю свою волю, подавить чувство страха, иначе говоря, начать определенную специфически моральную деятельность и продолжать ее на протяжении соответствующих физических действий, которые без нее он в данном случае не мог бы произвести. Моральная деятельность — это, таким образом, субъективная, духовная деятельность, при определенных обстоятельствах необходимая для управления внешними действиями. Суть поступка не в этих действиях, а в их моральном основании.

Моральная воля, как и «технологическая» (имеется в виду одна и та же воля, но в ее различных аспектах), играет важную роль в процессе труда, но эти роли не тождественны. Если вторая включена в конкретный труд как его необходимый момент, и ее задача — обеспечивать внимание к структуре операций, к их последовательности и т. п., то моральная воля направлена на общее обеспечение трудового процесса, на преодоление личных побуждений, препятствующих успешной трудовой деятельности. Для моральной воли непосредственно важна не технологическая сторона труда, а его общественная значимость.

В трудовых операциях самих по себе (как и в любых других внешних движениях) нет моральности. Ведь подобные же операции может совершать и робот, но нет никакого смысла приписывать его движениям моральный смысл. Следует обратить внимание на то, что поступок оценивается совершенно одинаково, например, как хороший, смелый, честный, в каких бы внешних действиях он ни проявлялся. Это говорит о том, что поступок — это не внешнее действие, а его духовное, волевое содержание, которое имеет общий смысл для самых различных видов внеморальных действий.

Поступок, как говорилось выше, это моральная деятельность на ее втором этапе. Однако полного тождества между ними нет. Поступок — это моральная деятельность не сама по себе, не с точки зрения ее внутренней структуры, не процессуально, а в аспекте ее значимости для общества, в ее соотношении с целью и условиями. Существенна здесь не деятельность, а то отношение, которое в ней проявляется. Поэтому поступок (моральное поведение) можно определить как субъективное моральное отношение, объективированное в действии (в совокупности действий).

Собственно, можно было бы и не делать оговорки, что моральное отношение является субъективным, ибо моральное отношение, подобно юридическому, есть отношение волевое, духовное. То, что оно объективируется в действии, не означает, что оно может су-

ществовать независимо от сознания, чисто объективно. Объективно, вне сознания существуют лишь проявления моральных отношений, а не сами эти отношения. Ведь это отнюдь не одно и то же. Утверждения о том, что моральные отношения находятся вне сознания, входят в общественное бытие и т. п., видимо, основаны как раз на отождествлении того и другого.

Материализация морального отношения не есть само это отношение. Например, результатом морального отношения к труду является произведенная сверх плана продукция, которая представляет собой воплощение, материализацию этого отношения. Но в самой продукции мы, конечно, никакого отношения не обнаружим. По словам К. Маркса, «процесс угасает в продукте. ...Труд овеществлен в предмете... Рабочий прял, и продукт есть пряжа»¹⁹. Ясно, что в предмете нет труда как такового, в пряже — прядения. Точно так же мысль опредмечивается, но в предмете нет самой мысли, а есть изменения, порожденные мыслью. Моральная воля человека, его моральное отношение воплощается в физическом действии, но в этом действии нет воли, нет волевого, в данном случае морального, отношения, оно «угасает» в действии и его результате. Следовательно, вне сознания, в общественном бытии существуют не сами моральные отношения, а различные способы и формы их объективации, материализации, посредством которых они передаются от человека к другим людям и от них к нему, образуя динамическую систему общественных моральных отношений.

Исходным пунктом морального отношения является моральный мотив. Не обусловленное этим мотивом отношение не может квалифицироваться в качестве морального отношения. Моральное отношение — это, например, гуманное отношение к человеку, т. е. побуждение приносить ему добро, поступать гуманно, мотив гуманности. Если исключить этот и другие подобные мотивы, останутся лишь отношения полезности. Помощь полезна тому, кто в ней нуждается. Но сам по себе факт оказания помощи еще не говорит о наличии морального отношения. Оказание помощи может быть мотивировано различным образом, в частности, и сугубо корыстными соображениями. Мотив собственной пользы не является морально-положительным, но он не всегда и морально-отрицателен, он может быть морально нейтральным, т. е. лежать вне сферы морали. В этом случае отношение, возникшее на его основе, не будет моральным отношением. Отрицать это, значит считать моральными и отношения взаимопомощи в стаде животных. Лишь помощь, оказанная человеком другому или другим из доброты, сочувствия, является объективным действием и отношением, в которых проявился моральный мотив, следовательно, объективацией морального отношения.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 191—192.

Признавать нравственность, человечность вне связи с сознанием, значит говорить о человечности без человека, ибо человека нет без сознания (не зря он называется «человек разумный»). Без человеческой психологии не может быть человеческого поведения, следовательно, и «объективного бытия человечности», т. е. объективных проявлений добрых человеческих чувств. Именно от морального сознания надо идти к моральным отношениям. Утверждать обратное — значит вступать в противоречие с элементарными научными представлениями о поведении и морали.

Сущность моральных отношений можно понять лишь обратившись к внутреннему миру личности, к ее моральному сознанию. Моральность личности — это направленность ее сознания на моральные цели, т. е. определенное отношение к этим целям. В самом общем плане моральное отношение — это отношение личности (разумеется, ее внутреннее, психологическое отношение) к общему благу (общества, класса, группы) как к высшей цели и к благу личности как к конечной цели в их взаимосочетании. Это — основное моральное отношение, выражающееся прежде всего в таких отношениях, как долг перед общественным целым, преданность его коренным интересам (в нашей морали — делу коммунизма), социальная, классовая солидарность (коллективизм), гуманность, справедливость, ответственность, честность и др. Вторым моральным отношением является отношение морального требования оценки и благодарности (или недовольства). Общественная санкция — предпосылка формирования и функционирования морали, но моральный характер эта санкция приобретает лишь постольку, поскольку выражает основное моральное отношение и адресуется к личности как носителю морального сознания.

Учет этих моментов позволяет представить общую схему системы моральных отношений и ее специфическую социальную функцию. Два полюса этой системы — моральная воля субъекта поведения, с одной стороны, побуждающая и поддерживающая ее общественная воля — с другой. Поскольку поступок данного лица непосредственно соотносится с интересами другой личности (или нескольких личностей), последняя выступает в качестве объекта поступка, но субъекта, определенным образом на него реагирующего. Так, положительно-ценный поступок вызывает в этом случае чувство благодарности и «настраивает» волю человека положительно по отношению к субъекту поступка. Тем самым между людьми устанавливаются отношения единства, гармонии. Одновременно поступку дается положительная оценка, выступающая как результат деятельности общественной воли, независимо от того, кто непосредственно производит эту оценку — отдельная личность или группа лиц.

Характеристику системы моральных отношений можно было бы продолжить, но и сказанного достаточно, чтобы стало понятно, что это система именно волевых отношений. Ее целью является обеспечение единства, гармонии между личностью и социальной

общностью, следовательно, и между членами данной общности. Специфический способ, каким мораль достигает (насколько это позволяют существующие социально-экономические условия) указанной цели, выражается в основном моральном отношении, в особенностях моральной мотивации.

В нашей этической литературе не раз уже поднимался вопрос: что важнее в «сфере морали» — мотив или результат? Те, кто его ставили, как раз отдавали приоритет результату, усматривая в ином решении какой-то «буржуазный» смысл. Но задавать такой вопрос — все равно что спрашивать, что важнее — устройство электронно-счетной машины или ее быстрое действие, как будто второе возможно без первого. Для того и нужен моральный мотив, чтобы обеспечивать соответствующий результат. И последний отнюдь не ограничивается гармонизацией волевых отношений. Ведь человек, воля которого гармонирует с интересами социальной общности, способен дать максимально полезные результаты во всех областях и аспектах ее жизнедеятельности, тогда как в противоположном случае деятельность члена общности будет для нее вредной.

Свободная общественная деятельность людей невозможна без сознательной, добровольной дисциплины, без той или иной доли самоотверженности, без способности и умения отдельного индивида пожертвовать, когда без этого нельзя обойтись, своими интересами и даже самой жизнью ради достижения общей цели, и все это возможно только благодаря действию моральных побуждений. В классической марксистской литературе источником морального поведения всегда считалось моральное сознание. Так, Маркс характеризовал нравственное поведение тем, что личность действует, «отбрасывая всякого рода личные интересы и исходя из самых чистых побуждений»²⁰. Но ведь именно благодаря таким действиям, а значит и порождающим их побуждениям, могут возникать и осуществляться моральные отношения.

Изложенные аргументы, как можно надеяться, подтверждают положение, высказанное в начале статьи: представление о моральных отношениях, якобы существующих вне и независимо от сознания и принадлежащих к общественному бытию, является теоретически несостоятельным, так что было бы разумно и полезно по возможности скорее освободить от него нашу этическую литературу.

В заключение несколько слов о практическом значении этого представления. Что оно может дать для теории и практики нравственного воспитания? Каким путем можно влиять на формирование коммунистических нравственных отношений? Очевидно, путем воздействия на сознание людей, воспитания их моральных чувств, взглядов, стремлений, разумеется, на базе совершенствования социально-экономических условий их жизни. Но если счи-

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 30. С. 376.

тать, что моральные отношения независимы от сознания, то этот путь надо признать ложным. Никакого же другого быть не может. Отсюда следует вывод о том, что указанное представление заводит теорию и практику воспитания в тупик. Оно не только бесполезно, но и вредно, ибо сбивает их с правильного пути. Поскольку практика — важнейший критерий истинности теории, то это еще один аргумент против данного представления.

А. Б. ФРАНЦ
Уральский университет

О социально-практических основаниях морали как способе освоения мира

Анализируя метод политической экономии, К. Маркс выделил, как известно, четыре способа идеального освоения действительности: теоретический, художественный, религиозный, практически-духовный¹. Наиболее отчетливо различие выступает на уровне тех форм, которые определяют способ организации мыслительного содержания в рамках того или иного способа. Так, формой теоретической концептуализации выступает понятие; художественное мироосмысление осуществляется в форме типического образа; религиозный способ идеального освоения предполагает догму; что касается практически-духовного способа освоения, то он, как представляется, осуществляется в форме нормы.

В таком случае проблема социально-практических оснований морали формулируется следующим образом: 1) каковы общие основания **нормативного** мироосмысления; 2) чем обусловлена специфика собственно **нравственной** нормативности. Речь, в сущности, идет о природе моральной нормы как такой концептуальной формы, которая конституирует мораль в особый способ идеального освоения мира.

Вопрос о природе моральной нормы далек от однозначного решения. Так, с одной стороны, моральные нормы — это «элементы нравственного сознания... устойчивая, утвердившаяся в общественном сознании расстановка узловых моральных ценностей»². Вместе с тем, как справедливо отметил в свое время А. К. Уледов, норма как таковая возникает до и помимо какого бы то ни было ее осмысления, а именно как устоявшийся способ отношения людей; и в этой своей ипостаси норма еще только должна

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 727—728; Т. 46, ч. 1. С. 38.

² Марксистская этика. М., 1980. С. 113.

стать фактом сознания³. Словарь же по этике, объединив указанные два момента, толкует моральную норму как «элемент моральных отношений и как форму морального сознания»⁴. Можно предположить, что указанные различия в определении нормы суть фикция различных ее сторон, ступеней становления.

Вполне очевидно, что для понимания природы моральной нормы недостаточно механического соединения упомянутых моментов. Лишь поняв тот путь, который претерпевает норма в процессе идеализации от устоявшегося способа практической деятельности до превращения в факт нравственного сознания, мы сможем реально говорить о понимании морали как способа освоения мира. Ибо если специфика «нравственного синтеза», которому подвергается человеческое бытие в процессе его морального осмысления, целиком определяется особенностью моральных категорий, то сами моральные нормы оказываются не чем иным, как идеальными формами соответствующих категорий, задающими присущий им способ мироосмысления. Поэтому именно становление моральной нормы есть тот процесс, в рамках которого происходит формирование качественной определенности морали.

Следует заметить, что есть по крайней мере еще один вопрос, без решения которого бессмысленно говорить о природе моральной нормы. Это вопрос о соотношении нормы и ценности. Не решаясь приводить все точки зрения по данному вопросу, рассмотрим, как нам представляется, наиболее распространенную. С данной позиции норма трактуется как «осмысление ценностной предметности»⁵, то есть она выступает здесь как отражение в сознании объективно ценного, обладающего в силу этого характером императива. Нам представляется, что подобная позиция, будучи отчасти верной, не свободна от существенных недостатков. И прежде всего это — жесткая установка на рассмотрение одного как отражения другого (будь то норма как отражение ценности, или наоборот). Но соотношение может быть и иным.

Так, при всей разноречивости определений ценности, вряд ли может вызвать возражение такое ее определение, как **мера**, человеческая мера окружающего его мира. Очевидно, что мера эта устанавливается в практической деятельности человека, преобразуя мир по его законам, но и по своему «образу и подобию». И здесь понятие нормы как устойчивого способа человеческой деятельности относится не к отражению ценности, но к процессу ее формирования. Норма как способ деятельности, устанавливающей человеческую меру действительности, конституируется на этом уровне как идеальная форма ценности, существующая вне ее (в самой деятельности), но несущая в себе ее собственную определенность.

³ См.: Уледов А. К. Структура общественного сознания. М., 1968.

⁴ Словарь по этике. М., 1981. С. 211.

⁵ Брожик В. Марксистская теория оценки. М., 1982. С. 136.

Указанное широкое понимание нормы позволяет содержательно интерпретировать различные нормативные положения. Однако оно меньше всего помогает объяснить их нормативную форму. Думается, нет необходимости доказывать, что нормативность как форма суждения всегда производна от известного авторитета, санкционирующего определяемое этим суждением действие. Как писал по этому поводу М. М. Бахтин, «...ее (нормы — А. Ф.) действительная обязательность как нормы, — оценивается не со стороны ее смыслового содержания, но со стороны действительной авторитетности ее источника»⁶.

Так, чтобы понять идеализацию способа деятельности в виде системы юридических норм, необходимо рассмотреть этот способ как совокупность общественных отношений, порождающих определенное социальное разделение труда, ведущее к соответствующему классовому расслоению, порождающему известные классовые интересы, выражаемые, в свою очередь, в виде государственной воли господствующего класса, и поэтому принимающего форму юридических норм. Таким образом, лишь сложный процесс идеализации, закономерно завершающийся апелляцией к государственно-волевому авторитету, придает норме форму юридической нормы.

Можно предположить, что моральная норма также обязана спецификой своей нормативности определенному механизму идеализации. Однако «неинституциональность» морали, «бессубъективность» ее императивов затрудняет вычленение такого механизма. Попытаемся начать с выделения «верхнего» уровня идеализации моральной нормы — с уровня реально практикуемых нравов. «Не выносить сор из избы» или «бороться с недостатками», «радеть родному человечку» или «оценивать деловые качества» и т. д. — таковы реальные определения, которые формируют этот уровень, реальную нравственность общества. Отображение этих норм осуществляется в индивидуальном сознании «по типу усвоения, освоения, присвоения»⁷ и составляет задачу воспитания, нравственной пропаганды и т. д. в деле формирования индивидуальной нравственности. Ни о каком процессе «интериоризации норм»⁸ как характеристике практической деятельности здесь говорить еще не приходится.

Однако этот уровень нормы не имеет в себе **собственного** нравственного основания: «...абстрактные, персонифицированные отношения и зависимости с помощью социальных норм облачаются в образную, конкретную форму... норма превращается в символ более общих, более абстрактных зависимостей»⁹. Что же каса-

⁶ Бахтин М. М. Архитектоника поступка // Соц. исслед. 1986. № 2. С. 162.

⁷ См.: Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляции поведения. М., 1978. С. 103.

⁸ См.: Зыбковец В. Ф. Происхождение нравственности. М., 1974. С. 17—18.

⁹ Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. С. 10—11.

ется психологического механизма превращения абстрактных неперсонифицированных зависимостей в конкретные символизирующие их нормы, то здесь автор говорит о «деонтических представлениях», отражающих в человеческой психике указанные закономерности и реализующихся в конкретных социальных нормах. «В социальных нормах, — пишет М. И. Бобнева, — деонтические представления становятся для человека реальностью... Нормы — реальность деонтического»¹⁰.

Возникает, однако, вопрос, что означают эти деонтические представления? Действительно, если реальное содержание нравственных норм создается человеческими поступками, то что остается на долю этих представлений? Очевидно, сама нормативная форма, или потенциальная готовность признать что-то **должным**, а что-то нет. То есть, речь идет, по сути дела, об определенном рода **установках** индивида, создаваемых теми зависимостями, в которые он включен и которые реализуются в конкретных нравах в виде их нормативной, должной формы¹¹.

Таким образом, мы пришли к следующему, более глубокому уровню идеализации моральных норм — уровню нормативных, деонтических установок, являющихся «основным содержанием должного сознания»¹². Необходимость учета этого уровня нормативности всячески подчеркивал М. М. Бахтин, критикуя так называемую «материальную» этику, т. е. пытающуюся **непосредственно** вывести должное из сущего, следовательно, останавливавшуюся на анализе нравственной конкретики поведения¹³. «Я могу согласиться с тем или иным положением как психолог, социолог, юрист *ex cathedra*, — пишет по этому поводу М. М. Бахтин, — но утверждать, что тем самым оно становится нормирующей мой поступок нормой — значит перепрыгнуть через основную проблему. ...Нужно еще нечто из меня исходящее, именно — **нравственно-должная установка** (выделено нами — А. Ф.) моего сознания по отношению к теоретически в себе значимому положению»¹⁴.

Именно поисками такого рода психической реальности, которая предшествовала бы конкретным проявлениям поведения и сознания, определяла при этом форму их проявления, ознаменовалось начало творческой деятельности выдающегося советского психолога, основателя теории установки Д. Н. Узнадзе¹⁵. Первоначально он вводит понятие «подпсихического», являющегося неким «пограничным состоянием» между полюсами объективного и

¹⁰ Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. С. 48.

¹¹ Вероятно, одним из первых термин «деонтическая установка» использовал В. Момов. См.: Момов В. Норма и мотив поведения // Вopr. философии. 1972. № 8. С. 107—117.

¹² Момов В. Там же. С. 115.

¹³ Собственно, тот же пафос пронизывает и «Принципы этики» Дж. Мура, и «Основы метафизики нравственности» Канта.

¹⁴ Бахтин М. М. Архитектоника поступка. С. 162.

¹⁵ См.: Асмолов А. Г. Деятельность и установка. М., 1979. С. 5—55.

субъективного. «...Интенция к объекту, заложенная в переживании всякого восприятия, возможно, опирается только на эту неизвестную подпсихическую сферу»¹⁶, — писал он в 1923 г. В конечном итоге попытки исследования «подпсихического» воплотились в концепцию первичной унитарной установки. Заметим, что абстрактный, формальный характер понятия «унитарная установка» заставил Д. Н. Узнадзе, и особенно его последователей, по сути дела, отказаться от разрешения первоначально заявленной проблемы — поиска пограничного психического состояния, отказаться от унитарной установки как объяснительного принципа, перейдя к изучению фиксированной установки. Но вытекает ли из этого теоретическая несостоятельность данного понятия? Анализ проблемы морально-должного, как нам кажется, дает аргументы против такого вывода. Что мы имеем в виду?

Если обратиться к эволюции этических концепций должного от Нового времени до этических трудов немецких классиков, то ее можно охарактеризовать как переход от «натуралистических» концепций, остающихся на уровне философии нравов, к моральной философии сверхчувственного должного. Первые можно проиллюстрировать, приведя высказывание А. Смита: «Наше уважение к общим правилам нравственности есть собственно так называемое чувство долга»¹⁷. Здесь речь идет об «уважении» к реально существующим, конкретным нравственным нормам. Совсем другая картина возникает в этических сочинениях Канта. Да, моральный поступок совершается «из уважения» к практическому закону. И долг определяется как поступок, «совершаемый согласно этому закону»¹⁸. Более того, «... все умопостигаемые предметы... имеют для нас не больше реальности, чем реальность ради этого закона»¹⁹. Но сам этот закон уже не носит характер **реального** отношения, являясь сверхчувствительным, не вытекающим ни из чувственной природы, ни из субъективной воли, но лишь из единства их обеих. «Этот закон, — пишет Кант, — должен дать чувственно воспринимаемому миру как **чувственной природе...** форму умопостигаемого мира, т. е. **сверхчувственной природы**»²⁰. Таким образом, по сути дела, практический закон Канта в качестве объяснительного принципа нес на себе ту же нагрузку, что и понятие унитарной установки Д. Н. Узнадзе.

Можно, конечно, возразить, что именно за абстрактность, формализм, «отрыв от жизни» этика Канта критикуется марксистами. Думается, что это возражение в значительной мере неосновательно. И вот почему. Никто еще не предложил более глубокой критики кантовской этики, чем Гегель. Но и он отверг лишь претен-

¹⁶ Цит. по: Шерозия А. Е. К проблеме сознания и бессознательного психического. Тбилиси, 1969. Ч. 1. С. 355.

¹⁷ Смит А. Теория нравственных чувств. СПб., 1868. С. 520.

¹⁸ Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 4, ч. 1. М., 1965. С. 406.

¹⁹ Там же. С. 394.

²⁰ Там же. С. 362.

зии ее на создание «всеобъемлющей» этической системы, отведя моральной философии Канта соответствующую и совершенно необходимую роль. Так, анализируя его концепцию долга, Гегель пишет: «На долю самого долга, поскольку он составляет существенное или всеобщее морального сознания, всякого так, как оно есть изнутри себя самого (т. е. не реализуется в конкретной нравственности — А. Ф.) ...на долю этого долга остается... лишь абстрактная всеобщность, и он имеет своим определением абстрактно положительное, то, что не имеет определения»²¹. Гегель признает необходимость кантовского понимания долга как той формальной положительной определенности, которая составляет сферу морали и, реализуясь в нравственном поступке, обеспечивает ему статус «должного» поступка, тогда как вне такой реализации никакой содержательной определенности не имеет. Именно воля субъекта в форме таким образом понятого долга очерчивает у Гегеля сферу морального, в отличие его от нравственности.

Следующим уровнем идеализации норм, лежащим в основании нормативности установок, является сам предметный мир человека. О чем идет речь? В одной из своих статей, анализируя философские основания гуманитарного знания, М. М. Бахтин формулирует задачу и «вещную среду, воздействующую механически на личность, заставить заговорить, то есть раскрыть в ней потенциальное слово и тон, превратить ее в смысловой контекст мыслящей, говорящей и поступающей личности»²². Едва ли следует оценивать это высказывание как «поэтическое иносказание»: если мы обратимся к феномену установки, то, как отмечал Д. Н. Узнадзе, он прежде всего связан с «привлекательной силой предметов», возникающей в ситуации актуальной потребности²³. Предмет, будучи опредмеченной человеческой потребностью, «говорит» от ее имени, от имени человека в целом. Более того, в одной из своих статей А. И. Титаренко приводит результаты психологических экспериментов, в ходе которых, воздействуя на психику человека определенными веществами, оказалось возможным проникнуть на подсознательный уровень психики человека, где вещи — нравственно, казалось бы, нейтральные — отчетливо фигурируют с предикатами «хорошего» и «плохого», т. е. несут в себе моральное качество²⁴. И в этой связи утверждение М. М. Бахтина о том, что «понять предмет — значит понять мое **долженствование** (выделено нами — А. Ф.) по отношению к нему (мою должную установку)»²⁵, получает довольно неожиданное в контексте его собственных исследований подтверждение.

²¹ Гегель. Соч. Т. 7. М., 1934. С. 153.

²² Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1977. С. 367.

²³ См.: Узнадзе Д. Н. Основные положения теории установки//Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961. С. 169.

²⁴ См.: Титаренко А. И. Мораль как особый способ освоения мира//Социальная сущность и функции нравственности. М., 1975. С. 3—23.

²⁵ Бахтин М. М. Архитектоника поступка. С. 159.

Возникает естественный вопрос: как логически эксплицировать способность человеческих предметов говорить с человеком «человеческим голосом» (формируя при этом его деонтические установки). Собственно, вся последняя глава «Учения о бытии» («Становление сущности»), а также вся 2-я книга «Науки логики» («Учение о сущности») посвящены логическому исследованию этой проблемы. Поскольку становление сущности есть, по Гегелю, прежде всего «расчленение индифференции» (понятие, введенное Шеллингом для обозначения абсолютного единства субъекта и объекта), то речь, стало быть, идет о выделении субъекта по отношению к объекту, и наоборот, причем собственным основанием объекта является именно его отрицательное отношение к субъекту. Проще говоря, объект определяется как «субъект наоборот», отрицательно, или рефлексивно. Именно рефлексивность бытия характеризуется Гегелем как его «сущность»²⁶. Это становится еще более понятным, если учесть, что сущность, по Гегелю, есть к тому же еще и **снятое бытие**²⁷, тогда как — добавим от себя — **снятие** бытия происходит прежде всего в практической деятельности субъекта. «Орудие, — писал А. Н. Леонтьев. — является первой настоящей абстракцией»²⁸.

Таким образом, «положенность сущности» объекта оказывается не чем иным, как положенностью объекта в формах субъектной деятельности с ним, причем такой положенностью, которая, являя собой «человеческое лицо», **меру** объекта, делает это рефлексивно, отрицая свое субъектное происхождение, выступает как его собственная, «природная» определенность. Именно в «сущности» предмета человеческая мера объекта находит свое **предметное** воплощение.

Итак, в процессе «становления сущности» норма переходит из субстрата человеческой активности в субстрат человеческой предметности, из формы «способа деятельности» в форму «положенности сущности», где выступает как «собственный закон» существования человеческого предмета, обуславливающий его качественную определенность. Думается, именно этим обстоятельством объясняется тот набор характеристик, который О. Г. Дробницкий обозначил как «логическую семантику» моральных суждений. То, что моральное суждение, вербализующее норму, «высказывается не как волеизлияние данного субъекта, а как некое общезначимое положение, конституирующее долженствование или ценность объекта безотносительно к чьей-либо воле», то, что «моральное суждение по своему смысловому значению выступает в виде объективной констатации ... чем напоминает эмпирическое суждение факта»²⁹, все эти отличительные признаки

²⁶ См.: Гегель. Соч. Т. 5. С. 458.

²⁷ «... Та положенность, которая присуща сущности, — пишет он, — имеет бытие лишь как снятая положенность». (Гегель. Соч. Т. 5. С. 525).

²⁸ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. С. 74.

²⁹ Дробницкий О. Г. Проблемы нравственности. М., 1977. С. 31—32.

морального суждения, вербализующего норму, имеют свое основание в предметно-сущностном этапе ее становления, где она получает форму «собственного закона объективного мира». Именно здесь коренится способность морального сознания говорить «от природы вещей», апеллировать к другим мотивам. Должное на этом уровне идеализации оказывается тождественным «сущностной основе мира»³⁰. В то же время, сама «сущностная основа мира» оказывается не чем иным, как той конкретно-исторической формой, которую приобретает продукт труда в процессе социального взаимодействия.

Так, анализируя буржуазное производство, К. Маркс показал, что товарная форма продукта «является тем зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы»³¹. В процессе производства и обмена, пишет К. Маркс, товар «приобретает двойное существование, наряду со своим натуральным существованием приобретает чисто экономическое существование, в котором он всего лишь знак, символ производственного отношения...»³². Таким образом, анализируя то основание, которое обуславливает ту или иную форму «положенности сущности» как особого уровня идеализации нормы, мы снова пришли к тому пункту, с которого начинали — к исходному пункту идеализации нормы, к норме как общественному способу практической деятельности, который сквозь призму сущности предметного мира отражается в деонтических установках личности.

Последний вопрос, который должен быть освещен в рамках данной статьи, заключается в следующем: существует ли **особый** класс предметов, который, репрезентируя человеку общественный характер его деятельности, конституировал бы тем самым практические основания морали как **особого** способа идеального освоения? Как нам представляется, в качестве таких орудий репрезентации для морали выступают социально-практические распределительные знаковые системы. Речь идет о знаках родства в родовом обществе, в знаках сословной, социально-статусной принадлежности в сословно-классовых обществах, знаках стоимости в обществах с рыночным хозяйством.

Так, если говорить о **субстрате** морали как особом способе регуляции деятельности, то в качестве такового в родовом обществе выступала система терминов родства. Как отмечает И. В. Поляков: «...если характерный способ соотношения индивидов именно как общественных индивидов в первобытном обществе — это отношения родства, то соответствующим знаковым их отображе-

³⁰ Гусейнов А. А. Социальная природа нравственности. М., 1974. С. 42.

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 82.

³² Там же. Т. 46, ч. 1. С. 83.

нием является система терминов родства»³³. В знаке родства в идеальной форме выражаются те общественно санкционированные отношения, которые присущи данной родственной группе, «а система терминов родства оказывается своеобразным отображением социальной структуры первобытно-общинной формации»³⁴. Термин родства выступает здесь как идеальное выражение социального статуса в структуре кровно-родственных отношений, а индивид, неся на себе определенность той или иной родственной категории, «оказывается для всех других индивидов не только данным конкретным субъектом, но одновременно и идеальным образом ... получает «нормофиксированную определенность» для всех других индивидов»³⁵.

Таким образом, производственные отношения первобытного общества, выступающие как отношения родства, задают идеальные образы субъектов этих отношений в виде их «нормативного статуса»³⁶, зафиксированные в системе терминов родства. Становление же сознательного «Я», индивидуальности субъекта связано с присвоением индивидом до него существующего идеального образа, конкретизированного в определенной родственной группе. И осуществляется это становление по мере **включения** индивида в создающую данный образ систему практических отношений внутри группы.

Какова функция системы родства в родовом обществе? Обеспечение индивиду присвоения **той** части общественного богатства, которая соответствует его месту в системе общественного производства (в том числе и производства самого человека). Отметим, однако, что именно присвоение общественных благ непосредственно создает индивида во всем богатстве его индивидуального бытия. Выступая в акте производства как воплощение своей общественной определенности, человек в потреблении превращает эту определенность в определенность индивидуальную (впрочем, потребление рассматривается не абсолютно, но как абстрактный момент производства³⁷). Способ присвоения, таким образом, есть непосредственно тот способ, посредством которого **общественное** становится **индивидуальным**, в рамках которого общее **есть** единичное, то есть в идеальной форме распределительных терминов общественное выступает как индивидуальное, а социальная позиция субъекта производства — как его индивидуальное «Я». Правоммерно то же самое отнести и к любой социально-практической распределительной знаковой системе. Именно эта определенность индивидуального, выступающая как определенность формы, и создает тот содержательно неопределимый **авторитет**, сооб-

³³ Поляков И. В. Знаковые системы в социальном взаимодействии и познании. Новосибирск, 1983. С. 26—27.

³⁴ Там же. С. 49.

³⁵ Там же. С. 46.

³⁶ См.: Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. С. 36.

³⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 24—36.

шающий нормам нравственности характер индивидуально-всеобщей санкционированности. Речь идет, таким образом, о том трудноуловимом, «трансцендентальном» единстве самосознания, которое выступает в качестве субъекта относительно санкционирования любого нравственного «предиката».

Попытаемся продемонстрировать указанную зависимость в сравнении некоторых моментов Марксова анализа денег и гегелевской характеристики морали. Так, уже в «Нищете философии» Маркс указывает: «Деньги не вещь, а общественное отношение»³⁸. В то же время, еще в 1844 г. он отмечает **абстрактный** характер этого отношения (затем развитый в концепции двойственного характера труда). «Личностное бытие денег как денег, — пишет К. Маркс, — ...тем больше соответствует сущности денег, чем абстрактнее они сами»³⁹. Более того, характеризуя труд, создающий меновую стоимость, как «абстрактный труд»⁴⁰, Маркс отмечает, что это не мыслительная, но ежедневно совершающаяся в множестве актов обмена реальная **социальная** абстракция сведения конкретных видов труда к абстрактному⁴¹. Таким образом, если меновая стоимость есть сама по себе социально-практическая абстракция, то всеобщее рабочее время, создающее ее, тоже есть абстракция, становящаяся в обмене; если «бытие особенного товара в качестве всеобщего эквивалента из чистой абстракции превращается в **общественный** результат самого процесса обмена»⁴², то очевидно, что собственная определенность денег как завершенной и обособившейся определенности меновой стоимости есть лишь абстракция **определенности формы**, которая непосредственно совпадает с их бытием в качестве металлов (имеется в виду определенность социальной формы процесса общественного воспроизводства).

Следовательно, коль скоро идеальная определенность денег есть чистая определенность формы (формы рыночного хозяйства), то и операции с деньгами должны интериоризоваться в психике индивида в виде чисто **формальных** определений (которые, собственно, и характеризуют **установку** как способ отношения к миру). В то же время заметим, что именно абстрактный, формальный характер определений сознания подчеркивается Гегелем в сфере морали (отличая ее тем самым от нравственности). В сфере морали, пишет он, «добро обладает... лишь определением всеобщей, абстрактной существенности — определением долга... Выдвижение этого значения долга составляет заслугу и возвышенность точки зрения кантовской практической философии»⁴³.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 110.

³⁹ Там же. Т. 43. С. 20.

⁴⁰ Там же. Т. 13. С. 15.

⁴¹ Там же. С. 17—18.

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 33.

⁴³ Гегель, Соч. Т. 7. М., 1934. С. 152—153.

Здесь «существенное и доброе суть ... равнозначные выражения; первое есть такая же абстракция, как и второе...»⁴⁴.

И если Маркс выделял в качестве основного противоречия товара (воплощенного в идеальной форме денег как всеобщего товара) «быть особенной потребительной стоимостью и вместе с тем всеобщим эквивалентом»⁴⁵, то в этом противоречии ключ к пониманию и категорического императива Канта, и основного противоречия морали в гегелевской философии права, где мораль фигурирует как «воля, рефлектированная в себя из внешнего наличного бытия, определившаяся в качестве **субъективной единичности**, в противопоставлении **всеобщему**, последнее же есть частью, в качестве внутреннего — **добро**, частью же в качестве внешнего, наличный мир, ибо обе эти стороны суть лишь как **опосредованные друг через друга**... это, — пишет Гегель, — **сфера морали**»⁴⁶.

Именно здесь формируется тот моральный **авторитет**, который создает специфическую нормативность нравственной нормы. В качестве такого авторитета выступает «субъективная единичность», противопоставленная всеобщему — следовательно, получающая в нем свои определения. Если отойти от гегелевского языка, то речь здесь идет о формировании тех самых «деонтических представлений», которые определяют, что должен представлять из себя «типический», «нормальный», «должный» индивид, абсолютно выражающий в своей «субъективной единичности» собственную общеродовую сущность. Эти представления и функционируют в виде общей, нефиксированной на каком-либо конкретном предмете, установки: установки определять нечто как соответствующее сущности человека (человеческого мира), следовательно, **должное**, удостоверяющее нравственность этого нечто; или же, наоборот, отказывать ему в таком признании.

Таким образом, лишь поняв те уровни идеализации, которые проходит общественно-выработанный способ практической деятельности до принятия формы деонтических установок, реализующихся затем в нормах нравственности (а мы не убеждены, что отметили здесь все уровни), а также механизм действия распределительных социально-практических систем в качестве специфического орудия этой идеализации, мы сможем, с большей или меньшей долей уверенности, говорить о понимании социально-практических оснований морали.

Особенно важно такое понимание сейчас, в эпоху коренной ломки устоявшихся стереотипов деятельности, а, следовательно, и стереотипов сознания. Действительно, если брать сферу морали, то здесь задачей перестройки является формирование такой интегральной установки, как «чувство хозяина». Однако, как отметил на XXVII съезде КПСС М. С. Горбачев, «было бы наив-

⁴⁴ Гегель. Соч. Т. 7. С. 165.

⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 34.

⁴⁶ Гегель. Соч. Т. 7. С. 57.

но представлять, что чувство хозяина можно воспитать словами. Отношение к собственности формируется прежде всего теми реальными условиями, в которые поставлен человек, возможностями его влияния на организацию производства, распределения и использования результатов труда»⁴⁷. Вывод отсюда, казалось бы, следует только один: нет и не может быть эффективной работы по перестройке морального сознания людей вне перестройки всей системы отношений, в которую они включены.

И действительно, опыт организации работы в таких, например, коллективах, как трест «Мособлсельстрой» № 18 (начальник — Н. Травкин) подтверждает эту мысль: новые формы трудовой деятельности действительно порождают новые парадигмы моральной оценки⁴⁸. Однако корень проблемы заключается в другом. Ведь любое преобразование совершают люди, со сложившимися системами ценностей, сложившимися стереотипами, установками. А установка — это такое образование, для сдвига которого, как пишет А. Г. Асмолов, «... такого условия как **осознания** (выделено нами — **А. Ф.**) привлекательности (или непривлекательности) объекта установки явно недостаточно... изменение смысловых установок — это всегда следствие изменения **реальных отношений** (выделено нами — **А. Ф.**) человека к действительности»⁴⁹. Получается, чтобы перестроить сознание, необходима перестройка самой действительности, но перестройка этой действительности невозможна без наличия соответствующего сознания.

Поэтому, когда М. С. Горбачев отмечает, что «... образовался своего рода механизм торможения...»⁵⁰, то, вероятно, здесь следует говорить не только о **сознательном** противодействии людей, чьи корыстные интересы задеты перестройкой, но и о **неосознанном** противодействии тех, кто просто не способен осуществить сдвиг сложившихся установок. Формула торможения здесь такова: «Это (то или иное преобразование), конечно же, хорошо, но...» и находятся сотни причин, почему такое преобразование сейчас несвоевременно или не учитывает специфики, или не соответствует объективным условиям... Но причина-то, как правило, одна — несоответствие этого «хорошего» тому, что в сокровенной глубине сознания держится за точку отсчета, за «норму», за **должный** ход вещей.

Вот почему с такой остротой стоит проблема кадров. Именно подбор и выдвижение людей творческих, способных по-иному взглянуть на вещи, людей, не скованных устоявшимися установками, людей, чья творческая энергия позволит преодолеть груз

⁴⁷ Горбачев М. С. Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду. М., 1986. С. 50.

⁴⁸ См.: Чекалин А. Метод Николая Травкина // Правда. 1986. 1 нояб.

⁴⁹ Асмолов А. Г. Деятельность и установка. С. 73, 74.

⁵⁰ Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на Пленуме ЦК КПСС, 27—28 января 1987 г. // Коммунист. 1987. № 3. С. 9.

наслоившихся в каждом из нас стереотипов, — именно выдвижение таких людей на ключевые места решит в конечном счете судьбу перестройки. И это окажется возможным настолько, насколько мы сумеем осуществить задачу демократизации нашего общества, демократизации, высвобождающей созидательные силы миллионов и выводящей на авансцену истории лучших представителей.

А. П. ВАРДОМАЦКИЙ
Институт философии АН БССР

Процессы нормотворчества в нравственной культуре социалистического общества

Происходящее в стране глубокое оздоровление всей духовной атмосферы непосредственно затрагивает и область нравственности. Переосмысление каждым советским человеком своей гражданской позиции порождает значительно более строгие по своей императивности нормы нравственной жизни. В этой ситуации одна из актуальных задач этической науки — исследование процессов нравственного нормотворчества, социальных механизмов возникновения нового, прогрессивного и отмирания старого, становящегося реакционным.

Буржуазная этическая мысль видит в основном два способа нравственного нормотворчества — авторитарный и конвенциональный. В первом случае источником моральных императивов объявляется некий авторитет (Христос, Магомет, «системосоздающий» Е. Дюринг и т. д.), априорно задающий их вечными и неизменными для любых вариаций объективных условий. Во втором — происхождение норм понимается как результат конвенции, договора-сделки людей по поводу того, как надо или не надо поступать в ряде аналогичных ситуаций. Сделка, естественно, носит достаточно произвольный характер, в принципе условиться можно было бы и каким-либо другим способом, придумать иные правила игры. Обе точки зрения являются, очевидно, идеалистическими, ибо в равной степени отрицают объективный характер детерминации моральных систем.

Сущность марксистского объяснения происхождения моральных императивов заключается в том, что в качестве источников всякой морали выделяются социально-экономические факторы. «...Люди, сознательно или бессознательно, черпают свои нравственные воззрения в последнем счете из практических отношений, на которых основано их классовое положение, т. е. из экономических отношений, в которых совершаются производство и об-

мен»¹. По этой причине каждый класс выдвигает свою моральную систему, являясь относительно самостоятельной нормоустанавливающей группой, определяет мораль рабовладельцев и мораль рабов, мораль феодалов и крепостных крестьян, буржуазную и пролетарскую мораль. В свою очередь, каждой общественно-экономической формации соответствует определенный тип нравственности — кровнородственные отношения первобытно-общинного строя, грубая рабовладельческая личная зависимость, феодальный патернализм, «эквивалентность морального воздаяния» (А. И. Титаренко) при капитализме, гармония личных и общественных интересов коммунистической формации.

Своеобразным передаточным механизмом в системе «социально-экономические условия — моральные императивы» служат общественные интересы. Именно «удовлетворение возникающих интересов, осуществляющееся в деятельности людей, порождает разнообразные надстроечные отношения»². Однако между экономическим базисом и духовной надстройкой не существует жесткой, однозначно-механической зависимости (отношения изоморфизма), мораль обладает относительной самостоятельностью.

Различные этажи здания нравственности находятся на различном расстоянии от своего социально-экономического фундамента: чем более удален тот или иной моральный императив от основания, чем более всеобщий характер он носит, тем более свободен и инертен он по отношению к базису. Идеалы и принципы изменяются медленнее конкретных житейских правил. К примеру, урбанизация в условиях социализма привела к изменению некоторых нравственных характеристик межличностного общения, однако основные принципы коммунистической морали остались, конечно же, неизменными. Относительная самостоятельность нравственности выражается также и в том, что ее развитие на отдельных участках истории может детерминироваться и сугубо внутренними закономерностями. Так, известно, что этика является одновременно составной частью морального сознания, его высшим этажом. Любая же этическая теория строится в соответствии со своими имманентными критериями, она, например, должна удовлетворять требованиям логической непротиворечивости и завершенности.

Другим краеугольным положением марксистских взглядов на нравственное нормотворчество является то, что субъектом этого процесса выступает макросреда. Под макросредой понимаются такие большие социальные группы, которые закономерно сложились в ходе исторического развития и длительное время занимают свое определенное устойчивое место в системе общественных отношений. Говорить о количественных границах больших групп весьма затруднительно, но ясно лишь, что они не позволяют

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 95.

² Уледов А. К. Структура общественного сознания. М., 1968. С. 85.

всем ее членам постоянно поддерживать между собой непосредственный контакт. Типичным примером макросоциальных групп являются социальные классы и различные группы, отличающиеся по национальному, профессиональному и возрастному признакам. Причем национальность, профессия и возраст имеют значение для выработки большой группой моральной ориентации, тогда как для ее социально-экономического положения в системе общественных отношений более важной характеристикой будет классовая принадлежность.

Сущностные признаки социального класса, выделенные В. И. Лениным в работе «Великий почин», — отношение к собственности на средства производства, роль в общественной организации труда, способ и размеры получаемой доли общественного богатства³ — выражают точку зрения таких наук, как исторический материализм и политическая экономия, просматривающих класс под социально-экономическим углом зрения. Этика же, исследующая мораль как надстроечное явление, нуждается в конкретизации этих признаков в соответствии со спецификой своего предмета исследования. Этически проинтерпретированные большие социальные группы выглядят как общности, у которых: «... 1) относительно одинаковые объективные социальные позиции и, следовательно, общие интересы; 2) относительно одинаковый диапазон социальных возможностей для морального выбора; 3) общая в структурно-типологическом плане устроенность морального сознания; 4) общая ценностная ориентация; 5) приблизительно одинаковые способы «манифестации» своей моральной позиции и регуляции поведения; 6) общность трафарета оценки, рассматриваемого как содержательные «рамки» построения привычных моральных суждений, и т. д.»⁴.

Если в антагонистических общественно-экономических формациях макросреда выступала по отношению к личности в виде соответствующего социального класса, то при социализме, в условиях отсутствия неразрешимых классовых противоречий, она начинает разрастаться, постепенно отождествляясь с обществом в целом, социумом. Например, макросредой советского человека является новая историческая общность людей — советский народ. В силу роста социальной однородности главными причинами, определяющими нравственно-мировоззренческие различия, стали теперь не классовая, а профессиональная, национальная и половозрастная принадлежность, причем различия перестали носить антагонистический характер.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15.

⁴ Титаренко А. И. Структуры нравственного сознания. М., 1974. С. 233. Приведенные характеристики, по мысли А. И. Титаренко, описывают исторические типологии нравственного сознания. На наш взгляд, данные признаки правомерно распространить и на групповые типологии структур нравственного сознания. Совпадение логического и исторического проявляется здесь в наглядной форме.

Опираясь на указанные два исходных методологических положения о социально-экономической основе нравственности и макросреде как субъекте нравственного нормотворчества, проведем культурологический анализ некоторых процессов морально-нормообразования. При этом уделим внимание как историко-генетическому, так и структурно-функциональному аспектам.

В те далекие времена, когда различные формы общественного сознания еще пребывали в синкретическом состоянии, представления о добре и зле не имели, естественно, специфически морального значения. Их смысл был гораздо более широким, являясь простым выражением понимания первобытным человеком хорошего и плохого начал в мире. Так, добро означало одновременно и физическую выносливость, и полезные предметы. Четыре понятия: добро, красота, истина, польза — еще не расчленились, счастливым образом сочетаясь в одном смысловом конгломерате. Первобытное сознание еще не былоотягчено противоречиями между истиной и красотой, красотой и добром, добром и пользой и т. д.

Возникшая затем по ряду причин специфически моральная регуляция поведения породила и соответствующую форму общественного сознания и соответствующий вид социальных норм. Эти нормы и представления появились в результате придания собственно морального статуса некоторым синкретическим общеонтологическим и социальным взглядам древних, появления морального видения мира. Представление о полярности бытия превращается в противоположность добра и зла.

После того, как произошла дифференциация общественного сознания, мораль продолжала ассимиляцию представлений теперь уже из других его форм. «Моральное сознание не просто создает свои категории, но вовлекает в свою орбиту понятия из других форм общественного сознания, переосмысляя их и придавая им собственную логику»⁵. Например, лозунг «Пролетарии всех стран — соединяйтесь!», сформулированный К. Марксом и Ф. Энгельсом первоначально как политический призыв рабочего класса, трансформировался затем в нравственный принцип пролетарского интернационализма⁶. Существует и обратная связь: моральные нормы становятся принадлежностью других форм общественного сознания. Таким образом, можно сказать, что между различными формами общественного сознания происходит взаимный нормообмен, причем чем «ближе» они находятся, тем нормообмен активнее. Общепринятой является тесная связь между моралью и правом. Здесь и происходит наиболее интенсивная взаимоассимиляция. Конституция (Основной Закон) СССР —

⁵ Дробницкий О. Г. Проблемы нравственности. М., 1977.

⁶ Такие резкие временные скачки оправданы тем, что здесь важна сама закономерность, а не хронологическая точность и скрупулезное соблюдение исторического масштаба.

документ юридический, но содержит ряд морально окрашенных положений. К примеру, статья 66 гласит: «Граждане СССР обязаны заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно-полезному труду, растить достойными членами социалистического общества. Дети обязаны заботиться о родителях и оказывать им помощь».

Перенос нравственных представлений может осуществляться и из других региональных культур. Так произошло с христианской моралью, перенесенной на русскую почву из Византии в X веке в период крещения Руси. Вытеснение язычества христианским аскетизмом происходило чрезвычайно болезненно, сопровождаясь насилием («огнем и мечом Русь крестили»). В других случаях культурные заимствования протекают более мягко, путем подражания. Таково проникновение европейских обычаев в Азию, Африку, Латинскую Америку, использование некоторых русских обрядов в быту среднеазиатских народов и т. д.

Взаимодействие культур-антагонистов (идеологии противоборствующих классов) также стимулирует нормотворчество. Взаимные атаки вынуждают к постоянному оттачиванию моральных позиций противников, их углублению и доводке. Например, содержание принципа коллективизма как составной части коммунистической морали обогащалось и расширялось в идеологической борьбе с буржуазным индивидуализмом, трактовкой коллективизма как разновидности конформизма и т. д.

Возникшие тем или иным способом нравственные понятия в процессе существования претерпевают определенную эволюцию, которая заключается, в частности, в интеграции этих понятий, с одной стороны, и их дифференциации — с другой. Формирование общего морального императива выглядит как объединение, «сращивание» совокупности сходных по своему ценностному содержанию частных императивов. Затем начинается обратный процесс: попадая в конкретику нравственной практики, общее моральное представление дробится на более частные положения. Оно становится, таким образом, точкой порождения новых нравственных норм, появляющихся в результате его дифференциации. Такова, например, диалектика соотношения нравственного принципа и соответствующих норм.

В какой мере духовное производство нравственных норм является процессом сознательным? Видимо, при ответе на этот вопрос следует исходить из методологического положения о стихийности действия законов истории до появления их материалистического объяснения. Подобно тому, как через миллионы случайностей прокладывали себе дорогу законы экономические, законы морали тоже вызревали без сознательной помощи специализированного государственного учреждения («Министерство по делам морали») или политической партии. Э. В. Соколов, анализируя этот процесс, указывает, что до сих пор нормотворчество лишь в малой степени было делом человеческой проницательно-

сти и изобретательности, большинство норм складывалось стихийно, путем проб и ошибок. Данное положение обосновывается и развивается также в работах О. Г. Дробницкого «Понятие морали» и Б. Ф. Поршневца «О начале человеческой истории», где можно найти обширный подтверждающий эмпирический материал.

С приходом коммунистической общественно-экономической формации акцент в нормотворчестве начал постепенно перемещаться на сознательную составляющую. Такова, по нашему мнению, генеральная линия, которая в широкой перспективе будет становиться все более доминирующей. В трудовых коллективах создаются кодексы трудовой чести, заповеди рабочего, внутренние уставы поведения и т. д. Возникновение этих документов означает, что уровень общественных отношений и теоретическая мощь стали достаточны для того, чтобы сознательно, со знанием причин и следствий формулировать моральные требования, к восприятию и исполнению которых индивидуальные моральные сознания подготавливаются массовидными социально-нравственными ситуациями. «В отличие от других социальных норм (юридических, административных) нравственные нормы, исходя от воли общества, опираются на развитую совесть отдельных людей, их личные убеждения в правоте и необходимости данных норм, что гарантирует превращение требований должного поведения в реальное поведение»⁷.

Любопытным представляется сравнение появления новации моральной и новации научной. Если научная, как правило, возникает в одной или ограниченном количестве точек социального пространства (группа ученых, объединенных вокруг своего «генератора идей» в одном НИИ, открывает, например, новый элемент таблицы Менделеева), то нравственная, наоборот, создается повсеместно, ибо основа моральных императивов — обусловленные социально-экономическими условиями массовидные ситуации — существует повсеместно. Если научная идея появляется все-таки в голове отдельного ученого, то демиургом нравственного выступает социальный класс или социум в целом. причем осуществляется это в рамках исторического времени, в большинстве случаев несравнимого со временем жизни индивида.

Разница заключается также в том, что моральное сознание не производит каждый раз заново какие-то совершенно неизвестные ранее нормы, принципы, но чаще поворачивает под новым углом зрения старое. Ведь известно, что практически все глобальные альтернативы моральной ориентации (ригоризм — эвдемонизм, аскетизм — гедонизм, индивидуализм — коллективизм и т. д.) были сформулированы уже античной философией, хотя, возможно, и в других терминах. Дальнейшее развитие шло по

⁷ Архангельский Л. М. Коммунистические нравственные нормы и их становление // Филос. науки. 1967. № 3. С. 52.

пути наращивания, добавления аргументации к уже очерченному закону. Работа морального сознания носит, таким образом, **восстановительный** характер, творческий момент тут состоит в приращении доказательств имевшихся уже принципов, их обосновании в новом социально-классовом контексте. В науке же развитие идет в основном по пути открытия и формулирования все новых и новых закономерностей, здесь иной способ доказательства менее важен, чем сама новая закономерность.

Все социально-значимые инновации, появляющиеся в обществе, могут передвигаться по информационным каналам в направлениях восходящем (личность → микросреда → социум) и нисходящем (личность ← микросреда ← социум). Сравнивая по признаку направления движения интеллектуальную (научную) и моральную инновации, можно заметить, что чаще всего их прохождение по указанной цепочке имеет противоположный вектор. В первом случае мы имеем путь от творца (научное открытие, изобретение) — к микрогруппе (проверка узким кругом коллег-специалистов) — до повсеместного внедрения. В сфере морали новый императив в силу общесоциальных причин рождается повсеместно, одновременно во многих точках социального пространства и, утверждаясь, затем уже доходит до каждой отдельной личности.

Научную и моральную инновации можно сравнивать и по скорости их возникновения. Высказанная Ч. Сноу мысль о том, что «литература изменяется гораздо медленнее, чем наука»⁸, применима к соотношению науки с нравственностью. Однако если скорость появления научного открытия — вещь вполне конкретно измеримая, то понятие «скорость появления моральной новации» процедуре операционализации поддается с большим трудом. Несмотря на указанную понятийную трудность, интуитивно представляется достаточно очевидным, что моральное нормотворчество более медленный и консервативный процесс, нежели продуцирование научных истин.

Как отмечалось выше, микросреду нельзя считать самостоятельным субъектом нормотворчества, ибо социально-нравственная практика и опыт малой группы недостаточен для завершеного созидания, теоретической обработки и массовой проверки на истинность той или иной моральной новации. Здесь, видимо, уместна аналогия с процессом выработки человечеством логических операций, описанных В. И. Лениным в «Философских тетрадах»: «Практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение **аксиом**»⁹. Подобно тому, как десятком людей не может быть создана иная, «своя» формальная логика, так и микросреда не в

⁸ Сноу Ч. Две культуры. М., 1973. С. 23.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 172.

состоянии выработать свою моральную систему, радикально отличающуюся от имеющихся в обществе. Даже специально разработанные во многих производственных коллективах кодексы трудовой чести, заповеди рабочего и т. д. все равно служат лишь специфическим выражением единой социалистической морали. «Как бы ни была велика роль малых групп и непосредственного межличностного общения в процессах формирования личности, сами по себе эти группы не создают исторически конкретных социальных норм, ценностей, установок, потребностей»¹⁰. В противном случае личность при смене, например, места работы вынуждена была бы каждый раз радикально менять свои ценностные ориентации, весь свой внутренний мир, чего не происходит в реальной жизнедеятельности.

Это, однако, не отрицает наличия определенного творческого потенциала малых групп, т. е. микросреды. Конечно, здесь не рождаются сразу готовые нормы и принципы, но отсюда исходят их «заготовки», т. е. те инновации, которые, пройдя теоретико-идеологическую доводку на уровне социума, могут стать затем элементами общественной психологии. Если процесс идет стихийно, то новое самостоятельно проникает в общественную психологию, если же управляется сознательно, то проникновение идет с помощью имеющихся в распоряжении общества информационно-воспитательных каналов (например, средств массовой информации).

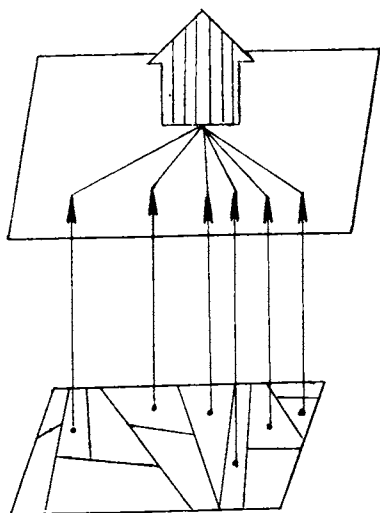
Сюда относятся возникающие в производственных коллективах многочисленные трудовые починны, начинания в сфере быта, культуры и т. д., причем самыми продуктивными поставщиками нравственно-нового являются именно коллективы, то есть малые группы, находящиеся на высшей ступени развития. Например, почин рабочих Московско-Казанской железной дороги, подхваченный затем в других местах, дал основание В. И. Ленину сформулировать понятие коммунистического отношения к труду. Эта работа по теоретическому осмыслению нового взгляда рабочих на свою производственную деятельность осуществлена В. И. Лениным в статьях «Великий почин» и «От разрушения векового уклада к творчеству нового». В наше время микросреда является источником таких починов, как наставничество, личные творческие планы, кодексы трудовой чести и т. д.

Участие микросреды в нормотворчестве носит локальный, частный характер. Выходя на широкие просторы социума, та или иная инновация проходит массовую проверку, своего рода фильтрацию, и если она оказывается соответствующей объективным условиям (или потребностям) общества в целом, то новый нравственный феномен принимает вербализованно-обобщенную форму и в виде новой формы или даже принципа входит в систему моральных требований. Конечно, было бы упрощением понимать

¹⁰ Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1980. С. 195.

дело так, что целый нравственный принцип рождается из почина, исходящего от одного коллектива, он является результатом слияния сходных начинаний, появляющихся в различных точках социума в течение длительного отрезка времени.

Схематическое изображение роли микросреды в процессе нормотворчества может быть примерно таким:

Нижняя плоскость рисунка, разделенная на многоугольники различной площади, — это совокупность микросред, т. е. первичных коллективов, контактных групп разной численности. Исходящие из многоугольников параллельные векторы означают одинаковые по нравственному смыслу новации, которые поднимаются в макросреду, в ней фильтруются и превращаются в единую моральную норму, выражающую общее содержание всех частных начинаний. Чем больше плотность восходящих потоков, чем четче они выражают объективные потребности общества, тем быстрее произойдет генерализация общей нормы или принципа.

Завершая на этом рассмотрение некоторых механизмов духовного производства моральных императивов, сделаем два заключительных замечания. Во-первых, приведенные рассуждения о взаимоотношении ролей макро- и микросред в процессе нравственного нормотворчества отнюдь не превращают личность в пассивного потребителя готовых нравственных образцов, слепо бредущего в фарватере общезначимых правил. Это не апология диктата общего над единичным. Нравственное достоинство, свобода и вытекающая из нее ответственность личности полностью сохраняются. Обезличивания не произойдет, ибо нравственные нормы по своей глубокой сути не являются алгоритмами, однозначно программирующими поведение человека в любых ситуациях. Тот или иной моральный императив не в состоянии указать четкую последовательность действий в конкретной обстановке, поскольку тождественное повторение одной и той же моральной «раскладки» принципиально невозможно. Именно здесь и начинается огромная сфера индивидуального морального творчества, которое заключается в преодолении дистанции между общим характером нравственных норм и конкретикой индивидуальной нравственной практики.

Во-вторых, на современном этапе развития марксистской этики еще не создана цельная и всеобъемлющая теория морального

нормотворчества, хотя это чрезвычайно важная практическая и научная задача. В настоящей статье тоже не содержится единой теоретической конструкции, что отражает общее состояние разработки вопроса. Приводимые в ней характеристики и закономерности нравственного нормотворчества, возможно, послужат определенным мыслительным материалом для построения такой теории.

Н. К. ЭИНГОРН, И. Б. ОСТАРКОВА
Уральский университет

Специфика морального отражения действительности и ее влияние на поведение личности

Существенным условием включения человека в систему нравственных отношений является адекватное отражение его моральным сознанием социальной реальности, формирование на этой основе морального отношения к действительности и внутрисубъектных механизмов моральной регуляции деятельности и поведения. Следует учитывать при этом, что само моральное сознание есть результат отражения окружающей субъекта нравственной жизни, реальных нравственных отношений, а также предписываемых систем моральных ценностей и требований. На становление морального сознания оказывают воздействие практически все сферы социальной жизни. Более того, реально возникают ситуации несоответствия морально должного, моральных эталонов, императивов с экономическими, политическими, правовыми и иными социальными условиями нравственного становления и развития человека. Тогда формируется либо негативное отношение к моральным предписаниям, их игнорирование, либо жизнь по моральным законам в условиях отмеченной дисгармонии сопровождается душевным напряжением, нередко дискомфортом и даже моральным отчуждением.

Изучение процесса морального отражения осложнено и тем фактом, что невозможно в действительности разделить триединный процесс формирования, функционирования и развития морального сознания, его триединую функцию: отражение, отношение, регуляция. Исследовательская ситуация при этом такова, что чем более сложными и многогранными выступают связи изучаемого феномена, тем более «голыми» оказываются абстракции, необходимые для относительно самостоятельного изучения данного феномена. И тем не менее, они оправданы и необходимы, ибо позволяют понять скрытую сущность морального отражения действительности и дают возможность в дальнейшем руководствовать-

ся этим знанием в анализе сложного процесса реального функционирования морального сознания.

Абстрагироваться приходится пока и от очень важного и неизученного вопроса, который, кстати, обходят исследователи морального сознания, вопроса **о начале морального сознания**. С какого момента мы можем констатировать наличие в структуре личности морального сознания? Какое количество и какой уровень развития моральных элементов сознания необходимы и достаточны для такой констатации? С какого момента моральное сознание формируется как целостность? Необходимость ответа на эти вопросы несомненна, ибо моральное отражение есть одна из функций именно морального сознания и никакого иного. Теория позволяет нам до поры до времени абстрагироваться от этих вопросов, а практика требует ответа.

Именно поэтому, взяв моральное сознание как данное, сформировавшееся, и изучив специфику морального отражения на развитом уровне, мы получим основания анализа начальной стадии морального сознания личности, его начальной целостности и закономерностей развития и совершенствования. Иными словами, мы получим надежное теоретическое основание изучения реально функционирующего и развивающегося морального сознания личности.

Моральное отражение — один из источников информации об окружающем мире и о самом субъекте отражения. От направленности и степени адекватности результатов морального отражения (знаний, чувств, воли) зависит процесс взаимопонимания между людьми, нравственно-психологическая атмосфера коллектива в целом. На основе морального отражения происходит выбор поступка и средств его осуществления, строится процесс нравственного воспитания и самовоспитания личности. Моральное отражение влияет как на формирование активной нравственной позиции, так и на моральную деградацию человека, которая очень часто является результатом неадекватного отражения и разрешения моральных конфликтов.

Неотъемлемой характеристикой морали является постоянное, сложное, противоречивое переплетение феноменов сознания и конкретных поступков. Формирование научного мировоззрения и моральных качеств осуществляется посредством постоянного воплощения приобретаемых знаний в конкретные поступки, посредством своеобразного «обмена» между сознанием и поведением, в результате которого личность учится поступать в соответствии со своими помыслами, проверяет их истинность или ложность, приемлемость для себя и для окружающих, соответствие своих интересов и стремлений общественным.

Специфика морального отражения раскрывается через выявление особенностей субъекта, предмета, способа и механизмов

отражения, усвоения моральных требований и регуляции поведения.

Необходимо коротко оговорить соотношение объекта и предмета морального отражения. Если объектом морального отражения является объективная реальность, выступающая потенциальной, возможной сферой отражения в морали, то предмет — это действительная, избирательно-ограниченная сфера. Кроме того, объект — нечто независимое от выбора субъекта, в то время как предмет — результат выбора субъекта, своеобразная смысловая «сетка», накладываемая субъектом на объективную реальность.

Субъектом морального отражения может быть практически любой субъект — общность или единичный субъект. Но каждый субъект обладает своей спецификой, будь то общество, класс, нация, трудовой коллектив, иное объединение или отдельный человек. Специфика субъекта морального отражения определяется его местом в социальной иерархии и его ролью в системе нравственных отношений, моральной регуляции. Специфика личности как субъекта морального отражения определяется тем, что она одновременно является и предельным объектом моральной регуляции, и непосредственным носителем и исполнителем моральных ценностей и требований, и высшей ценностью и высшей целью морали, и единством моральной гетерономии и автономии. Эти особенности личности как субъекта морального отражения влияют и на предмет, и на способ, и на механизмы морального отражения действительности в зависимости от доминанты перечисленных свойств.

Методологической основой исследования морального отражения является понимание морали **как духовно-практического способа освоения действительности**¹. Именно такой подход (в отличие от понимания морали только как общественной «регулятивной» системы) позволяет, во-первых, ярче показать своеобразие нравственности как практически ориентированной формы духовного отношения человека к миру; во-вторых, более глубоко понять моральное отражение и его влияние на поведение личности.

«Регулятивный» подход к морали с необходимостью акцентирует внимание на различии, постоянном несовпадении социального и индивидуального, общественного и личного. Мораль, таким образом, предстает в качестве особого указателя того, что можно, а что нельзя делать. Общественное назначение морали сводится к установлению «норм-рамок», накладывающих ограничения на «своеволие» личности (мораль торможения)².

«Регулятивная» концепция оставляет в тени ряд главных вопросов. Почему, например, очень часто личность воспринимает общественные требования не как нечто чуждое себе, а как свое,

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. С. 38.

² Щербак Ф. Н. Мораль как духовно-практическое отношение. Л., 1986. С. 12.

личностно-значимое содержание? Почему человек — живое, практически действующее существо, движимое собственными потребностями и интересами, — способен поступать бескорыстно, морально?

Ответ на эти вопросы может дать понимание морали как духовно-практического способа освоения действительности. Ф. Н. Щербак называет такой подход условно «мировоззренческим», для которого «характерен акцент на человекотворческой и мировоззренческой функциях морали, ибо последняя понимается прежде всего как специфический способ общественного самоутверждения и ориентации личности в исторически определенной жизненной среде. Мораль не только регулирует (корректирует, направляет) поведение, но и служит средством возвышения личности, пробуждения чувств собственной значимости, достоинства, сопричастности общественному назначению»³. Поэтому в поведении человека, в его отношении к миру так велико значение морального отражения как осмысления, осознания социальной действительности, ибо отражательная деятельность индивидуального морального сознания и практическое действие морального субъекта, как результат отражения, принимают активное участие в «производстве» и «воспроизводстве» нравственных отношений социалистического общества. Таким образом, в морали особое значение имеет «обратная детерминация», т. е. способ участия и функции морального отражения в поведении субъектов.

Моральное отражение предстает не как пассивное созерцание (иначе человек оказывается существом страдательным, а в качестве подлинного субъекта выступают действующие на него всей своей мощью природа и общество), но как неперенное условие усвоения нравственных требований, как обязательная предпосылка поведения и отношения человека. Иначе говоря, всякое действие, отношение к другому или социуму есть одновременно отражение-осмысление — только будучи отражено (но отражено осознанно на основе своей моральной индивидуальности как «становящейся данности», на основе своей внутренней ценностно-императивной сферы) индивидом, его отношение к другим становится действительным отношением, ибо «мое отношение к моей среде есть мое сознание»⁴.

Моральные ценности и императивы, моральные мотивы и цели, средства достижения поставленных задач суть «снятое» содержание, результат отражения освоенной моральным субъектом окружающей действительности и в то же время та основа, то внутреннее «духовное», которое выступает посредником последующих актов морального отражения и поведения личности.

Понимание морали как духовно-практического способа освоения действительности позволяет по-иному взглянуть на **субъект**

³ Щербак Ф. Н. Мораль как духовно-практическое отношение. С. 12.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 29.

морального отражения: это субъект, распредмечивающий окружающий мир; целеполагающий свое поведение и отношение; опредмечивающий себя, свои моральные качества и ценности в поведении и отношении, тем самым утверждающий и творящий нравственность. Это субъект, отличный от субъекта морали как однозначной регуляции со стороны общества; от субъекта, который либо действует согласно общественной норме, либо нарушает ее своим поведением. Такое понимание субъекта фактически сводит его к функции. Ибо из поведения субъекта «изгоняется» отражение как осмысление, распредмечивание, целеполагание, а само поведение становится совокупностью действий-реакций на внешние раздражители среды, отрывается от действительности субъекта как познающей и самопознающей личности.

Включенность индивида в реальный процесс жизнедеятельности обуславливает постоянную потребность в моральном осмыслении все новых и новых коллизий, явлений окружающего мира. Иными словами, предмет-«источник» не иссякает. Простые эмпирические наблюдения показывают, что сегодня моральному осмыслению, оценке подвергаются все сферы общественной деятельности. Как отмечает А. А. Гусейнов, мораль «имманента всякой общественно значимой деятельности, всем общественным отношениям. Политические решения характеризуются как гуманные или антигуманные, экономические отношения — как справедливые или несправедливые, духовная позиция — как честная или бесчестная»⁵.

Как известно, предмет отражения представляет собой «конечное подмножество, выделяемое из объекта в соответствии со смыслом деятельности субъекта. Смысл — это информация о ценности, направляющей данную деятельность со стороны субъекта»⁶.

Высшей ценностью морали является добровольное, свободное самоопределение личности путем принятия на себя нравственных обязательств и долга при условии, что средством самоопределения не является другой человек. Там, где есть «отношение человеческой личности и условий ее существования, там, где встает вопрос о ценности человека, о его достоинстве и правах, о смысле жизни, там возникают нравственные проблемы»⁷, которые находят свое отражение в моральном сознании. Общественные и личные интересы в их сложном, взаимообусловленном, противоречивом отношении образуют тот специфический срез общественного бытия, который и представляет собственный предмет морального отражения. В морали, таким образом, проявляется

⁵ Гусейнов А. А. Введение в этику. М., 1985. С. 11.

⁶ Сагатовский В. Н. Об элементарной системе социального отражения// Ленинская теория отражения: Ценностные аспекты отражения. Вып. 8. Свердловск, 1977. С. 31.

⁷ Кобляков В. П. Этическое сознание. Л., 1979. С. 31.

сложная диалектика внутреннего и внешнего миров, личной и общественной направленностей, обуславливающая понимание нравственной свободы как в основе своей ответственного выбора нравственных ценностей, сознательного следования им, несмотря на любые условия и обстоятельства. В этом заключается жизне-способност морали, возрастание ее роли в совершенствовании социалистических общественных отношений. Мораль как духовно-практическое освоение — самая совершенная форма социальной регуляции, ибо она есть форма собственного выбора ответственного поведения, тем самым отрицая себя как регуляцию извне.

Специфика морального отражения действительности определяется **способом отражения**, основными свойствами которого являются ценность, оценочность, нормативность, императивность. Поэтому объект морального отражения «искажается», наполняется личностным смыслом, становится не безразличным субъекту.

Специфика моральных ценностей, оценок, норм и императивов (как результатов и основы последующих актов морального отражения) раскрывается через выявление особенностей принятия, усвоения и реализации их субъектом. В качестве таких особенностей⁸ выступают: теснейшая связь их с эмоционально-чувственной сферой морального сознания; безличность (т. е. принятие независимо от силы и полномочий утверждающего их авторитета); неинституциональность; добровольность принятия и следования; бескорыстие.

Благодаря выделенным выше особенностям субъекта, предмета, способа морального отражения, моральное сознание не просто отражает социальные явления, но и находится к ним в «напряженном отношении» — в отношениях целеполагания и оценки, идеализации и долженствования, критики и требования изменить сущее.

Целеполагание основывается на устойчивой (или менее устойчивой) системе моральных ценностей, норм, императивов, чувств. Нравственное отношение к действительности предстает как такое отношение, в котором особенно велико значение морального субъекта, его активности, индивидуальности, общей эмоциональной и ценностной направленности.

Процесс становления результатов морального отражения (знаний, чувств, воли) идет от простого к сложному, от безразличного отношения к тому, что они в определенное время выступают основой дальнейших актов осмысления реальности, детерминантами поведения личности. Наличие такой основы определяет относительную самостоятельность морального отражения, которая

⁸ См.: Архангельский Л. М. О характере морального сознания//Вопр. философии. 1969. № 5; Он же. Марксистская этика. М., 1985; Дробницкий О. Г. Природа морального сознания//Вопр. философии. 1968. № 2; Он же. Моральное сознание и его структура//Вопр. философии. 1972. № 2, 6; Он же. Понятие морали. М., 1974.

проявляется в дихотомичности морального отражения, где, с одной стороны, относительное постоянство, переходящее порою в консерватизм, а с другой — идеализация и деонтологизация действительности, т. е. взгляд на мир с точки зрения будущего.

Сегодня определенным консервативным моментом обладает такое качество человека, как исполнительность. В условиях перестройки, ускорения социально-экономического развития страны недостаточно простой исполнительности, зато быстро возрастает значение таких качеств, как «компетентность, чувство нового, инициатива, смелость и готовность брать ответственность на себя, умение поставить задачу и довести ее решение до конца... желание учиться работать»⁹. Партия настойчиво подчеркивает, что главными лозунгами дня являются «творческий труд, единство слова и дела, инициатива и ответственность»¹⁰. Именно эти качества в сравнении с простым исполнительством становятся сегодня нравственно ценными. Тем не менее можно привести немало примеров отставания, а порою и просто нежелания работать по-новому. Особенно опасно, когда руководящие лица и органы продолжают работать «по старинке» и требуют от работников исполнительства — не меньше, но и ни в коем случае не больше. А опасно это тем, что на индивидуальном уровне такое положение дел закрепляет ценностные ориентации человека, живущего по принципу «не высовывайся!», «моя хата с краю!».

Идеализирующая и деонтологизирующая особенности морального отражения (отношения) означают то, что моральное сознание «корректирует будущее настоящим и возвращает некоторые беспочвенные иллюзии, которых немало возникло на уровне морали, к действительности, требуя осознать трудности борьбы со злом и пороками и не забывать о противоречивости морального процесса. ... Понимание диалектичности морального отражения позволяет избавиться как от преувеличения роли морали в жизни общества, так и от скептицизма и неверия в силу морального воздействия, доходящих до его полного отрицания, объявляющих мораль пустой и бессодержательной проповедью, бессильной что-либо изменить в мире»¹¹.

Представления о морально ценном и должном с необходимостью обуславливают такое социально-значимое отношение морального сознания, как его критичность. С помощью морали личность способна противостоять действительности, критиковать ее и этим помогать ее изменению. Эта способность морального сознания подмечена В. И. Лениным: «Доброе» есть «требование внешней действительности»; «мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его»¹². Вообще «в

⁹ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1985. С. 20.

¹⁰ Там же. С. 19.

¹¹ Коновалова Л. В. Мораль и познание. М., 1975. С. 51.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 195.

практической идее (в области практики) это понятие как действительное (действующее?) противостоит действительному», оно «есть уверенность в своей действительности и в недействительности мира»¹³.

Духовно-практическое освоение мира в нравственной форме на уровне личного бытия индивидов предстает в виде индивидуального осмысленно-критического поступка, т. е. в виде морали, не оторванной от реальной жизни, а спаянной с ее содержанием.

Примером критически-осмысленного отношения к действительности является творчество Д. Гранина, В. Белова, Ю. Трифонова, В. Распутина, В. Тендрякова, В. Липатова и др. Благодаря высокоморальному отношению этих писателей к миру — «по совести» — значение и смысл их произведений «состоит в показе того, что конец 70-х годов ознаменовался подрывом социальных корней честности, и мораль отдельных лиц могла еще служить основой нравственного поведения для других»¹⁴. Позиция этих людей может быть охарактеризована как борьба с конформизмом, борьба за нравственно чистую жизнь.

Исследуя специфику морального отражения, необходимо особо акцентировать внимание на ценностно-императивном характере отражения в морали. Ценностно-оценочные и нормативно-императивные характеристики морального отражения не существуют самостоятельно друг от друга. Они выступают элементами моральной ориентации и регуляции поведения, пронизывают собой внутреннюю жизнь человека, определяют его моральный выбор и жизнедеятельность в целом. В связи с этим особо актуальным является вопрос о координации этих свойств морального отражения, т. е. вопрос об их постоянном взаимодействии и взаимобусловленности.

В морали нормативность и императивность выступают в единстве. Содержанием моральной нормы является определенное моральное действие. Императивность же — это обязательность выполнения этого действия. Без повеления, долженствования как внутреннего необходимого момента моральная норма выступает простым суждением. В. Д. Плахов отмечает, что «в какой бы (более или менее зрелой) форме социальная норма ни выступала, в ее строении всегда имеет место два ингредиента: диспозиция и императив. Их диалектическое единство является в социальной норме необходимостью»¹⁵. На единство нормативности и императивности в морали указывает и А. А. Ивин, отмечая, что содержанием нормы является не просто то или иное действие само по себе, но «действие, которое может, должно или не должно быть выполнено ... характер нормы определяется тем, обязывает она,

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29.

¹⁴ Федотова В. Г. Духовность как фактор перестройки//Вопр. философии. 1987. № 3. С. 22.

¹⁵ Плахов В. Д. Социальные нормы. М., 1985. С. 53—54.

разрешает или запрещает выполнять некоторое действие»¹⁶.

Моральная оценка — это способ определения моральной значимости того или иного социального явления, поступка. Она представляет собой выражение отношения субъекта к миру и другим людям, осмысление нравственных поступков. Но моральная оценка и самооценка способны проникать в глубинные уголки личности: оценивать ее стремления, поощрения, порою скрываемые мотивы. Моральная оценка может содержать и императивный момент. Это происходит в том случае, когда та или иная оценка является определенной моральной ценностью для человека. Это особенно характерно для подростков, когда оценка поступков, идущая от личности как от персонифицированного идеала подростка, выступает не просто одобрением (неодобрением), а своеобразным повелением поступать так, а не иначе. Прав А. И. Титаренко, утверждая, что «констатация факта аморального поведения (например, оскорбления, обмана, предательства) будет только тогда моральной оценкой, когда она заключает в себе субъективное его неприятие. В оценке, следовательно, сливается познание и императивность, вот почему она не сводится к описанию поступков или даже указанию на их связь с нормой, ценностью, но выражается в пристрастных эмоционально-волевых реакциях»¹⁷.

Ценностное отношение к морали — это отношение, отрицающее любой утилитарно-полезный момент в субъект-субъектном нравственном отношении. Моральные ценности — явления, переживаемые субъектом, затрагивающие его волю и чувства и представляющие в качестве определенных целей. Моральную ценность могут представлять определенные принципы поведения, поступки и отношения, в которых эти принципы объективируются. Моральную ценность могут иметь тот или иной образ жизни, система тех или иных нравственных отношений.

Положительная значимость моральных ценностей для субъекта заключается в том, что они способствуют не только осознанию смысла и целей жизни, но составляют основу для его самодовольствия в качестве творческой личности, определяют его жизненную позицию в целом.

В разработке ценностно-оценочного аспекта морального отражения очень важной является конкретизация видов моральных ценностей и моральных оценок. Г. Н. Гумницкий выделяет 4 вида моральных оценочных суждений¹⁸: нравственно-идеальное, нравственно-правильное, нравственно-оправданное, нравственно-допустимое. Необходимость дальнейшей конкретизации видов моральных ценностей и оценок определяется тем, что сегодня уже недостаточно оценок типа «плохо-хорошо». Это «узкий» взгляд

¹⁶ Ивин А. А. Логика норм. М., 1973. С. 23.

¹⁷ Титаренко А. И. Сущность поступка и его место в системе морального выбора // Моральный выбор. М., 1980. С. 344.

¹⁸ См.: Гумницкий Г. Н. Основные проблемы теории морали. Иваново. 1972.

на нравственность. Реальные нравственные отношения гораздо богаче, разнообразнее; моральный поступок — это каждый раз явление уникальное, неповторимое. Поэтому человек должен уметь ориентироваться в сложном, диалектически противоречивом мире нравственности.

Наличие ценностно-оценочного блока морального сознания недостаточно для того, чтобы человек всегда действовал согласно своим представлениям о морально должном и ценном. Моральные ценности оказывают мотивационно-побудительное воздействие на поведение только тогда, когда они осознаны как необходимость, переведены на личностный уровень и включают внутренний императивный момент.

Императивность морального восприятия, отражения — это императивность двоякого рода: внешняя (идущая со стороны социальной группы, общества в целом) и внутренняя (возможная благодаря уже имеющемуся ценностно-оценочному блоку морального сознания). Ценностно-оценочное отражение в морали теснейшим образом переплетено с мышлением посредством ассоциаций, поэтому исследование специфики морального отражения в дальнейшем должно идти по пути изучения особенностей ассоциативного мышления в морали. Это тем более важно, что моральные понятия и суждения имеют интегральный характер, высокую степень обобщения и в практическом применении всегда нуждаются в конкретизации, в выборе наиболее подходящего аналога. Очевидно, механизм ассоциативного мышления, имея общие свойства, конкретизируется и приобретает специфические черты в каждом виде сознания — эстетическом, художественном, религиозном и др. Предстоит изучить и особенности моральных ассоциаций, их роль в восприятии действительности и в детерминации деятельности.

Высшим уровнем внутренней императивности является нравственная потребность как такое состояние субъекта, когда следование требованиям долга становится естественной, органической необходимостью, лишенной принуждения извне и самопринуждения, лишенной жертвенности и аскетизма. Подлинное разрешение противоречия личного и общественного в морали означает, что человек, по словам Г. С. Батищева, становится «всесторонне открытым и универсально способным к проблематизации своего мира. Это значит, что человек непрестанно расширяет границы своего мира, непрестанно обогащает его многомерность... Это значит, что он все полнее и полнее приемлет противоречия, пронизывающие мир, за свои собственные противоречия, за антиномии, пронизывающие *сердцевину* его собственного бытия»¹⁹.

Диалектика внутренней и внешней императивности — камень преткновения нравственного воспитания личности. Формирование

¹⁹ Батищев Г. С. Нравственный смысл и содержание всесторонне-целостного развития человека // Нравственный прогресс и личность. Вильнюс, 1976. С. 112.

нравственно активной личности должно идти не просто по пути приобщения к моральным ценностям, но по пути стимулирования внутренней императивности.

Понять, каким образом происходит переход внешней императивности во внутреннюю, каким образом человек усваивает моральные требования и принципы, т. е. в конечном итоге, каким образом моральное отражение влияет на поведение личности, можно путем рассмотрения основных механизмов морального отражения. Такими механизмами являются моральная рефлексия, эмоционально-чувственное и волевое отражение. Именно в результате рефлексивной деятельности и эмоционально-волевого отражения происходит (или не происходит) перевод моральных норм и требований на личностный уровень, превращение их во внутреннюю императивность.

По определению В. П. Коблякова, моральная рефлексия — это «процесс самораздвоения, спора с самим собой для обоснования своей нравственной позиции, процесс самооправдания через противоречие, мысленный спор со своим другим «Я»²⁰. Очевидно, что именно моральная рефлексия «несет ответственность» за постоянство, целостность личности, и без нее личность «распадается на множество осколков — возрастных, ситуационных, характерологических»²¹.

Моральная рефлексия — это «труд души». Сегодня, на общем фоне инфантилизма молодежи, когда доминирующей ценностной установкой становится праздность, когда не формируется родовая человеческая потребность в труде, а преобладает потребность в развлечении, отдыхе, особо остро встает задача воспитания у молодежи **потребности в рефлексии**. Уходя от рефлексивной деятельности, человек как бы «освобождает» себя от страданий при виде зла и несправедливости, от мук совести, в конечном итоге от личной ответственности за происходящее.

По своему существу моральная рефлексия критична, способна «разламывать» сложившиеся нормы поведения, знания и ценности личности, формировать новое видение мира и себя в нем. Коротко говоря, задача моральной рефлексии заключается в том, чтобы осознанно, целенаправленно «вызывать» собственные действия; решая ее, моральная рефлексия опирается на эмоциональную и волевую сферы сознания. Эмоциональная и волевая неразвитость может привести к запозданию или вообще вырождению рефлексивной способности.

Не менее важным и чрезвычайно интересным является вопрос о формировании в процессе воспитания **способности** к рефлексивной деятельности. Отметим лишь, что фактически началом рефлексии является возникновение критического отношения личности к правилам, нормам, которым она до этого следовала и подчиня-

²⁰ Кобляков В. П. Этическое сознание. С. 18.

²¹ Моральный выбор. М., 1980. С. 175.

лась. Критическое отношение к ним может порождать и критическое отношение к себе как их носителю. В реальном процессе формирования потребности и способности к рефлексии следует предвидеть и предупреждать рафинированную рефлекссию, рефлекссию ради рефлексии. Рефлексия как «труд души» ценна в ее практической направленности и завершенности.

Традиция, связывающая нравственную детерминацию поведения с эмоционально-чувственным механизмом (эпикурейцы, А. Шефтсбери, Д. Юм, Б. Спиноза и др.), развивается и в современной этике. Действительно, решение вопросов о том, каково значение эмоциональных явлений в моральном выборе, в переходе от рефлексивной деятельности к поступку, необходимо для целенаправленного воспитания человека. «Характер, свойство личности во многом определяется эмоциями, закрепленными в традиции. Эмоции «оценивают», «приказывают», кого полюбить и кого ненавидеть... Внешнее принуждение органически соединяется с внутренним, воля индивида автоматически оказывается сколком, «оттиском» всеобщей воли»²². Через призму ценностей, норм, императивов эмоционально-чувственный механизм реализует свои функции: оценочную, познавательную, побудительно-мотивационную.

Вместе моральная рефлексия, эмоциональное и волевое отражение предстают как единый индивидуальный механизм отражения, усвоения моральных требований и регуляции поведения. Определение моральной рефлексии как «мировоззренческого чувства»²³ в некоторой степени может быть отнесено к моральному отражению в целом. Это своеобразный идеал, к которому личность должна прийти в процессе своего становления.

Нравственные чувства и эмоции — это не просто психологические явления. Наряду с эстетическими чувствами, моральные представляют собой вид воспитываемых, рационализированных явлений. Кроме того, умение управлять ими — необходимое условие подлинного нравственного поведения и отношения, показатель уровня нравственной культуры. Можно сказать, что нравственные чувства и эмоции являются результатом моральной рефлексии. Моральные чувства — это чувства, присущие не любому человеку. Их появление обусловлено уровнем развития как общества в целом, так и отдельного индивида. Социализм, уничтожая эксплуатацию человека человеком, раскрепощая его духовные силы, выдвигает на первый план не чувство страха, боязни наказания, а чувство долга, ответственности, собственного достоинства. Сегодня роль нравственных чувств и эмоций особенно велика в воспитании способности не столько слушать, сколько слышать, понимать другого, что необходимо для создания крепкой

²² Тулуа В. Л. К вопросу о значении эмоций в моральных поступках// Филос. науки. 1987. № 6. С. 106.

²³ Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1976. С. 349.

семьи, нормального развития ребенка, в конечном итоге — для создания здорового морально-психологического климата трудовых и учебных коллективов. Поэтому первое, чему должны научиться родители своего ребенка, это способности сопереживать, способности, которая в дальнейшем может перейти в чувство эмпатии — основу собственно морального отношения: «...быть эмпатичным трудно. Это означает быть ответственным, активным, сильным и, в то же время, тонким, чутким»²⁴.

В свою очередь предпосылкой рефлексивного осмысления является стабильное чувство неуверенности в себе, в правильности своих поступков. Это чувство появляется при выражении недовольства или по меньшей мере сомнения со стороны окружающих по отношению к человеку, его деятельности. Человека начинают преследовать непонятные еще муки совести. Состояние «встрешенного сознания» не оставляет человека. В этой ситуации есть опасность «вечного» самокопания, отказа от серьезного размышления над возникшими в деятельности и общении трудностями. Умение достойно выйти из такой сложной ситуации, умение соизмерять свои устремления, желания с требованиями общества, социальными ожиданиями, — показатель зрелости человека.

Подкрепление рефлексивной деятельности сознания моральными чувствами и эмоциями делает последнюю более эффективной и действенной. Так, например, моральная рефлексия, тесно связанная с чувством долга, ответственности дает гарантии, что обоснование мотива и выбор поступка будут происходить с учетом групповых интересов.

Влияние морального отражения на поведение личности осуществляется как бы ступенчато. Во-первых, моральное отражение дает личности возможность знать что-либо о морали. Здесь вероятны два уровня существования моральных знаний: элементарный и мировоззренческий (являющийся результатом не просто отражения, но и моральной рефлексии, характеризующийся системной упорядоченностью и ценностно-ориентационной направленностью). Сегодня в условиях ускорения социально-экономического развития страны, тесно связанного с научно-технической революцией в структуре мировоззрения личности, резко возрастает роль этических знаний. В связи с этим в деле нравственного воспитания недостаточно элементарных, просветительских наставлений типа «так можно, а так нельзя». Необходимо системное этическое не просто просвещение, а обучение: не просто знать, что хорошо, а что плохо, но понимать, почему плохо, а почему хорошо, видеть противоречивость. Уровень сегодняшнего нравственного просвещения низок и неравномерен. Неразвитость теоретического момента в нравственном мировоззрении опасна — обывательские знания, подкрепленные психологическими особенностями,

²⁴ Ролжерс К. Эмпатия//Психология эмоций. Тексты. М., 1984. С. 237.

формируют догматизм нравственной позиции, веру в абсолютную истинность своих знаний.

Во-вторых, моральное отражение дает возможность «признать» моральные треования, т. е. «перевести» их на уровень убеждения, сделать «своим достоянием». Здесь во всей полноте и силе должны раскрываться возможности моральной рефлексии и эмоционально-чувственного отражения. Их результатом является отношение человека к миру. Именно оно представляет собой важный, существенный момент в нравственности, именно оно выступает непосредственной детерминантой поведения личности. Это отношение как определенное устойчивое эмоционально-чувственное состояние личности «просеивает» моральные знания и представления, превращает их в убеждения, обеспечивающие моральную надежность личности. В формировании убеждений принимает участие такой психологический механизм, как вера. Ю. Н. Тундыков отмечает, что «убеждения есть знания, обогащенные эмоционально-побудительными элементами; при этом под знаниями подразумеваются здесь главным образом продукты высших уровней человеческого мышления и познания. Не случайно лишь с определенной долей условности можно говорить об убеждениях несовершеннолетнего и невежественного человека»²⁵. В последних случаях, на наш взгляд, необходимо говорить о вере, а не об убеждениях. Убежденность — синтез знаний, эмоционально-чувственных элементов и веры; вера же как психологический механизм возможна и при отсутствии знаний о предмете.

В-третьих, результат первых двух моментов предстает в качестве руководства к действию. Только подкрепленное моральной волей как сознательным, добровольным самопринуждением, оно объективируется в поступке. Развита волевая сфера морального сознания способна обеспечить «господство» интеллектуальной сферы над эмоциональными влечениями, склонностями. Результатом такого «господства» выступает самообладание, чрезвычайно важная характеристика субъекта морального действия и отражения, способная уберечь личность от непростительной порою первичной эмоциональной реакции. Важнейшим результатом волевого отражения в морали выступает совесть человека, подкрепленная осознанием собственного долга и ответственности перед обществом. Совесть и долг — важнейшие элементы самоконтроля, саморегуляции поведения личности; наличие такой побуждающей силы означает, что именно в морали человек «преступает свои пределы», или, точнее, «господствует над самим собой»²⁶.

Все три ступени осуществляются на основе уже имеющихся

²⁵ Тундыков Ю. Н. О структуре индивидуального нравственного сознания // Специфика морали и нравственного воспитания личности. Свердловск, 1983. С. 22.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 116.

представлений о морально должном и ценном, которые в результате очередного «цикла» морального отражения проверяются, дополняются или отрицаются.

Моральное отражение оказывается инструментом огромной избирательной мощи. Свое влияние на поведение личности моральное отражение оказывает через познание, оценку, целеполагание, через выполнение мотивационно-побудительной функции.

Анализ морального отражения действительности позволяет сделать выводы, учет которых в деле нравственного воспитания является необходимым:

1. Воспитание обязательной для морали эмоционально-чувственной культуры с раннего детства, когда ребенок «открыт» миру, активно познает его.

2. Нравственное воспитание и самовоспитание должно идти по пути разрешения двудеиной задачи: с одной стороны, укрепление чувства непреложности моральных требований, с другой — формирование самоуважения и достоинства личности на основе ее общественно полезной деятельности.

3. Серьезное внимание в процессе нравственного воспитания важно уделить проблеме формирования потребности и способности к рефлексии, позволяющей противостоять коллизиям индивидуального жизненного опыта, направить активность человека на всестороннее приобщение к культуре человечества и глубинное понимание ее достижений, на их воплощение в собственной нравственной деятельности и поведении.

Л. С. ЛИХАЧЕВА
Уральский университет

Социально-экономические противоречия социализма как фактор нравственного развития личности

Обращение к проблемам нравственного развития личности показывает, что в этом процессе имеют место многообразные противоречия, различающиеся по характеру, способам существования и разрешения. Основным же противоречием, как отмечал еще Гегель в «Философии права», является противоречие между общественной природой человека и его индивидуальным бытием, т. е. противоречие в системе «личность — общество», которое фиксируется в нравственной структуре личности как противоречие личного и общественного. Значит, для того, чтобы определить факторы, которые оказывают влияние на нравственное развитие личности, необходимо установить, как человек связан с общест-

вом, в какие общественные отношения и виды деятельности он включен. В связи с этим в полной мере сохраняет свое методологическое значение принцип социального детерминизма, согласно которому «явления морального плана можно объяснить только исходя из решающей роли всей совокупности социальных отношений в формировании личности»¹.

Многообразные общественные отношения, в которые вступает человек в процессе становления и развития, принято разделять на материальные и идеологические². К числу последних относятся и нравственные отношения как вид духовных отношений, вторичных, производных от материальных общественных отношений.

Нравственные отношения отражают, испытывают на себе влияние всей совокупности общественных отношений, и в первую очередь производственных, во всей их сложности и противоречивости. Изучение противоречий, оказывающих стимулирующее воздействие на нравственное развитие личности, необходимо проводить по двум направлениям: во-первых, на основе рассмотрения тех противоречий в конкретных видах общественных отношений, которые влекут за собой нравственные последствия; во-вторых, исходя из анализа тех противоречий, которые присущи собственно нравственным отношениям.

В дальнейшем мы будем придерживаться этой логики в анализе противоречий, детерминирующих нравственное развитие личности в условиях современного состояния социалистического общества.

Известно, что противоречия, характеризующие социалистическое общество, многообразны по форме, по своему характеру, остроте проявления. Они возникают во всех сферах жизни общества — и в сфере экономики, и в области социально-политических отношений, и в духовной, идеологической жизни. При этом любое социальное противоречие несет в себе и нравственное содержание в силу такой характерной черты морали, как всеобъемлемость. Мораль включена во все сферы человеческой жизнедеятельности, что позволяет ей фиксировать специфические проявления противоречий сущего и должного, личного и общественного в любой области общественной жизни.

Проблема влияния социальных противоречий, присущих социализму, на нравственность отдельных людей и общества в целом еще недостаточно исследована в связи с неразработанностью вопросов выделения и систематизации конкретных противоречий в различных сферах и областях общественной жизни. Мы ограничимся рассмотрением лишь отдельных социально-экономических противоречий, влияющих на процессы нравственного разви-

¹ Архангельский Л. М. Социально-этические проблемы теории личности. М., 1974. С. 56.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 149.

тия, поскольку экономическая сфера является ведущей в жизни общества и человека.

Противоречия в социально-экономической сфере социализма представляют собой определенную систему многообразных, взаимосвязанных между собой противоречий, которые носят характер как **необходимых** (имманентно присущих социализму, заложенных в самой его основе), так и **случайных** (не вытекающих из природы социализма, не свойственных ему) противоречий. Это могут быть противоречия **объективного** характера, вызванные действием объективных законов экономического развития, и противоречия **субъективного** характера, порожденные упущениями, просчетами, ошибками в познании законов развития общества и в практике социально-экономического управления, т. е. противоречия, которые можно и нужно избегать.

Примеров отступления от требований экономической жизни, приводящих к серьезным проблемам не только в экономике, но и в других областях общественной жизни, еще немало.

Известно, что общественное воспроизводство проходит четыре основных этапа: производство, распределение, обмен и потребление. В них и между ними возникают конкретные экономические противоречия.

Одно из них (в непосредственном производстве) — многолетняя практика установления так называемого «остаточного процента выполнения норм», которая сложилась на многих промышленных предприятиях³.

Суть этого явления заключается в том, что всем рабочим-сдельщикам зарплата определяется по количеству произведенной продукции или выполненным операциям. Но существует предел, заранее установленный «потолок» в перевыполнении норм выработки. Кроме того, для каждой профессии существует и свой минимум, нижний предел, ниже которого наряды не закрываются, как бы человек ни работал. В результате «рабочим, значительно перевыполняющим нормы выработки (даже если они и технически обоснованные), часть нарядов не закрывается, переносится на следующий месяц, создавая тем самым возможность работать в последующем периоде с еще большими простоями без ущерба заработной плате. Одновременно с этим происходит «дотягивание» заработка тех, кто не выполняет норм выработки, до среднего»⁴. Данное искусственно вызванное противоречие не только ведет к серьезным экономическим просчетам, и прежде всего к ограничению роста производительности труда, но и способно повлечь за собой немалые нравственные издержки.

В таких условиях производства создается определенный моральный климат, когда хорошо, честно работать становится экономически невыгодно для человека. Более того, это «невыгодно»

³ См.: Петухов В. С. Зарплата должна зарабатыватьс//ЭКО. 1984. № 9.

⁴ Там же. С. 140.

и в моральном плане, так как реально создается питательная почва для разгильдяев и лодырей, любителей работать «спустя рукава», по результатам труда оказывающихся в равном положении с передовыми, квалифицированными рабочими.

Таким образом, под воздействием экономического противоречия возникает дисгармония общественных и личных интересов: с одной стороны, работник знает и понимает, что стране нужна производимая им продукция, что общество заинтересовано в положительных результатах его труда, и сам он может работать лучше и больше, но, с другой стороны, он не заинтересован в этом, поскольку сверхнормативные выработки невыгодны для него как в материальном, так и в моральном плане. В итоге создается основа для негативного развития личности, у которой индивидуальные интересы, вступая в конфликт с общественными, берут над ними верх.

Не менее сложные нравственные коллизии вызывают и противоречия в сфере распределения, связанные с несбалансированностью народного хозяйства. Как отмечалось на XXVII съезде КПСС, в нашей экономике «образовался разрыв между общественными потребностями и достигнутым уровнем производства, между платежеспособным спросом и его материальным покрытием»⁵. Показательным в этом отношении является письмо Т. Агаповой, опубликованное в «Комсомольской правде». Читательница из Ростова-на-Дону делится своими мыслями о том, что мешает ей работать с полной отдачей. Она пишет: «...чувствую, что могу делать еще больше. Могу, но не хочу. В чем дело, спросите вы? Делай больше — больше заработаешь! Не хочу я больше делать, потому что не получаю за свой труд должного вознаграждения. И дело тут вовсе не в зарплате, а в том, как я могу ею распорядиться, что купить на свои честно заработанные деньги»⁶.

Действительно, сам по себе рост заработной платы не может дать реального увеличения материального благосостояния, если оно не обеспечено нужными, добротными товарами. Такое нарушение баланса товарной и денежной массы, диспропорции спроса и предложения несут в себе не только экономические трудности (обесценение рубля и т. п.), но имеют и свои нравственные последствия, связанные, как и в первом рассмотренном случае, с нарушением единства личных и общественных интересов людей («могу, но не хочу!»).

Следствием таких экономических диспропорций является создание условий, вызывающих состояние личной незаинтересованности в том, чтобы лучше работать. Появляется стремление «достать» ту или иную вещь, возникает почва для спекуляции товарами повышенного спроса. Престижность труда в сфере матери-

⁵ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 23.

⁶ Почему не радует зарплата//Комс. правда. 1984. 11 нояб.

ального производства снижается, смещается на сферу обслуживания. Резко обостряется чувство социальной справедливости: «Почему у него есть, а у меня нет?» и т. д. Результатом этих противоречий является и незаконное перераспределение между группами населения, носящее нетрудовой характер, в различных его формах: спекуляция (покупка ради продажи), «серый рынок» («ты — мне, я — тебе»), использование служебного положения с целью получения дополнительных благ и т. п. Все это отрицательно сказывается на нравственной жизни общества, формирует условия, способствующие негативному развитию личности в нравственном отношении, когда личное превалирует над общественным.

Противоречие общественных и личных интересов лежит в самой основе, сущности морали. Индивид, будучи включенным в систему общественных отношений, не может не соотносить свои и общественные интересы, отдавая приоритет тем или другим. Результат разрешения этого противоречия в деятельности конкретного человека и является показателем его нравственного совершенства. Как писал Ю. В. Андропов, «...социалистически воспитанным является лишь тот человек, которому небезразличны не только собственные трудовые успехи, благополучие, авторитет, но и дела товарищей по работе, трудового коллектива, интересы всей страны, трудящихся всего мира»⁷. Поэтому все большее наполнение интересов личности общественно значимым содержанием является сегодня важнейшей задачей. При этом важно, чтобы человек не просто умел разрешать данное противоречие в пользу общественных интересов, но делал это сознательно, добровольно, в соответствии со своими убеждениями. Кроме того, необходимо, чтобы у людей была не только сформирована способность к адекватной реализации своих потребностей в соответствующих интересах, но и само отношение к личным и общественным, материальным и духовным потребностям, выбору средств их удовлетворения носило бы нравственно ценный, позитивный характер. Важно, чтобы потребности личности и ее интересы находились бы в плоскости положительных социально и лично значимых ценностей, что в конечном счете скажется на деятельности личности в целом и на отдельных ее проявлениях, поступках, определит прогрессивную направленность нравственного развития личности.

Основной принцип социализма «от каждого — по способностям, каждому — по труду» — это объективное, закономерное противоречие в области распределительных отношений, «в котором заключена суть социальной справедливости нового общественного строя»⁸. Попытки же установления практики распределе-

⁷ Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР//Коммунист. 1983. № 3. С. 9.

⁸ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 46.

ния материальных и духовных благ без строгого учета трудового вклада в их создание порождают негативные явления. Причем в реальной практике не только допускаются субъективные искажения, волевые нарушения этого принципа (явления взяточничества, спекуляции, «несунов» и т. д.), но существуют и объективные трудности в его реализации. На фоне неуклонного роста материальных доходов населения, повышения уровня благосостояния людей наметилась возможность облегченного доступа к материальным и духовным ценностям для определенной части населения, в первую очередь для молодежи. Интересные наблюдения в этом отношении сделаны А. С. Ципко. Он пишет: «С точки зрения основного принципа социализма жизненные блага людей должны находиться в соответствии с их трудом. Но осуществлять этот принцип в жизни — по мере того как растут приобретенные уже в условиях социализма накопления отдельных семей — становится все труднее и труднее. Все больше молодых семей в социалистических странах живут не по своему труду, а «по труду» своих родителей»⁹.

В этой связи возникает много сложных социальных и нравственных проблем, связанных с тем, что «трудовые по происхождению доходы, полученные старшими поколениями семьи, превращаются в нетрудовые по использованию, когда они переходят в собственность младших поколений»¹⁰. Появление этих нетрудовых доходов приходит в противоречие с общественными интересами, нормами социалистической морали и справедливости, наносит ущерб общественному производству, отрицательно сказывается на развитии личности¹¹.

Само по себе повышение материального благосостояния людей — факт, несомненно, положительный, более того, даже необходимый как основа для прогрессивного развития личности. Но нередко материальное благополучие становится основой не духовного, физического, нравственного и т. п. совершенствования человека, а его негативного развития. Определенной части материально обеспеченной трудом родителей молодежи характерны потребительские настроения, тяга к праздной, веселой («дискотечной») жизни, инфантилизм и беспечность. Изначальная обеспеченность молодежи, потребление готового оказывается тормозом волевой активности молодого человека и нередко приводит к такому явлению, как иждивенчество. Завышенные требования

⁹ Ципко А. С. Социализм: жизнь общества и человека. М., 1980. С. 127—128.

¹⁰ Наумова Н. Ф., Роговин В. З. Социальное развитие и общественные нравы. М., 1984. С. 53.

¹¹ Эти проблемы сегодня активно обсуждаются в нашей печати, выдвигаются конкретные предложения по совершенствованию налогообложения на наследство, принятие которых поможет снять остроту возникшего противоречия. См.: Роговин Н. Наследство//Комс. правда. 1985. 17 июня; Роговин Н. Предъявите декларацию о доходах//Комс. правда. 1985. 28 июня; Когда рубль не заработан//Комс. правда. 1985. 7 авг.; и др.

к потреблению сочетаются с нетребовательностью к себе, своей работе, с отрицанием труда как нравственной ценности.

Кроме того, само воспитание молодежи зачастую строится на стремлении взрослых (из лучших побуждений) оградить детей от серьезных проблем и трудностей, облегчить им жизнь, что рождает затем у молодых людей пассивность, отсутствие инициативы, творчества, желания и умения совершать выбор, принимать решения и т. д.

Все это требует огромной воспитательной работы среди молодежи в плане формирования моральной воли как основы активной жизненной позиции личности. Условием успешного формирования воли человека при этом должно быть не стремление ограждать личность от реальных проблем и трудностей, имеющих место в нашей жизни, а, наоборот, стремление вовлекать человека в активное противостояние негативным явлениям, в деятельность по борьбе с ними. Только в этой борьбе личность получает действительно, подлинное нравственное развитие. Только активное включение в деятельность по разрешению возникающих противоречий формирует личность с активной жизненной позицией, человека-борца, а не абстрактного гуманиста-мечтателя или инфанта, избалованного материальным благополучием. Актуальными и своевременными в этом отношении являются материалы реформы общеобразовательной и профессиональной школы, которой предусматривается более раннее привлечение детей к настоящему общественно полезному, производительному труду. Необходимы и более строгие меры по неуклонному проведению в жизнь основных принципов социализма в сфере производства, распределения и потребления, по устранению из нашей практики всего, что противоречит идее социальной справедливости.

Экономические противоречия, оказывающие влияние на нравственные отношения и развитие личности, существуют не только в рамках непосредственного производства, распределения, потребления, но и между ними.

Противоречие производства и потребления — объективное и закономерное противоречие, лежащее в основе функционирования экономики. Общество производит, чтобы удовлетворить потребление, само же потребление обусловлено производством, возникает из него¹². Нарушение гармонического единства сторон этого противоречия может иметь нежелательные нравственные последствия для развития общества и личности.

Так, выдвигание на первый план производства приводит общество, с одной стороны, к затовариванию не пользующейся спросом продукцией, а с другой — к нехватке ряда товаров, потребность в которых налицо. Как результат этого возникает нездоровый ажиотаж вокруг определенной части товаров, стремление

¹² Эта связь производства и потребления подробно рассмотрена К. Марксом. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 717.

«достать дефицит», спекуляция и т. д. Нередко желание обрести модную, отсутствующую в наших магазинах вещь, приводит к формированию ориентации на товары иностранного производства, а это представляет определенную опасность в плане проникновения к нам с вещами чуждой идеологии и морали.

Производство всегда должно иметь своей целью потребление, быть ориентированным на конкретные потребности общества и человека, их объем, структуру, содержание. Но потребление, в свою очередь, должно быть разумным, организованным с учетом реального состояния и уровня развития производства, иначе может возникнуть не менее опасная крайность, приводящая к такому явлению, как потребительство.

Все это ставит сложные задачи как в плане совершенствования социалистической экономики, различных ее звеньев, так и в плане профилактической воспитательной работы с людьми. Более того, сегодня назрела необходимость взглянуть по-новому на роль морального фактора в производстве. Суть заключается не в том, чтобы фиксировать нравственные последствия тех или иных социально-экономических мероприятий после их проведения в жизнь, а в том, чтобы всегда и везде видеть нравственный смысл, гуманистический аспект тех или иных социальных действий. Сегодня требуется более четкая переориентация в смысловых акцентах производственной деятельности общества на развитие самого человека, преодоление стереотипов «технократического подхода».

Рассмотренные противоречия далеко не исчерпывают всей совокупности социально-экономических противоречий, воздействующих на процесс формирования личности, каждое из которых в силу самой специфики морали содержит в себе нравственный аспект. Кроме того, речь шла лишь о негативных последствиях социально-экономических противоречий, что обусловлено той опасностью, которую они представляют и которую надо знать, предвидеть и предотвращать в практической идеологической, воспитательной работе. Вместе с тем, обращение к отрицательным последствиям противоречий не означает, что нравственное развитие личности при социализме происходит только под воздействием отрицательных явлений в экономике. Этих явлений еще много, и они оказывают свое формирующее воздействие на нравственные процессы. Но было бы совершенно неверно сводить все противоречия в области экономики только к факторам, стимулирующим негативное развитие личности. Экономические противоречия могут вызывать и положительные, прогрессивные изменения в нравственности личности, подтолкнуть человека к правильному разрешению противоречия общих и личных интересов, что и наблюдается сегодня в повышении нравственно-политической активности людей по управлению производством, по разрешению тех проблем и трудностей, которые возникают в нашей жизни. Большинство советских людей волнуют проблемы дисциплины, качества и ре-

зультативности труда. Они не безразличны к интересам и потребностям общества, к тому, как обстоят дела на производстве, в коллективе, стране в целом. Возникают новые прогрессивные трудовые начинания, зарождаются новые формы отношений в производственных коллективах (бригадный подряд, работа по единому наряду и т. п.), формируется новое отношение к труду, к выполнению производственных и общественных обязанностей. Растет требовательность к себе и другим за состояние дисциплины, качество работы. Наблюдается усиление внимания к моральному фактору на производстве.

И все же конечный результат влияния на личность тех или иных противоречий зависит от нее самой, от ее нравственных ориентаций, убеждений, жизненной позиции в целом. О. Н. Крутова верно подчеркивает: «Неблагоприятные факторы отрицательно сказываются на формировании социалистической личности в том случае, если налицо неправильное — приспособительное — отношение к ним самой личности. В этом случае отрицательные моменты жизни рождают столь же отрицательное сознание и поведение»¹³. Внешние, объективные по отношению к личности факторы и противоречия не могут однозначно определять содержание и направленность нравственного развития личности, которое, будучи обусловленным общественными отношениями, все же «зиждется на автономии человеческого духа»¹⁴. Противоречия в экономических отношениях выступают стимулом нравственного развития личности, ставя ее перед выбором между общественным и личным, желаемым и должным, справедливым и несправедливым и т. д. От того, какой вариант разрешения противоречия предпочтет, выберет данный человек, и зависит его дальнейшее нравственное развитие. Поэтому важно не только выявлять эти противоречия, но и готовить личность к совершению правильного морального выбора, формировать устойчивую способность личности позитивно разрешать противоречия между ценным и должным, личным и общественным, долгом и склонностью, справедливым и несправедливым и т. д. В процессе воспитания необходимо добиваться того, чтобы каждый человек был готов к встрече с возможными противоречиями и трудностями, которые неизбежно возникают в жизни¹⁵. Надо учить личность навыкам, культуре морального выбора, ибо, как верно заметил А. В. Толстых, «...умение (желание и способность. — Л. Л.) делать правиль-

¹³ Крутова О. Н. Формирование нового человека. М., 1982. С. 41.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. I. С. 13.

¹⁵ О необходимости и актуальности этого свидетельствуют, в частности, материалы дискуссии, проводимой «Литературной газетой» в рубрике «Личность и обстоятельства». В ходе дискуссии было замечено, что «некоторые из нас не готовы к встрече с нормальными, естественными противоречиями, не всегда понимают их суть, надеются на легкое движение по пути прогресса. А столкнувшись с противоречиями, человек теряется». Лисичкин Г. Госпожа Удача или Товарищ Верняк // Лит. газ. 1982. 21 нояб.

ный нравственный выбор — центральный момент в процессе нравственного развития личности»¹⁶.

Мы остановились лишь на экономических противоречиях и их нравственных последствиях. Однако специфические нравственные аспекты присущи и другим видам общественных отношений, которые также не лишены противоречий. Их изучение с точки зрения нравственного содержания в реальном функционировании представляется необычайно актуальным, поскольку дает возможность выявлять причины и пути разрешения целого ряда нравственных проблем, более адекватно и эффективно разрабатывать вопросы профессиональной этики, в целом управлять процессом нравственного развития общества и личности.

В. А. БАЧИНИН

Харьковский пединститут

Противоречия социалистической и мещанской морали и пути их разрешения

Важной задачей, стоящей перед социалистическим обществом, является повышение его жизнестойкости, укрепления его способности противостоять чуждым природе социализма, разрушительным началам любого рода, внешним и внутренним. Без конкретных усилий, направляемых на это, без решительной и систематической борьбы с конкретными формами морального зла невозможно успешное продвижение вперед. В массовой идейно-воспитательной работе не должны ускользать из поля зрения носители антисоциалистической морали¹.

Наличие мещанства, являющегося одним из конкретных, наиболее распространенных антиподов коммунистической морали, отрицательно сказывается на состоянии социалистических общественных отношений, на нравственном здоровье подрастающих поколений, на характере их воспитания.

Когда В. И. Ленин говорил о том, что «в основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма»², он не случайно употреблял слово «борьба». Данный тип взаимодействия имеет место там, где его сторонами оказываются взаимоисключающие друг друга противоположности. В нравственной жизни советского общества на этапе социа-

¹⁶ Толстых А. В. После детства. М., 1982. С. 48.

¹ См.: Горбачев М. С. Политический доклад XXVII съезду КПСС. М., 1986. С. 111.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 313.

листического строительства такими противоположностями являются нормы социалистической и мелкобуржуазно-мещанской, индивидуалистической морали.

Для успешной, эффективной борьбы с мещанством необходимо отчетливое представление о нем. Важно обладать точным социальным портретом мещанина, перечнем его опознавательных свойств и сущностных качеств. В обобщенном виде они сводятся к следующему:

1) преобладание индивидуалистических и прагматических ориентаций в большинстве сфер практической и духовной деятельности;

2) противоречие между пассивностью в общественной жизни и активностью в сфере личных интересов;

3) морально-политическая «облегченность» духовного багажа, идейная неустойчивость, нравственная ненадежность, способные принимать вид открытой аполитичности и безнравственности;

4) устойчивое нежелание отказываться от разнообразных приманок и соблазнов, обещаемых позицией эгоцентризма и социальной пассивности;

5) приспособленчество, конформизм, повышенная «сейсмографическая чуткость» к конъюнктурным колебаниям ближайшей микросреды;

6) склонность к метафизической абсолютизации роли и значимости того, что в человеческой жизни обладает лишь относительной ценностью — денег, вещей, власти;

7) чуждость высшим формам культуры, ограниченность духовных интересов и потребностей и, как следствие, нравственное бессилие перед лицом сложных моральных и мировоззренческих проблем.

Мещанство противопоставляет каждой ценности социалистической морали собственную «антиценность»:

— принципу **социальной активности**, ориентирующему на деятельность по нравственному преобразованию действительности, — принцип **адаптивности**, ориентирующий на пассивно-приспособительное существование;

— принципу **воинствующего гуманизма**, нетерпимости к злу — принцип **толерантности**, оправдывающий нравственное равнодушие;

— принципу **коллективизма**, ориентирующему на служение людям, обществу — принцип **индивидуализма**, оправдывающий эгоцентрические наклонности;

— ориентации на гармоничное сочетание материальных и духовных потребностей — приверженность к потребительству, «вещизму», накопительству;

— диалектико-материалистическому миропониманию — опору на метафизический рассудок, на житейские стереотипы обыденного сознания;

— гражданственности и политической культуре — безыдейность и аполитичность;

— единству слова и дела — их вопиющий разлад.

Социалистическая мораль, в отличие от мелкобуржуазно-мещанской, обладает более сложной качественной определенностью, так как имеет своей целью благо не отдельного, атомизированного индивида, а нечто более существенное — **диалектическое единство общественного процветания с индивидуальным счастьем**. В социально-историческом плане она представляет собой качественно наиболее высокую ступень в развитии общественной морали.

Мещанская мораль, уходящая своими корнями в прошлое, в историю жизнедеятельности мелкобуржуазных слоев, и мораль социалистическая, устремленная своими идеалами в коммунистическое будущее, соотносятся между собой как противоположности **старого и нового, зла и добра**.

Добро всегда существует не само по себе, а только в противоборстве со злом. Оно есть, по словам Гегеля, «высшая, совершенная борьба»³. Соответственно, социалистическая мораль существует и развивается в борьбе со своей противоположностью — моралью мещанской, в постоянном отстаивании чистоты своих идеалов, принципов и норм.

Исход любой борьбы решает сила оружия, которым пользуются ее участники. Но добро и зло, новое и старое часто вооружены примерно одинаково. Их оружие — это прежде всего силы, способности, энергия, боевой дух конкретных человеческих индивидов. И возникает вопрос: достаточно ли хорошо вооружено добро, чтобы одержать победу над злом?

Исторический опыт свидетельствует, что там, где на стороне сил добра оказывается совпадение индивидуальных интересов и целей борцов с объективной логикой общественного развития, их победа, сколь бы труден ни был к ней путь, становится неизбежной. В противном случае ни о каком общественном, нравственном прогрессе не могло бы быть и речи.

Каждый шаг на пути борьбы — это историческая ступень, на которой новое набирает силу, а старое в ожесточенном сопротивлении теряет прежнюю жизненность. «История, — писал Маркс, — действует основательно и проходит через множество фазисов, когда уносит в могилу устаревшую форму жизни»⁴. В полной мере это относится к мелкобуржуазно-мещанской морали.

Противоречие между социалистической и мещанской моралью проходит в своем развитии ряд исторических ступеней — от зарождения в недрах буржуазного общества до окончательного разрешения в условиях коммунистического строительства.

Первая ступень противоречия. Период исторического рожде-

³ Гегель. Наука логики. М., 1972. Т. 1. С. 62.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 418.

ния капиталистической формации. Бывшие крестьяне, разорившиеся выходцы из мелкоремесленной и торговой среды, превратившись в первых пролетариев, еще никакими особыми нравственно-психологическими чертами не отличаются ни от ремесленников, ни от представителей городских низов. Патриархально-общинные и мелкособственнические иллюзии еще крепко сидят в их сознании. Над **различием** в нравах мелкобуржуазных слоев и первых поколений пролетариев преобладает **тождество**.

Вторая ступень противоречия. Эпоха зрелости буржуазно-капиталистических отношений, когда пролетариат превращается из «класса в себе» в «класс для себя». Фабрично-заводская жизнь рассеивает у пролетариев патриархальные и мелкобуржуазные собственнические иллюзии. Их сознанием овладевает мысль о несправедливости существующего общественного устройства, углубляется понимание своих истинных классовых, экономических и политических интересов. Революционная борьба становится для рабочих настоящей школой новой, пролетарской морали. В середине XIX в. закладываются основы научной теории революционной нравственности.

Если пролетарская мораль постепенно развивается в целостную систему прогрессивных принципов и норм, то мораль мелких собственников остается на реакционно-охранительных, пассивно-индивидуалистических позициях, пребывает в состоянии косности и консерватизма. «Полупролетарии-полухозяйки», как называл мелких собственников В. И. Ленин, занимают промежуточное социально-классовое положение между буржуазией (крупной и средней) и пролетариатом. Обладая частной собственностью, они не стоят перед необходимостью продавать свой труд и по своим ценностным ориентациям на богатство, деньги сближаются с буржуазией. С другой стороны, они живут преимущественно собственным трудом, плодами своих рук. И это, отдаляя их от паразитирующих эксплуататорских классов, сближает с трудящимися массами. Подобная промежуточность социально-классового положения порождает противоречивость морального облика мелкого буржуа: трудолюбие сочетается в нем с корыстолюбием, скупостью, профессиональное мастерство — с сословно-корпоративным индивидуализмом, здравомыслие — с патриархальными иллюзиями, умеренность — с духовной ограниченностью и т. д. Его сокровенное желание состоит в том, чтобы никакие социальные бури не мешали ему вкушать житейские радости. Страшась потерять свою собственность, он предпочитает жить согласно заповедям: «не тягайся с обстоятельствами», «живи и жить давай другим», «довольствуйся тем, что имеешь» и т. п.

Эта самодовольная «филистерская пошлость... видит в пролетарии только грубого деморализованного оборванца», «грядущего Хама» (Д. Мережковский), отравленный завистью, злобой

и местью «низший человеческий тип, лишенный благородных черт» (И. Бердяев).

По своей социально-исторической и ценностной направленности пролетарская и мелкобуржуазная мораль оказываются ориентированы в противоположных направлениях — революционно-преобразующем и пассивно-охранительном. Различие между ними, прежде едва заметное, обретает характер все более углубляющегося противоречия.

Третья ступень противоречия. В условиях социализма, в результате совершившейся революции, уничтожения эксплуататорских классов, противоречие между пролетарской и мелкобуржуазной моралью переходит в исторически новую форму своего существования. Утратив прежние **классовые, базисные** корни, оно превращается в **надстроечное** противоречие общественного сознания, общественной психологии — противоречие между **социалистической и мещанской** моралью. Эта историческая трансформация осуществляется не сразу, а на протяжении всего переходного периода от капитализма к социализму.

В обстановке социалистического строительства личность с мещанско-индивидуалистическим сознанием превратилась из явления, привычного для условий антагонистического общества, в нравственную аномалию. Если прежде мещанин не был в конфликте с общественным строем, то теперь он оказался в состоянии непримиримого противоречия с ним. С одной стороны, нравственные принципы строящегося, развивающегося социализма никак не вписывались в круг его традиционных представлений, с другой — социалистическая мораль не могла принять совершенно чуждую ей по духу систему мелкобуржуазных нравственных установок. В результате впервые за всю историю обладатель индивидуалистической психологии превратился в «лишнего человека», которому было отказано в праве занимать место в изменившейся социальной действительности.

В условиях нового общественного строя отношение между социалистической и мещанской моралью складывается по принципу взаимоисключения. Достигнув своего исторического предела, это противоречие настоятельно требует разрешения, которое и осуществляется в ходе разносторонней практически-духовной деятельности советских людей по коммунистическому созиданию.

В современных условиях носитель мещанского сознания, не желая сдавать позиций, стремясь продлить свой исторический век, прибегает к различным уловкам и ухищрениям. Одним из средств самосохранения и маскировки становится для него защитно-оправдательная фразеология софистического характера. При посредстве софистической аргументации он как бы одевает на себя маску, за которой старается скрыть свой подлинный моральный облик, свою истинную мелкобуржуазно-индивидуалистическую сущность.

Софистика потребовалась носителям мещанского сознания по той причине, что они оказались в состоянии явной нравственной несовместимости с массой порядочных людей, честных советских тружеников, занимающих активную жизненную позицию в деле социалистического строительства. Если социальные притязания последних имеют исторически оправданный, научно обоснованный характер и потому не нуждаются в оправдании посредством софистических изворотов и ухищрений, то иное у мещанина. Его эгоистические притязания на «место под солнцем», на избыточный комфорт и потребительство оправдать научно невозможно, и потому он прибегает к софистике.

Софистическая аргументация мещанского сознания имеет отчетливо выраженный **ценностный смысл** и особую **логическую форму**. Первый проистекает из характера **жизненной позиции** мещанина. Основанием формы является **субъективистский метод**, с помощью которого обосновывается и защищается весь комплекс ценностей мещанского сознания.

Если учитывать то обстоятельство, что нет ни одного явления, о котором нельзя было бы высказать одновременно двух противоположных мнений, то становится очевидным, что содержание человеческих суждений о каждом факте зависит не только от содержания факта, но и от взглядов высказывающегося субъекта, от характера его мировоззрения, культуры, нравственности, от типа убеждений и ценностных ориентаций. Если в его сознании доминируют ориентации на торжество правды и социальной справедливости, то его мысли и высказывания будут развертываться в одном ценностном направлении. Если же им руководят эгоистические соображения личной пользы и выгоды, то логические цепочки его рассуждений будут разворачиваться уже в нравственно противоположную сторону.

Ценностная подоплека, аксиологическое основание мещанской софистики — **прагматизм**. Руководствуясь соображением собственной пользы и выгоды, мещанин склонен постоянно выбирать такую точку зрения, которая удобна прежде всего для него лично. Беспринципность доводов и аргументов, отстаивающих то, что ему выгодно, оборачивается в его устах словесной «вседозволенностью», языковой сновороткой, стремящейся доказать, что черное — это белое, а белое — это черное.

По своей логической форме софизмы мещанского сознания представляют собой умышленно ложно сформулированные умозаключения, строящиеся на спекуляциях диалектической амбивалентностью, внутренней противоречивостью понятий, на выхватывании отдельных сторон явлений и возведении их в абсолют, на поверхностных аналогиях сугубо внешнего характера и т. д.

Логико-гносеологической основой софистической аргументации, выдающей ложь за правду и правду за ложь, являются три «кита» — **субъективизм, релятивизм, редуccionизм**.

1. **Субъективизм**. Данный метод позволяет мещанину произ-

вольно нарушать допустимые пределы приложимости используемых понятий — либо насильственно «растягивать» их, либо, напротив, искусственно «зауживать». Мещанин оставляет за собой право перекраивать объективные факты по собственному произволу и считает возможными любые «допуски» и перескоки в логике своих рассуждений.

2. Релятивизм. Релятивистское сознание, как отмечал еще Гегель, похоже на щелочь, «разъедающей силе которой ничто не может сопротивляться»⁵. Для него нет ничего «прибитого гвоздями», не существует святых и идеалов. Релятивизм с его «силой зыбкости» служит для мещанина средством опровержения неугодных ему норм и требований, способом объявления существенного несущественным, общепринятого — условным, абсолютного — преходящим и т. д.

3. Редукционизм. Сводя сложное к простому, высокое к низкому, целое к простой сумме его частей, мещанское сознание формирует редуцированные, т. е. упрощенные в ценностном, нравственном отношении суждения и умозаключения. Согласно им оказывается, что жизнь устроена довольно просто (главное — понять, что в ней каждый сам за себя), что преуспеть в ней легко (если умеешь «вертеться» и не церемонишься с выбором средств для достижения своих целей), что окружающие люди не представляют из себя ничего особо сложного (сущность каждого исчерпывается набором его элементарных, прежде всего материальных потребностей), что механизм налаживания межличностных отношений предельно прост (важно уметь действовать по универсальному принципу «ты — мне, я — тебе»).

Софизмы, которыми активно пользуется мещанское сознание, не всегда самостоятельно измышляются и формулируются ими. Многие из них складывались в течение продолжительного исторического времени и явились продуктом совместных усилий обыденного сознания мелкобуржуазных слоев и их идеологов. Превращившись в расхожие стереотипы обывательского мышления, они в настоящее время локализуются в донаучной сфере общественного сознания, откуда и берутся современным мещанином в целях укрепления своих позиций.

Одним из таких софизмов, оправдывающих не только бесчестные поступки мещанина, но и саму софистику как метод аргументации, является тезис **«Цель оправдывает средства»**, уходящий своими корнями вглубь истории общества социальной несправедливости. Его аксиологическое содержание сводится к обоснованию мысли о том, будто единичные аморальные поступки — это столь малые величины, что в своем ценностном значении каждый из них может быть приравнен к нулю, и потому они не способны омрачить душевное состояние индивида, не могут

⁵ Гегель. Сочинения. Т. 10. М., 1932. С. 4—5.

помешать ему наслаждаться житейскими благами, связанными с достижением вожаемой цели.

Требования партии по перестройке идейно-воспитательной работы предполагают в качестве одного из направлений деятельности по критическому развенчанию расхожих софизмов мелкобуржуазного, мещанско-индивидуалистического сознания, активное срывание масок с приспособленцев и демагогов, с обюрократившихся чиновников и рутинеров, повсеместное уличение их в лицемерии и лжи. В этом отношении пристального критического внимания требует проблема борьбы с бюрократизмом. В Политическом докладе XXVII съезду КПСС говорилось о том, что имевшее место снижение динамизма экономического и социального развития привело к инертности, застылости форм и методов управления, к нарастанию бюрократизма⁶.

Олицетворением бюрократизма является фигура чиновника, выступающего в самых разных обликах — регитивного администратора и заскорузлого рутинера, политического демагога-кликуши и перестраховщика, врага всякой новизны, готового заблокировать, умертвить на корню любое живое, творческое дело. В основе его служебного рвения лежат, в первую очередь, личные интересы, связанные со служебным продвижением, карьерой, концентрацией в своих руках максимально возможной административной власти. Подобная позиция, как заметил еще Гегель, опирается не на существо дела, а держится только «на хитром использовании своеобразных особенностей других людей, стремясь таким путем достичь своих случайных целей»⁷.

Административная власть выступает для чиновника-бюрократа главным средством собственного самоутверждения и сопряжена с нежеланием уважать человеческое достоинство других людей. Он может разглагольствовать о своей преданности идее общественного блага и под ее прикрытием ссылаться на то, что, мол, «общее дело важнее интересов отдельного человека». Этот тезис, используемый в обычных, отнюдь не экстремальных обстоятельствах, превращается в софизм и становится оружием впадающих в «административный восторг» чиновников, средством морального уничтожения неугодных им лиц.

Характерно, что для чиновника-бюрократа такие понятия, как «общее благо», «интересы страны» являются настолько расплывчатыми абстракциями, что никаких конкретных обязательств, никакой личной ответственности он перед ними не чувствует. Столь же равнодушен он и к интересам, заботам, нуждам других людей, обращающихся к нему. Не желая ставить себя на их место, он далек от того, чтобы вести ценностно уравновешенные диалоги с ними и откликаться должным образом на их потребности и прось-

⁶ Горбачев М. С. Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду КПСС. С. 4.

⁷ Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1977. Т. 3. С. 7.

бы. Единственное, что существует для него вполне реально и непосредственно осязается им, — это его собственные интересы и потребности, на удовлетворение которых он и направляет в первую очередь все свои помыслы и поступки.

Сегодня, в условиях активизировавшейся борьбы с антиподами коммунистической морали, мещанская софистика не должна оставаться без внимания. В идейно-воспитательной, агитационно-пропагандистской и культурно-массовой работе следует постоянно держать на примете эту сторону борьбы с мещанством. Но для этого недостаточно одного лишь эмоционально-осуждающего, обличительного пафоса. Он должен подкрепляться квалификационным критическим анализом содержания конкретных форм мещанской апологетики. Поэтому важной задачей следует считать формирование высокой философско-диалектической культуры советских людей, чтобы каждый сознательный труженик обладал бы умением разоблачать мещанские софизмы, мог, что называется, «на корню» пресекать идейно-нравственные выпады и поползновения, чуждые социалистической морали.

Вместе с тем было бы наивно надеяться победить мещанство одними словопрениями. Это явление обладает еще довольно крепкими корнями. Борьба с ним требует не только словесных баталий, но и привлечения эффективных политико-экономических средств, с одной стороны, и повсеместной социально-нравственной активности широких масс трудящихся — с другой.

В современных условиях борьба с мещанством осложняется тем, что оно принимает разнообразные и непривычные формы — потребительства, вещизма, нео-гедонизма, престижно-статусного присвоения духовных ценностей и т. д. Обыденная речь обозначила эти явления неологизмом «нажитки», а в публицистических выступлениях и в социологической литературе даже появились высказывания, согласно которым следует совсем отказаться от понятия «пережитки» и заменить его этим не очень научным, но достаточно метким термином. Сторонники этой точки зрения исходили из того, что ныне абсолютное большинство носителей мелкобуржуазно-мещанского сознания — это люди, родившиеся и воспитывавшиеся в условиях социализма, то есть между их рождением и дооктябрьским прошлым страны обнаруживается слишком большой исторический интервал, чтобы можно было говорить о влиянии старого мира на сознание этих людей.

На первый взгляд, подобные рассуждения не лишены логики. Но они охватывают лишь одну сторону проблемы. Более же глубокий, диалектический взгляд на социально-нравственные аномалии позволяет убедиться в том, что если **внешние формы**, в которых они выступают, достаточно подвижны и исторически изменчивы, то их **глубинная сущность** отличается большей устойчивостью и способна сохраняться без особых трансформаций на протяжении длительного времени. Современные по внешнему виду проявления антиподов («нажитки») и их исторические пред-

шественники («пережитки») в равной мере имеют в своем основании одну и ту же **мелкобуржуазно-мещанскую сущность**, один и тот же комплекс индивидуалистически-прагматических моральных норм. Меняя свои внешние формы и тем самым приспособляясь к изменяющимся условиям жизни, антиподы коммунистической морали продолжают в своем сущностном измерении оставаться явлением, неизменно чуждым социализму, несовместимым с нормами социалистической морали.

В современных условиях перестройки практической и духовной жизни советского общества борьба с моральным злом, с антиподами коммунистической нравственности вошла в новую фазу. Она, как отметил на XIII съезде Союза советских писателей Д. Гранин, «укрупнила чувства и характеры. В этом единоборстве зло предстало куда более сильным, опасным и многочисленным, чем нам казалось...»⁸. Его сопротивление стало более ожесточенным, формы маскировки — более изощренными, а выпады — более коварными. И в этом есть свой резон, если вспомнить, что в любом диалектическом противоречии этапу его разрешения всегда предшествует этап обострения. Одновременно с усилением положительной стороны неизменно активизируется сопротивление и стороны отрицательной. Последняя напрягает все силы, чтобы любой ценой удержаться на исторической сцене, ставит на карту все, использует все доступные ей средства, включая самые безнравственные.

Из всего этого вытекает важное следствие: положительной стороне, даже и в преддверии грядущей, прозреваемой вдали победы, ни в коем случае нельзя расслабляться, встречая ожесточенное сопротивление противника. Она должна быть внутренне готова к напряженной и продолжительной борьбе, к мобилизации всех сил и резервов, памятуя о том, что агонизирующий противник — самый опасный.

Большим недостатком современной воспитательной деятельности является то, что в сознание молодежи не закладываются представления о ждущих ее впереди трудностях и противоречиях, о неизбежных встречах со злом и о необходимости готовить себя к борьбе с ним. Уроки благодушия, преподносимые воспитателями, оборачиваются инфантилизмом воспитанников; их неумением бороться с реальным злом; страхом перед противоречиями жизни и стремлением подольше задержаться в приятном полудетском состоянии, в тепличных условиях, где требования взрослой жизни присутствуют пока лишь в усеченном виде «полответственности», «полудолга», «полусамостоятельности» и т. д.

Между тем сегодня требуется иной подход к воспитанию. К борьбе со злом ребенка необходимо готовить сизмальства. Ведь даже сказки, которые так любят дети и где концовки всегда счастливые, учат, что добро не дается человеку в руки само со-

⁸ Лит. газ. 1986. 2 июля.

бой. Путь к добру тернист, требует преодоления многих препятствий, разрешения массы противоречий. Но эти уроки народной мудрости почему-то не получают подкрепления во всех звеньях воспитательно-педагогического процесса. И выходит, что настоящие борцы со злом, правдоискатели и максималисты формируются не благодаря существующей системе педагогических принципов, а в известном смысле вопреки ей.

Зло, выступающее в облике бюрократа или тунеядца, спекулянта или взяточника, бракодела или рвача, всегда активно, энергично, изобретательно. Поэтому силы добра должны быть в состоянии противопоставить злу превосходящую активность, энергию и изобретательность. Сколько существует разновидностей зла, столько надо иметь и средств борьбы с ними.

Бесценным пособием по стратегии и тактике борьбы со злом в условиях социализма является ленинское наследие. Вот лишь один урок, данный В. И. Лениным.

В 1921 году, отвечая на письмо М. Соколова, который жаловался на то, что он два или три раза пробовал бороться с бюрократами и потерпел поражение. В. И. Ленин писал: «Во-первых, отвечаю я на этот неудачный Ваш опыт, — во-1-х, надо не 2—3, а 20—30 раз пробовать, повторять, начинать сначала.

Во-2-х, где доказано, что Вы правильно боролись, искусно? Бюрократы — ловкачи, многие мезавцы из них — архипройдочи. Их голыми руками не возьмешь. Правильно ли Вы боролись? По всем ли правилам военного искусства **окружили** «врага»?»⁹.

Некоторое время спустя В. И. Ленин вновь обращается к этому же вопросу, противопоставляя два типа отношения к злу — пассивно- созерцательное и активно-критическое. Он пишет: «Размагниченный мелкобуржуазный интеллигент хныкает, плачется, теряется перед любым проявлением безобразия и зла, лишается самособладания, повторяет любую сплетню, пыжится говорить нечто несвязное о «системе». Пролетарий (не по бывшей своей профессии, а по действительной своей классовой роли), видя зло, берется деловым образом за борьбу: поддерживает открыто и официально кандидатуру хорошего работника Ивана, предлагает сместить плохого Петра, возбуждает дело — и ведет его энергично, твердо, до конца — против проходимца Сидора, против протекционистской выходки Тита, против преступнейшей сделки Мirona, вырабатывает... деловые, практические предложения...»¹⁰.

В. И. Ленин не случайно говорил о правилах военного искусства в борьбе с моральным злом. Действительно, борцу за торжество добра и справедливости необходимо иметь многие из тех качеств, которыми обладает талантливый полководец, сражающийся с сильным противником. Известный советский психолог Б. М. Теплов, автор книги «Ум полководца» считал важнейшим

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 194.

¹⁰ Там же. С. 228.

из таких качеств культуру мысли. «Умение охватывать сразу все стороны вопроса, — писал он, — быстро анализировать материал чрезвычайной сложности, систематизировать его, выделять существенное, намечать план действий и в случае необходимости мгновенно изменять его — все это даже для самого талантливого человека невозможно без основательной интеллектуальной подготовки. Что касается предвидения, то одним из важнейших условий его, как мы установили, является запас знаний и умение оперировать ими. Другое, не менее важное условие предвидения — умение проникать в замыслы противника, становиться на его точку зрения, решать задачу за него, а это предполагает не только наличие массы конкретных сведений о противнике... но и своеобразную **психологическую** культуру ума... что невозможно без очень широкого общего развития»¹¹.

Борьба со злом требует от индивида выполнения целого ряда требований «стратегического» и тактического характера:

1) избегать крайностей упрощенного, облегченного представления о зле, с одной стороны, и преувеличенного, гипертрофированного мнения о его могуществе — с другой. Реалистично оценивать силы и возможности противника;

2) помнить, что мгновенное, молниеносное уничтожение морального зла невозможно, а требуется ряд промежуточных этапов, переходных ступеней в борьбе с ним, на каждой из которых должны использоваться свои особые приемы, средства, методы;

3) отчетливо сформулировать **цель** борьбы, наметить последовательность конкретных действий;

4) подходить к злу с конкретно-исторических позиций, то есть учитывать, что в борьбе с ним нет универсальных средств, годных на все времена, что то оружие, которое подходит для одной ситуации, может оказаться бесполезным для другой;

5) учитывать, что зло отличается высокой **адаптивностью** и способно быстро менять обличье. Уметь распознавать его во всех его видах и формах;

6) уметь действовать ситуативно и иметь в своем арсенале набор эффективных средств борьбы, призванных либо вводить смягчающее начало в остроту образовавшегося противоречия, либо обострять его с целью скорейшего разрешения. Борец со злом должен владеть искусством убеждающего слова, уметь опираться на силу коллектива и общественного мнения, прибегать к помощи правоохранительных средств и т. д.;

7) пользоваться в борьбе со злом только нравственными, сознательно и вместе с тем изобретательно отобранными средствами;

8) действовать инициативно и наступательно, быть всегда готовым отразить выпад противника. Уметь довести дело до победного конца.

¹¹ Теплов Б. М. Избранные труды. М., 1985. Т. 1. С. 296—297.

В. И. Ленин, учитывая сложность борьбы с силами, враждебными социализму, говорил о недопустимости, неуместности в таком деле жеманства или важничанья. «Придется, — писал он в статье «Лучше меньше, да лучше», — готовить себя к работам, которые я не постеснялся бы назвать подготовкой к ловле, не скажу — мошенников, но вроде того, и придумыванием особых ухищрений для того, чтобы прикрыть свои походы, подходы и т. п.

Если в западноевропейских учреждениях подобные предложения вызвали бы неслыханное негодование, чувство нравственного возмущения и т. д., то я надеюсь, что мы еще недостаточно обюрократились, чтобы быть способными на это...»¹².

Главный залог успешной борьбы с носителями мелкобуржуазно-мещанской морали — в разнообразии ее средств, путей и методов. Совершающаяся в стране перестройка открывает широкие возможности активизации этой борьбы, позволяет вовлечь в этот процесс миллионы честных труженников, их силы, разум, волю, использовать те нравственные резервы, которые содержатся в силе общественного мнения, в жажде социальной справедливости и тем самым придать существенное **ускорение** делу нравственного преобразования действительности.

С. Л. БЕРЕЗИН

Институт философии АН Казахской ССР

Нравственное возвышение личности в системе социалистического соревнования

ХХVII съезд КПСС особо подчеркнул, что на нынешнем переломном этапе выхода реального социализма на качественно новые рубежи центральной становится проблема формирования общественно активной личности, чувствующей свою персональную гражданскую ответственность за судьбу тех глубочайших революционных преобразований, которые развертываются в стране.

Сложность решения указанной социально-нравственной проблемы требует, на наш взгляд, прежде всего четкого осознания того обстоятельства, что формирование исполнительности и ответственности — качественно различные уровни функционирования морали в реальном социальном процессе. В свете данных современной науки и практики становится все более ясно, что ответственность — не слово, которое произносится только тогда, когда речь заходит о недостатках и ошибках конкретного человека. Ответственность — это постоянное напряжение духовных сил личности, результат дли-

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 397.

тельного развития и совершенствования всех нравственных возможностей человека.

В настоящее время реальная практика коммунистического воспитания со всей остротой выдвигает перед наукой самые трудные социально-нравственные вопросы: Как достичь такого уровня духовно-нравственной зрелости личности, когда человек поступает «как должно» потому, что он не может поступить иначе? Каким образом требования нравственности, в равной степени относящиеся ко всем людям, превращаются во внутреннюю нравственную необходимость данного конкретного лица, становятся органической частью его духовного мира?

Со всей определенностью можно сказать, что вне исследования диалектики нравственного развития человека во всей конкретности и диалектичности его общественного бытия, в неразрывном единстве с логикой всестороннего совершенствования социализма, ответить на эти вопросы невозможно. Ответы на поставленные самой логикой жизни актуальнейшие вопросы коммунистического воспитания имманентно предполагают давно назревшую в обществоведении необходимость перехода от абстрактно-логических форм анализа, породившего в своем лоне немало умозрительных спекуляций, к созданию такой теории нравственного развития личности, которая осмысливала бы нравственную жизнь человека, протекающую весьма сложно и противоречиво, не в качестве самодовлеющего предмета познания, а как процесс, пронизывающий всю живую ткань многогранной социальной действительности. Между тем, как признают видные советские этики, научные исследования на протяжении многих лет были в основном нацелены на изучение морали исключительно как формы общественного сознания, в них абсолютизировался нормативный аспект, что неизбежно порождало упрощенное решение проблем усвоения личностью нравственных ценностей и соответственно одностороннее, весьма абстрактное понимание диалектики нравственного развития человека.

В настоящее время, когда партия обращает особое внимание на эффективность конечного результата социального познания, становится все более ясно, что исследование нравственных процессов на уровне только рассмотрения всеобщего и должного дает лишь видимость действительного познания. Этику интересует сегодня не столько должное состояние нравственной зрелости личности (обоснование идеальных образцов поведения), сколько сам процесс ее становления и развития, реальный процесс превращения нравственной необходимости в нравственную свободу.

Таким образом, по логике движения социальной необходимости одной из актуальнейших задач марксистской философии на современном переломном этапе развития нашего общества становится диалектика нравственного возвышения личности, несущего в себе мощный творчески-созидательный заряд общественного прогресса. Если это так, то в качестве ключевого методологического положения подобного исследования на первый план выдвиги-

гается диалектико-материалистический тезис о том, что основой подлинного нравственного самоизменения человека является революционно-критическая практика масс.

В понятие «революционно-критическая практика» марксизм включает процессы нравственного самоизменения, самообновления человека, утверждения личности нового коммунистического типа. «Революция, — отмечали основоположники марксизма, — необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества»¹, а «такой основой являются они (пролетарии — С. Б.) сами в качестве новых людей...»². Иначе говоря, только на основе активного участия в революционной деятельности (в ней и через нее) появляются люди нового склада, впервые обретающие общественную значимость своей личности, развитое чувство собственного достоинства. Возвышаясь над своим прежним, вынужденным обстоятельствами ограниченным уровнем, изменяя самих себя, они все более полно «распрямляются» в духовно-нравственном плане.

Практика всестороннего совершенствования реального социализма показывает, что одна из ведущих тенденций социалистического соревнования — возрастание социально-нравственной активности конкретной личности, которое невозможно представить вне становления и развития процесса индивидуализации нравственных требований.

В свою очередь нарастание нравственной свободы личности в системе социалистического соревнования оказывается не только результатом реализации его социально-нравственного потенциала как практического способа самоутверждения субъекта, но и в то же самое время выступает в качестве действительного основания, углубляющего нравственный смысл соревнования как органической, неотъемлемой черты социалистического образа жизни.

Проявлением указанной закономерности становятся следующие узловые моменты:

1. Результат нравственного развития личности с необходимостью обостряет противоречие между нравственными реалиями и должным, которое персонифицируется в передовых людях труда.

2. Личность передовика социалистического соревнования как персонифицированного идеала — опорная точка нравственного подъема других. Своими нравственными действиями, выступающими как «ростки нового», еще не ставшие всеобщими, человек предвосхищает, прокладывает новые направления в нравственной жизни общества.

3. Передовик как субъект нравственности, активная движущая сила всех позитивных изменений, углубляя своей последователь-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 70.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 201.

ной коллективистской позицией нравственный смысл соревнования, с необходимостью повышает уровень общественных требований к себе. Разрешая это противоречие, передовик социалистического соревнования вынужден мобилизовать все свои потенциальные возможности не только для квалифицированного, профессионального роста, но и для духовно-нравственного совершенствования.

Логично полагать, что нравственная сила соревнования, его глубинный нравственный смысл все более коренятся в том, насколько оно способно с точки зрения фундаментальных общественных интересов эффективно решать проблему действенного освоения новых тенденций, возможностей нравственной жизни общества (переход должного в сущее), которые рождаются из практической жизненно-творческой позиции действительных передовиков социалистического соревнования. Их нравственное развитие, выступающее важнейшим моментом совершенствования нравственных отношений между людьми, позволяет выявить ту достигнутую конкретно-исторической практикой реального социализма нравственную высоту, которая становится в конечном счете мерой оценки нравственной зрелости всех участников социалистического соревнования, конкретной нормой-ориентиром и образцом в нравственном воспитании всех членов социалистического общества. Развитие исторических форм социалистического соревнования есть не что иное, как практический способ освоения людьми нового, более соответствующего коммунистическому идеалу типа коллективистского самоутверждения личности, накопления на этой основе опытом опыта подлинно коллективистского поведения, повышения уровня развития всей системы коллективистских отношений и соответственно нравственно-социальной необходимости, поднимающей качество нравственной жизни социалистического общества на новую ступень морального прогресса.

Все более полное воплощение коренного общественного интереса на узловых исторических этапах развития социалистического соревнования приводит к разворачиванию и обострению нового уровня противоречия между императивно-побудительной, должностовательной стороной принципов и норм коллективизма, выдвигаемых в процессе разворачивания коллективистской сущности социалистического соревнования, и социально-нравственными возможностями личности (степень, уровень действительной готовности к их выполнению).

В движении за коммунистическое отношение к труду напряженность указанного противоречия обнаруживается с особой силой. Речь в данном случае прежде всего идет о том, что движение за коммунистическое отношение к труду высвечивает ту достигнутую социальной практикой реального социализма моральную высоту (новый рубеж коллективизма), которая становится важнейшей объективной детерминантой нравственной зрелости социалистической личности, практическим основанием ее все более возвышенного общественного самоутверждения.

Сейчас, когда движение за коммунистическое отношение к труду развивается не столько вширь, сколько вглубь, особенно явно проявляется в нем тенденция возвышения социально-нравственных требований к личности: уровень социально-нравственных требований к человеку с точки зрения последовательной реализации коммунистического идеала становится значительно выше. В них содержится четко выраженный призыв не только к добросовестному исполнению своих гражданских обязанностей, но и к созданию более совершенного типа социалистической личности, к максимально возможной в нынешних конкретно-исторических условиях реализации коммунистического идеала.

Движение за коммунистическое отношение к труду требует не просто человека, болеющего за общее дело, но в поступке, деянии, во всей своей жизнедеятельности способного противостоять негативным явлениям, вести с ними принципиальную борьбу. И потому ответственность для участника движения за коммунистическое отношение к труду выступает не только там, где нарушаются общественный порядок, законность и мораль нашего общества, но и там, и прежде всего там, где налицо его активные гражданские действия против любых проявлений социального зла, нравственных пороков всего отрицательного в жизни нашего общества.

В соответствии с интенсивным развертыванием императивно-побудительной, долженствовательной стороны коллективистской сущности социалистического соревнования, углублением его нравственного смысла, в движении за коммунистическое отношение к труду в наибольшей мере вызывает практическая необходимость, которая вынуждает человека мобилизовать все свои силы не только для квалификационного, но и для духовно-нравственного совершенствования. Развитие данной тенденции показывает явно, что для каждого исторического этапа социалистического соревнования характерна особая система нравственной регуляции, социально-нравственных требований и ожиданий со стороны передового коллектива к каждому его члену, которая образуется не только совокупностью наличных нравственных отношений в обществе, но и его реальными историческими перспективами (детерминация будущим).

Нравственные требования на каждом историческом этапе социалистического соревнования возникают перед его участниками конкретно (необходимость конкретного долженствования), как выражение глубинных моментов развития объективной нравственной необходимости, встают перед ними в качестве основной моральной задачи, практически мобилизующей духовные возможности личности на решение более сложных социально-нравственных проблем. В этом плане испытание всех внутренних социально-нравственных возможностей личности с точки зрения должного реально предстает как стержневая проблема коммунистического движения. Всякий раз человек еще должен подняться на уровень предъявляемых ему требований с точки зрения конкретного должного —

все более усложняющихся коренных задач осуществления коммунистического идеала.

Таким образом, повышенные требования социалистической коллективности, формирующиеся в недрах социалистического соревнования, с необходимостью порождают нравственные основания для проявления более высокого уровня коллективистского самоутверждения личности. Можно сказать, что социалистическая коллективность и коллективистское самоутверждение субъекта взаимно дополняют и обуславливают друг друга, они находятся в диалектическом единстве. Нравственное развитие личности как результат ее коллективистского самоутверждения в системе социалистического соревнования не может не предполагать достижения новых рубежей коллективизма. В свою очередь, новые моменты развития подлинной коллективности с необходимостью обуславливают развертывание более высокой, развитой меры и формы коллективистского самоутверждения, возвышение личности на тот уровень нравственного развития, органично присущими чертами которого становятся потребность и способность, внутренняя необходимость духовного самовоспитания и самосовершенствования.

При этом следует подчеркнуть, что пробуждение стремления к самовоспитанию в процессе развертывания коллективистской сущности социалистического соревнования, вскрывающего несовершенство, ограниченность сущего, неразрывно связано с повышенной критической требовательностью передового трудового коллектива к нравственному облику личности с точки зрения коренных, сущностных задач коммунистического движения. С другой стороны, по мере развития нравственного самосознания передового человека стремление к самовоспитанию оказывается связанным не только и не столько с возрастающими притязаниями личности на свою общественную значимость под давлением императивно-побудительной должноставательной стороны соревнования, а все более проистекает из того факта, что общественно необходимое в процессе и на основе действительного коллективистского самоутверждения индивида в системе социалистического соревнования постепенно превращается в предмет собственного интереса конкретного субъекта нравственности, в его моральный долг.

В результате новый человек сам предъявляет себе все более высокие нравственные требования, мыслит и переживает их в качестве внутренней нравственной необходимости.

Исходя из этого логично утверждать, что нравственные требования к передовикам социалистического соревнования, постоянно и закономерно возрастающие по мере развития его коллективистской сущности, могут играть доминирующую роль в детерминации нравственной активности личности только в том случае, если находят свою внутреннюю опору в системе ее глубинных нравственных потребностей, в частности, в таком внутреннем качестве субъекта нравственности, как сознание и чувство не перелагаемой ни на кого личной ответственности за общее дело.

Главное, на наш взгляд, состоит в том, что с развитием сознания и чувства собственного достоинства как меры действительного самоутверждения субъекта в условиях высшей формы социалистического соревнования, выражающей наиболее глубоко гуманистическую сущность совершенствования социализма, в передовой личности укрепляется и обостряется сознание и чувство нравственной ответственности, действительное осуществление которой с повелительной силой внутренней необходимости обязывает человека мобилизовать все свои духовные возможности на службу обществу, коренному общественному интересу.

Являясь глубинными нравственными потребностями личности, сцепляющими моральные требования общества и поведения людей, сознание и чувство моральной ответственности с коллективистской направленностью фундаментируют нравственную активность субъекта, непосредственно приводят участника движения за коммунистическое отношение к труду к осознанию нравственной необходимости самовоспитания. Наиболее ярко это выражается в том, что с возрастанием нравственной ответственности, которая, согласно логике морали, возлагается на индивида не просто в той мере, в какой он является «человеком как все», но особенно в той степени, в какой он является именно таким, а не другим человеком, личность не просто следует общепризнанным правилам и нормам поведения, вписывающимся в рамки выполнения общественного долга, а предъявляет все более высокие нравственные требования к себе. При этом чем выше уровень требований, предъявляемых личностью к себе, тем острее ее неудовлетворенность собой, которая, однако, отражает не отсутствие самоуважения и сниженный уровень притязаний, а богатую своим диалектическим содержанием потребность в нравственном самоосуществлении.

Необходимость в самовоспитании, претворенная во внутреннее побуждение, находит свое выражение в том, что в основе нравственного развития личности во все возрастающей мере доминирует «противоречие внутри себя с самим собою»: между новой, еще более глубокой субъективно-личностной формой усвоения человеком своего общественного долга (которая уже не может быть выражена только в понятиях честь-достоинство-личная ответственность) и действительно свободным осуществлением духовно-практической деятельности личности как субъекта нравственности.

В этой связи важно обратиться к нравственному опыту лучших представителей рабочего класса нашей страны — прославленных передовиков социалистического соревнования, для которых трудовая слава не просто почет, не только лавры и литавры, а прежде всего высочайшие нравственные обязанности.

Максимальная реализация внутренних нравственных возможностей и сил личности выступает в их деятельности как постоянное «преодоление человеком своих границ как частного лица, воз-

вышение над собой и нелицеприятный суд над своими действиями»³.

В целом позитивное разрешение с позиций коренных общественных интересов внутреннего противоречия между тем, что составляет специфические признаки совести как особой, обогащенной всем предшествующим процессом развития личности грани нравственного самосознания и реальными личностными возможностями ее действительно свободного осуществления в практической деятельности морального субъекта приводит к тому, что личность передовика социалистического соревнования оказывается перед лицом все более высоких нравственных требований и целей, вызванных развитием и обогащением ее же собственных нравственных возможностей и сил.

Подобного плана противоречие человека с самим собой указывает на все более глубокий духовно-практический потенциал нравственного развития личности, ибо содержит в себе возвышенное стремление человека, одержимого сознанием и чувством нравственной свободы (которая как ценность морального субъекта означает всегда его высшую цель), преодолеть границы самоосуществления индивидуального «Я» с возвышенной целью удовлетворения своего самого глубокого и всегда неутолимого желания восприятия своей нравственной деятельности не столько как внешней принудительной необходимости, а как реализации собственных внутренних побуждений, внутренней необходимости, как свое «собственное осуществление».

Итак, практика нравственного развития личности в системе социалистического соревнования раскрывает действительные «механизмы» возвышения ценностей, целей и соответственно социально-нравственного смысла общественной деятельности индивида, выявляет объективную логику динамического процесса максимального развития и совершенствования нравственных возможностей человека, вызревания движущих сил самодетерминации нравственной активности социалистической личности в их реальной соподчиненности и взаимосвязи.

Существенными моментами нравственного развития личности как диалектического процесса оказываются переломные стадии, нравственные скачки, открывающие возможности качественно новых форм поведения субъекта соревновательных отношений с точки зрения коренных существенных задач коммунистического движения. В свете выявленных особенностей развития узловых моментов нравственной активности личности в системе социалистического соревнования представляется закономерным вывод о том, что честь-достоинство-ответственность-совесть, воздействующие на индивида как взаимопереходящие нравственные потребности все более возвышенного и глубинного порядка, раскрывают

³ Дробницкий О. Г. Проблемы нравственности. М., 1977. С. 67.

действительную меру коллективистского самоутверждения субъекта, в процессе и на основе которого (в нем и через него) нравственная необходимость приобретает форму внутренней свободы.

С расширением социально-нравственного диапазона социалистического соревнования, углублением его коллективистской сущности (когда все новые сложные социально-нравственные коллизии становятся объектом его анализа и оценки) все более зримым оказывается тот факт, что:

А. Соревнование есть реальный социальный процесс, в системе которого осуществляется перманентное вскрытие несовершенства, ограниченности сущего, развертывание и освоение все более совершенных коллективистских тенденций нравственной жизни общества («опережающего поведения»). Развитие осуществляется как диалектика взаимопереходов должного и сущего, как превращение возможностей или тенденций должного в сущем в действительность и как порождение действительностью все новых и новых возможностей должного.

Чем выше степень развития должного в сущем, тем богаче и многообразнее возможности осуществления должного, реальные мостики перехода от должного к сущему.

Б. Соревнование предстает как реальный социальный процесс, в системе которого постоянно пульсирует живое противоречие между сущим и должным, развертывающееся в следующих конкретных формах:

1. Противоречие между нарастающими действительными возможностями социально-нравственной активности личности как субъекта соревновательного процесса (его социальными притязаниями) и ограниченными внешними условиями их удовлетворения в конкретном социальном контексте: преодоление внешнего предела, личность и обстоятельства, формализм в организации соревнования.

2. Противоречие между поступательно развертывающейся в процессе соревнования потребностью личности в коллективистском самоутверждении и степенью развития необходимых для ее практического удовлетворения внутренних социально-нравственных сил и возможностей человека. Личность находится в действительном внутренне-противоречивом движении; ей свойственно чувство неудовлетворенности собой.

Указанный конкретный вид напряженности противоречия между сущим и должным лежит в основе социально-перспективного процесса индивидуализации нравственных требований, становится источником нравственного движения личности, развертывания все новых внутренних оснований самодетерминации ее нравственной активности.

3. Соревнование есть реальный (эмпирически прослеживаемый) социальный процесс, внутри которого наиболее ярко развертыва-

ется живое противоречие между нравственными реалиями, практической нормой, действительным содержанием нравственного сознания многих, распространенными формами реального «массовидного» поведения и должным, персонифицированным в передовых людях труда. Противоречие между старым и новым. Отдельные личности становятся самостоятельными нравственными источниками прогрессивного, совершенного в реальном социальном процессе.

Своими нравственными действиями, еще не ставшими всеобщими, обычными, а выступающими как ростки нового, человек предвосхищает, прокладывает новые направления в нравственной жизни общества.

4. Противоречие между возвышенными нравственными требованиями, императивно-побудительной, долженствовательной стороной принципов и норм коллективизма, вырастающих в процессе развития и совершенствования коллективистской сущности социалистического соревнования, и внутренними социально-нравственными возможностями личности передовика. В движении за коммунистическое отношение к труду действительность указанного противоречия обнаруживается с особой силой. Всякий раз человек еще должен подняться на уровень предъявляемых ему коллективистских требований.

5. Противоречие «внутри себя с самим собою». Противоречие между обогащенной всем предшествующим процессом нравственного развития внутрилично усвоенной формой выражения общественного долга, тем, что составляет специфические признаки совести, и реальными личностно-субъективными возможностями ее действительно свободного осуществления в практической деятельности человека как субъекта нравственности с точки зрения должного — коренных сущностных задач коммунистического движения.

Проблема нравственного самовоспитания и самосовершенствования человека неразрывно связана с движением этого наиболее развитого вида противоречия между сущим и должным и выступает как закономерный сущностный результат коллективистского самоутверждения субъекта в системе социалистического соревнования.

В свете вышеизложенного диалектическое единство сущего и должного, их взаимопереход предстают в качестве реального стержня нравственного развития личности в системе социалистического соревнования — разворачивания новых, обогащенных достигнутым конкретным духовно-практическим результатом все более глубинных оснований самодетерминации нравственной активности субъекта.

При этом определяющим критерием, раскрывающим содержательность того или иного качественно нового уровня нравственного прогресса личности, оказывается степень осознания и соответственно способ действительного осуществления должного, выступаю-

щего предметом все более глубинного личностного интереса субъекта.

Если следовать данному критерию при вычлениии уровней нравственного развития личности в системе социалистического соревнования, то их можно представить в следующей логической последовательности:

1. Низший (инфантильный) уровень, суть которого в подчинении человека внешней принудительной необходимости. Самосознание участника социалистического соревнования отличается поверхностной, отрывочной информацией о моральных требованиях, которые социалистический образ жизни предъявляет к личности, о тех нравственных формах, на страже которых стоит общественное мнение. Для индивида характерен низкий уровень критичности в осознании соответствия своего поведения нравственной необходимости.

2. Нравственное развитие личности на том уровне, когда участник социалистического соревнования, осознавая нравственную необходимость, ориентируясь на общественный интерес, руководствуется еще в значительной степени внешними побудительными стимулами: одобрением или неодобрением его поведения со стороны общественного мнения, что является решающим моментом в выборе поступков.

3. Уровень, определяющая черта которого находит свое выражение в превращении индивида из объекта регулятивного морального воздействия в субъекта нравственности. Специфика данного уровня нравственного развития личности состоит в том, что в его основе во все возрастающей мере пульсирует внутреннее противоречие между интенсивно развивающейся потребностью участника социалистического соревнования в общественном самоутверждении с коллективистской направленностью и степенью развития необходимых для ее удовлетворения субъектно-нравственных возможностей личности.

4. С превращением участника социалистического соревнования в действительного субъекта нравственности приоткрывается еще более глубинный потенциал нравственного возвышения человека до личности, воспринимающей свою духовно-нравственную активность не только как результат осознания нравственной необходимости, но и как выражение своих внутренних побуждений, как свое «собственное осуществление».

Логика произведенного анализа дает основание полагать, что нравственное развитие личности есть социально-детерминированный процесс развертывания все более глубинных форм противоречия между должным и сущим, действительное разрешение которого превращает общественную необходимость в нравственное самоосуществление.

Утверждение данной тенденции в реальном социальном процессе практически отвечает на вопрос, каким образом выраженная

в моральных абстракциях объективная нравственная необходимость (должное) на основе совершенствования социалистических общественных отношений приобретает субъектно-личностную значимость, становится внутренней пружиной нравственного возвышения личности коммунистического типа.

А. Г. МАСЛЕЕВ

Свердловский юридический институт

Проблемы экологии в сфере моральной ответственности личности

Поставленные XXVII съездом КПСС задачи по ускорению социально-экономического развития страны в решающей степени определяются возрастанием роли человеческого фактора, повышением степени ответственности каждого за порученное ему дело. Практика социалистического строительства еще раз подтвердила правоту марксистского положения о том, что история складывается из деятельности конкретных людей, реализующих свои социальные интересы. Глубина исторических преобразований определяется в этом случае тем, насколько активно вовлекаются все более широкие народные массы в процесс социального творчества. С расширением сферы свободы происходит и возрастание социальной ответственности за то или иное решение: слишком большую социальную цену приходится платить обществу за допущенные ошибки и чью-то безответственность.

Отношение человека к природе по своей сущности и содержанию выступает как общественное отношение. Осваивая природу, человек тем самым вступает в отношение с другими людьми, поскольку это затрагивает и их интересы. Преобразуя природу, присваивая и потребляя ее продукты, субъект деятельности принимает на себя всю полноту ответственности за поддержание ее в жизнеспособном состоянии. Отношение к природе в любую историческую эпоху оказывается поэтому объектом оценки с точки зрения соответствия его потребностям и целям развития тех или иных классов, социальных групп и общества в целом.

В литературе достаточно большое внимание уделяется анализу соотношения моральной свободы и необходимости, морального выбора и ответственности (работы С. Ф. Анисимова, Л. М. Архангельского, В. И. Бакштановского, В. Т. Ефимова, Е. А. Лукашевой, А. И. Титаренко и др.). В то же время приходится констатировать, что проблемы экологии еще недостаточно глубоко затронули сферу моральной ответственности и сознания, поведения личности как в теоретическом, так и в практическом отношении. В имеющихся исследованиях в целом преобладает несколько упро-

щенный взгляд на причины экологически негативных явлений при социализме. Утверждается, в частности, что «безнравственное отношение к природе обусловлено у нас причинами субъективного плана, издержками воспитания и образования: отсутствием знаний о законах природы, нормах природопользования, разобщенностью действий различных служб и ведомств...»¹. Естественно, что в условиях, когда экологически значимое поведение субъектов (социальных групп, коллективов, отдельно взятых людей) рассматривается вне реального социального контекста, анализ соотношения экологии и морали ограничивается чисто постановочным характером. В последнем случае проблема оказывается искусственно ограниченной, выступая в качестве частного аспекта процесса экологического воспитания.

Проблемы экологии, как уже отмечалось, лишь относительно недавно стали объектом теоретического исследования со стороны представителей марксистской этики. Причины такого положения видятся в той негативной реакции, которой характеризовалось в 70-е годы отношение к экологическому направлению развития этической мысли на Западе. Справедливая в целом критика концепций «экологической», «энвайронменталистской» этики, к сожалению, не сопровождалась соответствующей разработкой позитивного аспекта нравственного отношения человека к природе с марксистских позиций.

Недооценка роли нравственного аспекта современной экологической проблемы во многом опирается на упрощенное толкование известной мысли Ф. Энгельса о том, что для осуществления регулирования в сфере взаимодействия общества и природы «требуется нечто большее, чем простое познание. Для этого требуется полный переворот в нашем существующем до сего времени способе производства и вместе с ним во всем нашем теперешнем общественном строе»². Действительно, установление общественной собственности на средства производства создает известные предпосылки для формирования нового общественного отношения к природе. Однако реализация этих предпосылок происходит не автоматически, а является результатом целенаправленной политики в данной сфере. Важную роль в этом процессе играет социальная позиция субъекта деятельности, в которой находят отражение его потребности и интересы. Проблема, следовательно, заключалась в том, что в 70-е годы бережное отношение к природе декларировалось как уже фактически достигнутая всеобщая норма поведения при социализме³.

В силу того, что само развитие социалистического природопользования трактовалось как однолинейный жестко детерминированный процесс, из сферы научного исследования автоматически

¹ Мировоззрение и естественно-научное познание. Киев, 1983. С. 255.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 497.

³ См., напр. Словарь по этике/Под ред. И. С. Кона. М., 1981, С. 233.

выпали проблемы свободы выбора, а вместе с тем и моральной ответственности.

XXVII съезд КПСС указал на необходимость решения экологической проблемы как на одну «из насущнейших общечеловеческих задач»⁴ в ряду глобальных проблем современности. Решение их в условиях существования двух мировых социально-политических систем во многом определяется выработкой нового стиля мышления, ответственности за судьбы мира и человечества. Глобализация антропогенного воздействия на биосферу Земли остро ставит проблему выработки единого ценностного показателя для оценки основных тенденций и определения возможных альтернатив, осуществление которых способствовало бы разрешению конфликта в отношениях между обществом и природой. Обострившаяся на рубеже 60—70-х годов общая экологическая ситуация породила на Западе своеобразный исследовательский бум, одно из наиболее важных мест в структуре которого принадлежит этической интерпретации отношения человека к природе. «Неотложные проблемы, с которыми человечество сталкивается, находятся в сфере выработки единого ценностного показателя — этического критерия — для оценки предполагаемых результатов и создания механизма их достижения»⁵.

Сама по себе правомерность выделения особой роли нравственного аспекта отношения человека к природе не может и не должна вызывать особых возражений. В ней находит выражение общее возрастание роли морали в историческом процессе. Речь же идет об определении наиболее важных пунктов, по которым осуществляется разграничение марксистского и буржуазного подходов к оценке современной экологической ситуации средствами этики.

Важнейшим результатом этого должно быть уяснение тех методологических оснований, отправляясь от которых и следует подходить к анализу этического аспекта отношения общества к природе.

Получившие распространение на Западе концепции «экологической» и «энвайронменталистской» этики связывают решение экологической и ряда других глобальных проблем по преимуществу с изменением духовного, в первую очередь нравственного, мира личности. Уже в теоретической концепции Альберта Швейцера обосновывался тезис о равноценности любой жизни, невозможности причинения вреда «всему живому вплоть до низших форм проявления жизни»⁶. Методологическую основу такого взгляда, фактически отрицающего наличие какой-либо иерархии уровней в развитии живого, составляет положение, согласно которому

⁴ См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, С. 20.

⁵ *Ferkiss V. Nature, technology, and politics in a global context// Zygon. J. of religion and science. 1981. Vol. 16. N 2. P. 128.*

⁶ Швейцер А. Культура и этика. М., 1973, С. 308.

«люди — это те же животные. Они находятся во взаимодействии с окружающей природой, и их поведение может рассматриваться как подражание по отношению к имеющимся в природе образцам»⁷

Абсолютизация роли морали как средства формирования ответственности за все живое имела у А. Швейцера в целом гуманистическую направленность, поскольку отражала неприятие ученым ценностей буржуазного общества, стихийный протест против жестокости двух мировых войн, свидетелем которых ему довелось быть. А. Швейцер совершенно обоснованно подверг резкой критике примат потребительства, угрожающий целостности живого, а в конечном счете и целостности нравственного мира самого человека. Не умея правильно объяснить действительных причин этого процесса, а также не видя путей, ведущих к его преодолению, А. Швейцер обратился к живой природе как ориентиру, который, как ему представлялось, способен привести человека к восстановлению целостности его духовного мира. Именно новая этика, понятая как «безграничная ответственность за все, что живет», должна, по его мнению, способствовать улучшению окружающей действительности и самого человека⁸.

В рамках современного буржуазного мирозерцания, представленного в качестве своего варианта теориями «экологической» этики, оказывается невозможным определить круг моральной ответственности личности и позитивное содержание этой ответственности. Данное обстоятельство обусловливается главным образом тем, что ценностное отношение человека к природе интерпретируется авторами этих концепций преимущественно через оперирование категориями добра и зла, не затрагивая действительных оснований социальной деятельности людей. Раскрытие же последней предполагает в первую очередь обращение к анализу диалектики соотношения свободы и необходимости в их социальном, классовом значении.

Неумение применить диалектику к анализу взаимодействия общества и природы превращается в неразрешимую для буржуазного мировоззрения дилемму: что предпочесть, дальнейшее ничем не сдерживаемое развитие промышленности и «материальный рост», с одной стороны, или же замедление темпов развития и сохранение природы как условия жизни нынешнего и будущих поколений людей — с другой. «Борьба за изменение своей доли богатства становится менее интенсивной, когда абсолютный доход каждого класса возрастает, — указывает в этой связи видный теоретик современной религиозной этики Херман Дели. — Однако рост, основанный на быстром истощении ресурсов, означает эксплуатацию будущего. В той мере, в какой мы отказываемся от эксплуатации

⁷ Jochim M. A. Strategies for survival: Cultural behavior. in an ecological context. N. Y., 1981. P. 3.

⁸ См.: Швейцер А. Культура и этика. С. 308.

будущего, мы обостряем классовый конфликт внутри нынешнего поколения»⁹. Будучи не в состоянии правильно оценить причины возникновения современной экологической ситуации, Х. Дели даже и не пытается перенести основной акцент исследования в сферу социально-классовых отношений. В этизации он усматривает панацею от всех возникающих проблем.

Само по себе стремление осуществить переориентацию морального сознания не способно изменить узко утилитарную направленность, присущую отношению человека к природе в условиях капитализма. В силу этого буржуазные исследователи проблемы оказываются вынужденными осуществлять выбор, исходя из имеющихся возможных, на их взгляд, альтернатив. «Мы, наконец, пришли к выводу, — отмечает Кетлин Коурриер, — что усилия по восстановлению прав человека на общение с природой важнее, чем шанс получения работы, хотя они (права — А. М.) и ведут к отчуждению человека от человека»¹⁰. При такой постановке вопроса мы имеем дело не только со своего рода проявлением социального утопизма в современных условиях. По своей конечной направленности рассмотренные концепции в той мере, в какой они обосновывают неизбежность ряда социальных антагонизмов, представляют попытку апологетического оправдания капиталистического строя средствами этического анализа.

В марксистской философии проблема ответственности рассматривается сквозь призму соответствия возможностей личности социальным требованиям, предъявляемым к ней обществом, соотношением личных, групповых и общественных интересов. Ответственность всегда конкретна, так как обуславливается социальной деятельностью людей и условиями, в которых эта деятельность протекает. «... Из определенной формы материального производства, — писал К. Маркс, — вытекает, во-первых, определенная структура общества, во-вторых, определенное отношение людей к природе»¹¹. Мера моральной ответственности личности определяется, следовательно, уровнем развития предметно-практического единства общества и природы, что находит свое отражение и в системе моральных норм и ценностных ориентаций.

Определение того, что есть добро и зло в плане установления меры личной ответственности зависит, таким образом, от того, в какой социальной системе координат и ценностных ориентаций действует данный конкретный человек. В зависимости от господствующего типа общественного (социально-классового) отношения к природе будет существенно меняться и мера личной ответственности. Если в условиях социализма процесс повышения моральной

⁹ *Dely H.* Enough is enough: The economic concept of sufficiency// *Life after '80: Environmental choices we can live with.* Andower, 1980. P. 163.

¹⁰ *Courrier K.* Introduction// *Life after '80: Environmental choices we can live with.* P. XIII.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. 1. С. 279.

ответственности происходит на основе создания адекватных ему социально-экономических, технологических, правовых условий, то принципиально иное положение складывается в исторических границах буржуазного общества. Так, многочисленные обращения к гражданам капиталистических стран призывы о необходимости повышения их личной ответственности за судьбу природы, хотя и того или нет создатели теорий «экологической» этики, ведут к затушевыванию роли монополий как подлинных виновников экологического кризиса на Западе. Такой же результат имеют и выводы о необходимости всем гражданам проявлять единство и солидарность, идти на «необходимые» жертвы перед лицом угрожающего кризиса. И в этом случае этическая интерпретация отношения человека к природе ведет к перекладыванию основного груза ответственности с монополий на плечи рядовых налогоплательщиков капиталистических стран. Не спасают в этом случае и надежды на то, что «взамен централизации власти у сверхкрупных корпораций и правительственных институтов, общины примут на себя всю возросшую ответственность»¹².

Решение вопросов моральной ответственности личности следует рассматривать с точки зрения соответствия объективных условий деятельности и ее (личности) субъективных устремлений, т. е. через диалектику свободы и необходимости. Разрешение антагонизма в отношениях между обществом и природой с переходом от капитализма к социализму создает благоприятные условия для свободного осуществления субъектом деятельности по освоению и преобразованию природы. Только на этом этапе исторического развития ответственность действительно выступает мерой свободы, т. е. мерой совпадения моральных норм и мировоззренческих установок в поведении личности с идеалами и целями общественного прогресса.

XXVII съезд КПСС и январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС по-новому поставили проблему ответственности, особо выделив ее **личностный** аспект, возрастающую роль человеческого фактора. На XXVII съезде КПСС отмечалось, что «социализм с его плановой организацией производства и гуманистическим мировоззрением **способен** внести гармонию во взаимоотношения между обществом и природой»¹³. Существует определенная дистанция, несоответствие между возможностью и действительностью. Игнорирование этого обстоятельства, как показала практика, чревато серьезными социальными потерями.

Проблема соотношения моральной свободы и ответственности личности применительно к сфере экологии ставится сегодня как никогда конкретно. Это связано в первую очередь с осуществле-

¹² *Munson R.* Foreword//Life after '80: Environmental choices we can live with. P. X.

¹³ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 50.

нием ряда проектов, которые могут нанести или уже нанесли обществу не только экологический, но и значительный социальный и нравственный ущерб. К числу такого рода проектов, вызвавших протесты широкой общественности, следует прежде всего отнести строительство в 60-е годы Байкальского целлюлозно-бумажного комбината, отсечение глухой плотинной залива Кара-Богаз-Гол от Каспийского моря, строительство канала «Дунай-Днепр» и ряд других. Наиболее показательна в этом отношении развернувшаяся в конце 70-х — начале 80-х годов борьба против проекта так называемого «переброса части стока северных и сибирских рек».

Раскрывая проблему свободы выбора, Ф. Энгельс писал: «Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей... Свобода воли означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела»¹⁴. Можно ли говорить о том, что отстаивавшаяся руководством Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР и представителями ведомственной науки идея «переброса» свидетельствовала о свободе принятого ими решения и сознании ими всей полноты ответственности перед народом? Ответ, очевидно, мог бы быть положительным, если бы авторы проекта и лица, ответственные за его осуществление, исходили из соображений общественного блага и руководствовались данными науки.

Как известно, учитывая мнение широких кругов общественности, Политбюро ЦК КПСС приняло постановление о полном прекращении проектных и всех иных работ, связанных с переброской части стока северных и сибирских рек¹⁵. Государственная экспертиза проекта выявила не только его социально-экологические и экономические просчеты, но также высветила нравственную ущербность авторов проекта. В выступлении академика Г. И. Петрова на заседании Круглого стола «Экология. Экономика. Нравственность», организованного редакцией журнала «Наш современник», в частности, отмечалось: «...Недобросовестность дельцов от науки ... была доказана комиссией академика А. Л. Яншина с математической строгостью. Она показала, что сотрудниками Института водных проблем были подогнаны величины в уравнениях (!), а сами уравнения решены неправильно, чтобы доказать таким способом монотонное-де понижение уровня Каспия и необходимость переброски вод северных рек»¹⁶.

Тем самым, как мы видим, проект был разработан с полным знанием дела, точнее, при полном игнорировании этого знания. Речь, следовательно, может идти лишь о состоянии нравственной несвободы, полной атрофии чувства моральной ответственности. Остается, говоря словами Ф. Энгельса, установить, «какие движу-

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Т. 20. С. 116.

¹⁵ См.: Правда. 1986. 17 авг.

¹⁶ Петров Г. И. Ответственность науки//Наш современник. 1987. № 1. С. 137.

щие силы скрываются... за этими побуждениями, каковы те исторические причины, которые в головах действующих людей принимают форму данных побуждений?»¹⁷.

В литературе достаточно распространено указание на ведомственный подход, основу которого составляют групповые экономические интересы при получении ими преобладающего значения по отношению к государственным (общенародным) интересам. Причина определенной обособленности групповых и личных интересов в их отношении к интересам государства и общества кроется в сохраняющемся старом разделении труда в сочетании с товарно-денежными отношениями в экономике социализма. Именно сочетание этих объективных условий с социально-политической и моральной неразвитостью субъекта и ведет к противопоставлению интересов отдельных групп населения, коллективов трудящихся, с одной стороны, и интересов общества, с другой. В ряде случаев может создаться ситуация, при которой тот или иной субъект пытается представить свой узко-специфический интерес в качестве всеобщего и навязать его государству и обществу. Именно это и произошло при разработке проекта «переброса». Следовательно, в той мере, в какой личность или группа людей идут на сознательную подмену общественных целей и интересов своим групповым, ведомственным, можно говорить о мере моральной безответственности.

Следует отметить, что моральная ответственность теснейшим образом связана с правовой ответственностью. Право и мораль взаимно дополняют друг друга, выступая как важные инструменты регулирования деятельности субъекта, формирования у него социально ответственного отношения к природе. В то же время необходимость их разведения диктуется реальными границами проявления морали и права в практике природопользования. В литературе последнего времени специфика правовой ответственности усматривалась в том, что она наступает лишь в связи с нарушением субъектом норм, регулирующих его поведение и деятельность. Социальная ответственность, включая ее правовую и моральную формы проявления, предполагает наличие не только функции ретроспективной, но и позитивной (актуальной) связи¹⁸. Действительная граница между двумя этими формами заключается в том, что правовая ответственность строго регламентирована нормами, закрепленными в текущем законодательстве. Последние не могут быть выше, чем экономический уровень и обусловленное им культурное развитие общества¹⁹.

Мораль более гибка и универсальна. Уже в силу этого моральная ответственность охватывает практически все сферы деятель-

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 307.

¹⁸ См.: Лукашева Е. А. Право, мораль, личность. М., 1986, С. 107; Ореховский А. И. Методологический анализ проблемы ответственности//Филос. науки. 1983. № 1. С. 17—18.

¹⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 19.

ности, имеющие социально значимый характер. Вопрос о границах правовой и моральной ответственности имеет сегодня, в условиях перестройки, практический выход на проблемы природопользования. Так, в беседе с писателем Валентином Распутиным министр лесной и бумажной промышленности СССР В. Г. Бусыгин утверждал, что за последние 12 лет существования Байкальского целлюлозно-бумажного комбината ПДК (предельно допустимые концентрации) промвыбросов менялись шесть раз²⁰. Логично было бы предположить, что совершенствование ПДК шло все эти годы лишь в сторону их ужесточения. Но вот что пишет, возвращаясь к этой беседе, сам В. Распутин: «Я не знал и принял за чистую монету, но министр не мог не знать, что менялись они (ПДК. — А. М.) далеко не всегда к благу Байкала, приспособляясь к очистным возможностям комбината»²¹. Правовые природоохранные нормы, хотя и довольно своеобразным способом, нарушены не были, но можно ли то же самое утверждать по отношению к нормам морали?

В описанной выше ситуации наибольшую опасность представляет не позиция откровенных противников охраны природы, — такая позиция сегодня небезопасна, поскольку публично осуждена как широкой общественностью, в печати, так и в решениях партийных и государственных органов. Определенное распространение получила позиция нейтралитета, представители которой стремятся уйти от ответственности за то или иное решение. Именно эту позицию подверг критике Валентин Распутин в ходе открытой полемики с министром, когда последний собственную бездеятельность в отношении проблемы Байкала пытался оправдать ссылками на то, что он-де простой исполнитель чужой воли. Однако сегодня, когда XXVII съезд КПСС поставил проблему повышения ответственности каждого за порученное ему дело, такая бездеятельность не менее безнравственна, чем прямое оправдание действий, наносящих ущерб природе.

Проблему морального нейтралитета, оправдывающего бездеятельность тех, от кого зависит принятие решения, не следует смешивать с ситуацией, при которой те или иные люди вынуждены выполнять не зависящие от них решения. «В действительности личность отвечает за свои действия в меру свободы морального выбора, — отмечает В. И. Бакштановский, — то есть за то, что она объективно могла (соответственно обстоятельствам ситуации) и субъективно должна (в соответствии с нравственной необходимостью) была выбрать и реализовать в действии»²². Десятки тысяч людей, вовлеченных в осуществление проекта по перебросу части стока северных рек, конечно, не могут и не должны нести за него моральную ответственность. Ответственность за проект должна

²⁰ См.: Распутин В. Байкал у нас один//Известия. 1986. 17 февр.

²¹ Распутин В. Что имеем...//Правда. 1987. 11 марта.

²² Бакштановский В. И. Моральный выбор личности: альтернативы и решения. М., 1983. С. 74.

быть полностью возложена на руководителей Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР и тех, кто недозволенными средствами обосновывал его необходимость. Одновременно со все большей силой проявляет себя и иная тенденция: осознание рядовыми работниками того, что их деятельность носит экологически и социально негативный характер, порождает у них сложные нравственные коллизии, стыд за свой труд²³.

В процессе развития и совершенствования социалистического общества происходит существенная перестройка структуры самой моральной ответственности. По мере того как люди будут становиться хозяевами своего собственного положения, все большее значение будет получать позитивная функция ответственности, понимаемая как осознание и выполнение личностью своего долга перед окружающими людьми и своей совестью. Свобода выбора и, соответственно, возложение на себя ответственности за то или иное решение, действие могут диктоваться как внешними обстоятельствами, так и внутренними установками, убеждениями личности. В данном случае мы сталкиваемся с переходом внешнего (необходимости) во внутреннее (свободу). Гегель писал по этому поводу: «Свобода существенно конкретна, вечным образом определена в себе и, следовательно, вместе с тем необходима. Когда говорят о необходимости, то обыкновенно понимают под этим детерминацию извне... Это, однако, лишь внешняя, а не подлинно внутренняя необходимость, ибо последняя есть свобода»²⁴.

Позитивная ответственность характеризуется наличием двух уровней. На «нижнем» свобода выступает как осознание внешней необходимости, то есть сознательное подчинение ей и выполнение общепринятых норм поведения. На более высоком уровне моральные нормы и требования, утрачивая свой внешний по отношению к личности характер, становятся внутренними побудительными мотивами ее деятельности. Очевидно, что сегодня как в научной, так и в публицистической литературе речь идет преимущественно о «нижнем» уровне, то есть о необходимости приведения практики природопользования в соответствие с нормами социалистической морали. Представляется в этой связи необходимым активизировать всестороннюю разработку с марксистских позиций норм экологической этики применительно к условиям развития социалистического общества.

Реализация поставленной XXVII съездом КПСС задачи по ускорению социально-экономического развития советского общества в решающей степени опирается на подъем социальной активности граждан, возрастающую роль человеческого фактора. «Про-

²³ Вот к каким выводам пришел рабочий Байкальского целлюлозно-бумажного комбината в своем письме к Валентину Распутину: «Вроде, мы работаем, получаем за свой труд деньги, зарабатываем награды, пенсии, а в конечном итоге вся наша энергия, весь наш труд направлены на то, чтобы губить Байкал. Такой труд не может приносить удовлетворения» (Распутин В. Что имеем...).

²⁴ Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 143.

движение вперед, — отметил М. С. Горбачев в своем выступлении на съезде, — станет тем быстрее, чем выше будут дисциплина и организованность, ответственность каждого за порученную работу, за ее результаты»²⁵. Повышение моральной ответственности личности за судьбу родной природы предполагает осуществление системы технологических, экономических и организационно-правовых мер, а также совершенствование всей идейно-воспитательной работы, формирования экологической культуры у каждого советского человека.

Л. М. ТЮЛЯЕВА
Уральский университет

Формирование нравственных потребностей личности как средство совершенствования нравственных отношений социализма

Современный этап развития общества отличается переплетением многообразных тенденций в нравственной жизни людей, включающей в себя ценности социалистической морали, зачатки коммунистической нравственности, регрессивные и туниковые отклонения в нравах, пережиточные формы морали предшествующих стадий общественного развития. Такое положение вполне закономерно, ибо развитие социалистической морали осуществляется через спектр разнообразных изменений в нравственности, происходящих под воздействием противоречий в сфере общественного бытия и общественного сознания. Более того, ее упрочение происходит посредством борьбы с противоположными принципами и нормами. Однако к настоящему времени в обществе «образовался своего рода механизм торможения социально-экономического развития, сдерживания прогрессивных преобразований, позволяющих раскрывать и использовать преимущества социализма»¹. Одновременно с этим накапливались и укреплялись негативные нравственные процессы, диапазон которых чрезвычайно широк: от воинствующей индивидуалистической и эгоистической морали до нравственного конформизма, стандартов «двойной морали», социально-нравственной мимикрии и имитации. Чуждые социалистическому обществу нравы явились не только результатом функциони-

²⁵ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 24.

¹ Горбачев М. С. О перестройке и кадровой политике партии: Доклад на Пленуме ЦК КПСС, 27 января 1987//Правда. 1987. 28 янв.

рования сложившейся системы ослабления и торможения, но выступали источником активного нарастания кризисных явлений общественного развития. Отсутствие своевременных и эффективных мер по их преодолению привело к определенному «перекосу» нравственной жизни общества — социалистическая мораль оказалась под угрозой исключения из системы детерминант общественного развития. Так, например, функционирование хозяйственного механизма все в большей степени связывалось с распространением ее извращенных форм, основанных либо на формальном единстве интересов общества и составляющих его социальных субъектов, либо на их взаимном обособлении.

Развернувшиеся в обществе преобразования затрагивают и область нравственности. Опорными элементами «нравственной перестройки» являются ценности социалистической и коммунистической морали. При всей важности комплекса мер по их практическому восстановлению и развитию в общественной жизни, существенное значение имеет теоретическое обоснование происходящих изменений, уточнение стратегических целей и задач нравственного воспитания. Без выверенных ориентиров нравственного развития социалистического общества мораль обречена на внутреннюю девальвацию и конъюнктурные колебания.

Центральной проблемой прогресса социалистической морали является развертывание ее сущностных характеристик как способа регуляции и духовно-практического освоения мира. Ведущей закономерностью совершенствования морали как социального регулятора является перемещение центра морального регулирования на саму личность, увеличение удельного веса внутренних регуляторов поведения, роли и значения моральной мотивации в сознании личности. Практическая насущность исследования этой закономерности все более возрастает в настоящее время, так как нас уже не могут удовлетворять соблюдение человеком нравственных норм и правил из-за нежелания вступать в конфликт, боязни наказания, стремления получить материальное вознаграждение, поощрение и т. д. Мораль не исключает и не запрещает материальную и духовную заинтересованность индивида в совершении нравственного поступка, более того, она предполагает наличие этой заинтересованности. Но «общественное назначение морали отнюдь не ограничивается установлением «норм-рамок», накладывающих ограничение на «своеволие» личности (мораль торможения!), оно состоит в том, что мораль является формой общественного самутверждения личности, утверждения социального в индивидуальном»². И высокий уровень ее развития означает нравственную жизнь человека не по долгу и не по обязанности, а как «органическую необходимость» нравственных проявлений в соответствии с внутренними убеждениями. Этот уровень связан с «превраще-

² Щербак Ф. Н. Мораль как духовно-практическое отношение. Методологический аспект. Л., 1986. С. 12.

нием личности в субъект управления собственным поведением, воспринимающим свою деятельность не только как результат осознания нравственной необходимости, но и как собственную внутреннюю потребность»³, нравственную потребность.

В системе моральной регуляции общественной и личной жизнедеятельности, специфика которой заключается в сознательном, добровольном и бескорыстном следовании нравственным требованиям, нравственные потребности предстают как потребности саморегуляции человека на основе глубоко усвоенных, интериоризованных общественных моральных ценностей, приобретающих для него личностный смысл и пронизывающих весь внутренний мир. Однако нравственные потребности возникают не потому, что в человеке изначально заложен закон любви к ближнему и готовность служить высоким целям. Нравственность системой своих ценностей создает возможность для безграничного развития сущностных сил человека. Являясь специфическим способом присвоения человеком своей сущности путем утверждения социального в индивидуальном, мораль создает возможность удовлетворения базовых социальных потребностей человека — потребностей самоопределения, самоутверждения, самореализации. Именно из этих стремлений социализирующегося индивида и вырастают собственно нравственные потребности в самоопределении и самоутверждении особым, нравственным образом, одобряемым обществом, в котором живет человек.

Нравственные потребности — специфический вид социальных потребностей, имеющий общую природу потребностей и представляющий ее особенное проявление. Наиболее верным, на наш взгляд, является рассмотрение сущности потребности через противоречие. Потребность, в широком смысле слова, — это свойство самоорганизующихся материальных систем, существование которых обусловлено постоянным обменом с внешней средой. Потребность характеризуется как чувствуемое противоречие в самой системе, как отражение и выражение противоречия между объективно необходимыми условиями существования и реальными, в которых она пребывает⁴.

Нельзя не согласиться с утверждением Н. К. Эйнгорн о том, что потребность **отражает** противоречие необходимого и реального в системе, но **выражает** уже не само противоречие, а стремление системы избавиться от этого дискомфорта, дисгармонии, разрешить возникшее противоречие. В этом и состоит активная побудительная сила любой потребности, ибо это — стремление к разрешению противоречия, движение к равновесному устойчивому состоянию. Вследствие этого потребность и обладает той активной

³ Архангельский Л. М. Социально-этические проблемы теории личности. М., 1974. С. 190.

⁴ См. работы Шингарова Г. Х., Маргулиса А. В., Владимировой И. В. и др.

энергией, которая позволяет именовать ее «побудительной силой побудительных сил».

Далее справедливо подчеркивается, что «в нравственной потребности отражается реальное противоречие между широким кругом возможных вариантов деятельности, поведения личности и вариантов, соответствующих требованиям нравственной необходимости. **Нравственная потребность** — это состояние личности, выражающее стремление действовать в соответствии с требованиями нравственной необходимости»⁵, приобретающими для нее личностный смысл. Под нравственной необходимостью в данном случае понимается детерминация единства интересов и действий социальных субъектов в целях сохранения и развития общественного целого как неперемennого условия жизнедеятельности людей и обеспечения их блага. Специфика нравственной необходимости заключается в том, что она «выражается через систему нравственных требований и моральных ценностей, через конкретно-исторические условия, характеризующиеся типом взаимосвязи общественности...»⁶.

Нравственные потребности не являются единственной побудительной силой нравственного поведения. Современный уровень этических исследований позволяет рассматривать совокупность побуждений нравственного поведения как многоуровневую, иерархически организованную, динамическую систему элементов, выполняющих функции побуждения, направления, регуляции, контроля и т. д. Нравственные потребности, сформировавшись, являются исходными «побудительными силами побудительных сил» человека, приводящими в движение весь механизм его нравственной активности. Они интегрируют все основные нравственные качества и свойства личности и представляют их наивысшее выражение, когда стремление быть нравственным пронизывает и определяет все жизненные проявления человека.

Соответствуя общей природе потребности, нравственная потребность выражает и специфические черты морали: всеобъемлемость, универсальность, сознательность, добровольность и бескорыстие. Так, например, если такое нравственное качество, как доброта, в своем развитии возвышается до уровня потребности быть добрым, то это активное побуждение «быть добрым» проявляется во всех сферах и формах жизнедеятельности личности, при обстоятельствах, не приносящих какой-либо личной выгоды, проявляется универсально. Уникальность нравственных потребностей заключается также в том, что побудительной силой в ней выступают «не сугубо внутренние интенции и влечения, а общественная сущность

⁵ Эйнгорн Н. К. Нравственная потребность — основа целостной жизненной позиции: Тез. докл. науч.-практ. конф. «XXV съезд КПСС и задачи нравственного воспитания по формированию АЖП личности». Тюмень, 1978. С. 88.

⁶ Эйнгорн Н. К. Специфика морали, ее отражение в основных свойствах нравственного воспитания // Специфика морали и нравственного воспитания личности. Свердловск, 1983. С. 6.

человека. Объективная социально-историческая необходимость в упорядочении и гармонизации общественных отношений, в нравственном освоении и преобразовании действительности, преломляясь через диалектику должного и сущего, общественного и личного во внутреннем мире человека, обретает конкретную личностную форму ряда нравственных потребностей»⁷.

Нравственные потребности не даны человеку от природы. Их возникновение — сложный исторический процесс, затрагивающий закономерности развития социальной сущности человека, фундаментальные условия его существования. Нравственные потребности характеризуют такую степень интериоризации моральных ценностей, которая затрагивает психофизиологическую природу человека, и по силе своего воздействия приближаются к первичным человеческим потребностям. Однако содержание их надфизиологично. Оно показывает, «в какой мере человеческая сущность стала для него **естественной** сущностью, в какой мере **человеческая природа** стала для него **природой**»⁸.

В конкретном своем выражении нравственные потребности личности представляют собой постоянную готовность поступать в соответствии с моральными ценностями и нравственными требованиями: элементарными правилами, нормами, принципами, идеалами. Они определяют положительную направленность личности и существуют как такая возможность нравственного поступка, которая с необходимостью реализуется в деятельности, наполняя все другие виды потребностей нравственным содержанием. Интегрируя все компоненты нравственной структуры личности, нравственные потребности гарантируют надежное единство морального сознания и нравственной деятельности, определяют непротиворечивость нравственной позиции личности, ее нравственную целостность и устойчивость.

Сформированная нравственная потребность детерминирует наиболее важные социальные качества человека, так как она выражает его общую направленность на соблюдение приоритета общественного над личным. Устойчивая система нравственных потребностей личности обеспечивает нравственную жизнь не по принуждению, она превращает ее в творческое развертывание сущностных сил человека.

Формирование нравственных потребностей личности не представляет особого процесса, отдельного от ее нравственного развития. Практически становление и развитие нравственных потребностей охватывает весь процесс нравственного развития личности, взятого в наиболее существенных его чертах, а именно как поэтапное присвоение индивидом необходимых нравственных условий своего социального существования и развития.

⁷ Бачинин В. А. Основные нравственные потребности социалистической личности//Коммунистическое воспитание—важнейший фактор формирования и возвышения социальных потребностей человека. М., 1985. С. 29.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 587.

Процесс нравственного развития личности, взятый под углом зрения формирования ее нравственных потребностей, можно представить как трансформацию первоначально внешних, общественно-необходимых нравственных условий ее жизнедеятельности во внутреннюю необходимость быть нравственным в соответствии с личными моральными ценностями, убеждениями и принципами. При таком подходе мы отвлекаемся от некоторых черт процесса нравственного развития, концентрируя внимание на его основных закономерностях и ориентируясь на нравственные потребности как на высшую цель нравственного воспитания личности социалистического общества.

Начальный этап этой трансформации можно обозначить как **познание** общественной нравственной необходимости, выраженной в системе конкретно-исторических моральных ценностей. Познание нравственного опыта человечества, начинаясь с первых моментов осознанной жизни индивида, может происходить стихийно, через объективный ход событий или организованно — в процессе нравственного воспитания. Уровни этого познания различны: это и осведомленность о моральных ценностях и нравственных требованиях общества, их поверхностное усвоение, частичное представление, и, наконец, всестороннее, полное знание нравственных норм и принципов. Познание нравственных условий собственного развития может происходить преимущественно в чувственно-эмоциональной, рациональной или интуитивной форме и быть верным или неверным, искаженным, приблизительным или точным. Этап познания нравственных требований и моральных ценностей общества, членом которого является личность, имеет собственные закономерности, противоречия своего развертывания, но выделять его в качестве основного и самостоятельного этапа нравственного воспитания не следует⁹. На данном этапе лишь закладываются основы, формируются условия нравственного развития личности. Специфика этапа познания заключается также в том, что он протекает в период интенсивного психического и физического развития индивида, влияющего на формирование нравственных качеств и свойств личности. Различные типы темперамента человека, отклонения в ту или иную сторону психо-физических функций, возрастные закономерности психического и физического развития являются существенными факторами, оказывающими влияние на темпы, характер и направление нравственного развития личности на данном этапе. Учитывать эти особенности и активно использовать в нравственном воспитании необходимо.

Следующий этап — **принятие** общественных моральных ценностей в качестве внутренней основы нравственной активности личности, в качестве внутренне необходимых условий своего нравст-

⁹ Длительное время основой нравственного воспитания являлось так называемое «нравственное просветительство». Конечной целью данной концепции считалось максимальное снабжение индивида нравственной информацией, преимущественно рациональной.

венного существования. Сложность, противоречивость и неоднозначность этого этапа позволяют разделить его на несколько стадий — стадию освоения и стадию присвоения моральных ценностей и нравственных требований.

Стадию освоения можно представить как «переработку», «пропускание» моральных ценностей общества, о которых личность уже имеет представление, через ее внутренний ценностно-смысловой мир. Общественные моральные ценности и требования получают как бы дополнительное личностное «измерение», двигаясь от формы значений к форме личностных смыслов индивида. Механизмами освоения нравственной необходимости служат психологические механизмы идентификации, генерализации, смыслообразования и т. д. Функционирование их ведет к образованию внутренней системы моральных ценностей личности, к формированию устойчивых нравственных качеств и свойств. Основная «нагрузка» в этот период приходится на интенсивную работу сознания личности, происходит напряженный поиск собственного нравственного «видения» жизни. И хотя непременным условием разворачивания этого процесса является включение личности в конкретные нравственные отношения, возможна ситуация «отрыва» сознания от его практического воплощения, когда внутренние моральные ценности могут и не стать основой нравственного поступка личности, а благие намерения так и остаться неосуществленными.

Заключительная стадия — **присвоение** общественных моральных ценностей и требований в качестве собственных побудительных сил нравственного поведения личности. Эта стадия характеризуется оформлением нравственной потребности как исходного интегрального элемента индивидуального морального сознания, пронизывающего все сферы и уровни. В результате сложившихся на предыдущих стадиях представлений личности о нравственном, должном, она способна воспринимать реальные условия ее жизнедеятельности в противоречии с собственными моральными ценностями. Формой отражения этого процесса и является нравственная потребность как стремление личности «снять» внутреннюю «разорванность», разрешить нравственный конфликт путем совершения нравственного поступка, деятельного утверждения своих нравственных принципов. Нравственная потребность пронизывает все элементы нравственно-психологической структуры личности. Стремление практически проявлять свои нравственные качества и свойства (и только таким образом сохранить себя как нравственную личность в ее целостности и определенности) находит полное свое выражение относительно конкретной ситуации в целой системе опосредований: целей, установок, мотивов поступка. Это означает, что личность не только стремится поступать нравственно, но и обладает необходимыми для этого нравственными качествами и свойствами.

Важное значение на данном этапе имеет последовательное прохождение в практической воспитательной работе основных

этапов «восхождения» к нравственным потребностям: от элементарных нравственных эмоций и чувств к высшим нравственным чувствам, к проявлениям их не только в благих намерениях, но и в реальных нравственных качествах личности, далее — в ее нравственных привычках, закрепленных в практике добрых дел, в устойчивой системе нравственной деятельности и поведения личности, надежно выражающихся в активной нравственной и жизненной позиции в целом. Необходимо также учитывать специфику взаимодействия нравственных потребностей с другими видами потребностей: экономическими, политическими, правовыми, эстетическими и др. Нравственные потребности могут занимать различное место в системе потребностей личности, что и обуславливает насущность, напряженность, остроту ее выражения. Свою активную побудительную силу нравственная потребность будет проявлять при условии, если она занимает верхние, мировоззренческие «этажи» потребностно-мотивационной сферы личности. Следовательно, одной из важнейших задач нравственного воспитания является усвоение нравственности как незаменимого способа присвоения человеком собственной сущности, его самоопределения и самоутверждения в мире.

Характеризуя данные этапы трансформации общественной нравственной необходимости в личную, следует помнить, что их выделение абстрактно, приблизительно, схематично, и, как всякая абстракция, неизбежно упрощает действительный процесс становления и развития нравственных потребностей. В реальном процессе нравственного развития личности отношения между этими этапами сложны и противоречивы: они могут быть неразделимы, переходить друг в друга, и выделять их в качестве самостоятельно и отдельно существующих можно лишь с известной долей условности. Но они могут и не следовать друг за другом, а находиться в отношении противоречия. Так, например, стадии познания и освоения могут содержательно и по форме совпадать — в данном случае личность точно воспроизводит во внутреннем мире познанные моральные ценности, доля личного творчества, «привнесения» своего содержания и смысла моральным ценностям общества минимальна и относится преимущественно к формальной стороне процесса. В другом случае эти стадии могут гармонически дополнять друг друга: нравственная «информация» развивается, обогащается, раскрывается в содержании внутренних моральных ценностей. И, наконец, освоение нравственной необходимости может искажать, неадекватно воспроизводить познанную нравственную необходимость. Знания о моральных ценностях и нравственных требованиях общества идентифицируются с противоположными ценностями личности, присвоенный смысл знаний противоречит, отрицает их общественное значение.

Стадии освоения и присвоения также находятся в противоречивом отношении: внутренние моральные ценности личности могут и не стать побудителем ее нравственной активности, так и остаться

ся нереализованными способностями. В другом случае верные в своей основе моральные ценности могут стать исходным звеном для формирования искаженных нравственных целей, безнравственных мотивов, социально непримлемых нравственных установок и т. д.

Проблема нравственных потребностей чрезвычайно сложна и многоаспектна. Мы затронули лишь часть вопросов, связанных с сущностью, спецификой, закономерностями формирования нравственных потребностей. Однако и предпринятый анализ этой проблемы позволяет сделать вывод о том, что совершенствование нравственных отношений социалистического общества связано с воспитанием нравственных потребностей человека. Дальнейшее изучение закономерностей и механизмов формирования нравственных потребностей требует объединения усилий этиков, социологов, психологов, педагогов.

Т. Н. ШИХАРДИНА

Курганский сельскохозяйственный институт

Теории нравственного воспитания в современной буржуазной этике как одно из средств консервации социальных отношений капиталистического общества

Ориентация воспитательной политики капиталистического общества, направленная на то, «чтобы натаскать для буржуазии покорных и расторопных слуг»¹, обнаруживает стойкую историческую преемственность, время модифицирует лишь способы и возможности достижения этой цели. В буржуазной этике 70-х годов обращает на себя внимание прагматизация всех обсуждаемых вопросов, стремление подчинить теорию морали поиску эффективных средств перевода требований капиталистических производственных отношений в нормы поведения личности, ее моральные качества.

Состоявшаяся в Филадельфии в 1976 году Национальная конференция по нравственному воспитанию выделила четыре основных подхода к пониманию развития морального сознания личности: когнитивный, познавательный-ценностный, просоциальный и ценностный², демонстрируя разнообразие школ как доказательство демократичности своей науки. Однако истоки этого прежде всего в отсутствии междисциплинарного подхода к нравственному становлению личности, вызванному отсутствием подлинно научной

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 431.

² Кникер Ч. Вы и ценностное воспитание. Огайо, 1977. С. 35. На англ. яз.

философской теории. С другой стороны, за калейдоскопом концепций легче скрыть то классовое сознание и те социальные отношения, которые составляют их общий фундамент.

Марксистская методология социального знания требует при анализе любой теоретической концепции определить, интересы каких классов она защищает, какие направления политики обосновывает и какие социальные отношения стимулируют ее развитие. В. И. Ленин писал, что при критике взглядов буржуазных идеологов нельзя ограничиваться «сопоставлением их с марксистскими идеями. Необходимо... показать их **материальное** основание в современных наших общественно-экономических отношениях»³. Как же отвечают на потребности социальной ситуации и идеологический заказ государственно-монополистического капитализма теории нравственного воспитания буржуазной этики?

Первым на конференции в Филадельфии было названо когнитивное направление. Его представители, среди которых — английские ученые Р. Петерс и Дж. Вильсон, сторонники приложения позитивистской методологии к теории нравственного воспитания. Исходной для них является мысль о формировании у личности «рационального подхода к морали» (Вильсон) или «рационального кодекса морали» (Петерс), принципов высшего, чем моральные нормы, порядка. Принципы эти весьма формальны, но они обеспечивают «достаточно общий критерий определения уместности, правомерности как отдельных правил, так и исключений из них в определенных случаях»⁴. Задача нравственного воспитания состоит в обучении процедурам моральных решений, гарантирующим становление рационального, внутри управляемого типа личности «автономного характера»⁵.

Исходя из выбранного им критерия нравственной зрелости, Петерс выделяет следующие стадии морального развития личности: **эгоцентрическая** (ребенок в отношениях со старшими стремится заслужить одобрение и избежать наказания), **следование правилам** (поведение определяется правилами, принятыми в группе, к которой принадлежит индивид) и **достижение автономии**. Говоря об идеале демократического человека, Петерс расценивает буржуазную демократию как образец общественного устройства, полагают, что высшая ступень зрелости легче достигается представителями средних классов и менее доступна для рабочих. Прибегая к прямой фальсификации идей А. С. Макаренко, он утверждает, что в СССР нравственное воспитание сориентировано только на вторую стадию моральной зрелости, то есть сама схема морального развития подчинена попытке доказать превосходство буржуазного типа морального сознания и деятельности.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 238.

⁴ Петерс Р. Психология и этическое развитие. Лондон, 1974, С. 253. На англ. яз.

⁵ См.: Он же. Нравственное воспитание и психология характера//Психология. 1972. Янв. Т. 37. На англ. яз.

Дж. Вильсон предпочитает говорить о воспитании в духе общечеловеческой рациональной морали. Для него главное в нравственном воспитании сформировать определенные морально-логические компоненты, в состав которых входят способности, взгляды, умения, необходимые для рационального поведения в сфере моральных отношений. Главный атрибут нравственно зрелой личности Вильсон видит в согласовании собственных интересов с интересами окружающих, в способности действовать в соответствии с моральными принципами. «Концепция моральной личности, — пишет Вильсон, — требует, чтобы мы интересовались установками личности, или состоянием ума, из которых вытекают ее доводы и мотивы, а следовательно, ее поведение»⁶.

Попытка выделить в качестве критерия нравственной зрелости направленность личности несомненно заслуживает одобрения, однако провозглашение данного принципа в условиях классово-антагонистических социальных отношений сводит мораль до уровня отношений межличностных. Более того, в основе выделяемых Вильсоном морально-логических компонентов в конечном счете лежит стремление рационально обосновать нормы буржуазной морали. Сотрудничество, например, понимается им как умение подчиняться вышестоящим и подчинять нижестоящих. Инициативность отождествляется с деловой хваткой бизнесмена, умеющего создать свое благополучие за счет других. Ответственность трактуется как зависимость одного человека от другого, а не как сознательное выполнение долга. Ценность моральных суждений для Вильсона не связана ни с реализацией их в конкретной ситуации, ни с содержанием поступков, Вильсон прямо говорит, что мораль — лишь форма мышления, и потому следует избегать таких понятий, как идеал, вера, кредо⁷, поскольку их нельзя верифицировать.

Характерная черта концепции Вильсона — постоянное подчеркивание нейтральности своей позиции. Он настоятельно рекомендует не увлекаться в процессе воспитания общественно-политическими вопросами, желая отгородить учителей и учащихся от обсуждения серьезных социальных проблем. Рациональный подход к морали есть не что иное, как попытка рационального обоснования морали буржуазного общества. Утопичность цели порождает и утопичность средств ее достижения: Вильсон и Петерс полагают, что решить задачи нравственного воспитания можно путем преподавания морали, нужны только хорошие учебники. «Выступая, казалось бы, за более широкую базу воспитания, — пишет К. А. Шварцман, — Вильсон на деле не идет дальше тех же умозрительных средств воспитания, против которых он выступает»⁸. И в этом

⁶ Вильсон Дж., Вильямс Н., Шугармэн Б. Введение в нравственное воспитание. Лондон, 1967. С. 35. На англ. яз.

⁷ См.: Прогресс и проблемы в нравственном воспитании/Рсд. Тейлор Б. Виндзор, 1975. С. 38. На англ. яз.

⁸ Шварцман К. А. Буржуазные концепции нравственного воспитания: цели и средства. М., 1982. С. 57.

обнаруживается порочность классовых и методологических позиций сторонников «рациональной морали».

Крупнейшим представителем познавательного-ценностного подхода к вопросам нравственного развития личности является американский психолог Л. Кольберг. Он также признает определенную последовательность в моральном развитии индивида, сводя ее к трем уровням, каждый из которых имеет две стадии. Стадии эти являются естественными этапами в нравственном развитии, но индивид может остановиться на любой из них, поэтому «цель нравственного воспитания — стимулировать каждый очередной шаг»⁹. Первый уровень — **доконвенциональный** (ребенок понятия «хорошо» и «плохо» интерпретирует в терминах приятных или неприятных для него последствий поступков); второй — **конвенциональный** (поведение подчиняется установленному порядку и ожиданию окружающих); третий — **автономный** уровень морального сознания (индивид избегает насилия над желаниями и правами окружающих, руководствуясь высшим моральным принципом — справедливостью)¹⁰.

Справедливость для Кольберга — универсальный этический принцип, «морально зрелый человек руководствуется им больше, чем совокупностью правил, ибо существует не множество добродетелей, а одна»¹¹. Высшим воплощением справедливости Кольберг считает Конституцию США. Идеал воспитания для него — лояльный гражданин капиталистического общества. Задачи воспитания для него — лояльный гражданин капиталистического общества. Задачи воспитания Кольберг связывает с социальными потребностями этого общества. Цель его отнюдь не в констатации морального кризиса, а в поиске средств формирования «новой» буржуазной морали. Вместе с тем Кольберг в силу своего позитивистского мировоззрения сужает социальные функции морали. «Термин мораль относится, — пишет он, — к моральным суждениям или решениям, которые основаны на суждениях, а не к поведению, его следствию или эффекту»¹². Понятно, что нравственное воспитание в таком случае больше касается моральных ценностей, лежащих в основе поведения, чем самого поведения.

Фундаментальной для концепции Кольберга является идея связи социальных и нравственно-психологических факторов. Так, моральные принципы он понимает как результат связи среды и познавательных способностей, считает, что они служат для установления гармонии и справедливости в социальной системе и лично-

⁹ Кольберг Л., Тьюриэл Е. Нравственное развитие и нравственное воспитание. Психология и практика воспитания. Иллинойс, 1971. С. 416. На англ. яз.

¹⁰ См: Нравственное воспитание. Пять лекций. Лондон, 1970. С. 71—72. На англ. яз.

¹¹ Там же. С. 69.

¹² Кольберг Л. Стадии нравственного развития как базис для нравственного воспитания // Моральное развитие, нравственное воспитание и Кольберг / Ред. Б. Минсей, Бирмингем, 1980. С. 53. На англ. яз.

сти: «Если вы хотите развить нравственность или чувство справедливости в детях, вы должны создать справедливую школу и справедливое социальное окружение»¹³. Сами стадии морального развития Кольберг характеризует как познавательно-структурные изменения в представлениях «я — общество». По мере роста человеческого организма меняется взаимосвязь его познавательных способностей и социального опыта, поэтому развитие когнитивной структуры есть результат взаимодействия между «структурой организма и структурой среды больше, чем прямой результат его созревания или прямой результат обучения»¹⁴.

Вместе с тем заявления Кольберга о социальном опыте личности как условии ее морального развития расходятся с признанием неизменных моральных принципов. Из анализа Кольберга выпадает оценка личностью своего социального опыта. Создается впечатление, что личность, хотя и обладает развитой познавательной структурой, автоматически реагирует на требования социальной среды. Возможность гуманных отношений между личностью и обществом определяется тем, насколько личность расположена установить такие отношения. Провозгласив тезис о взаимосвязи индивидуальных и социальных факторов в процессе нравственного воспитания, Кольберг не учитывает диалектики индивидуального и общественного сознания, поэтому недостатки социальной системы он относит на счет отдельных индивидов, не сумевших достичь более высоких этапов умственного и морального развития. Тем самым с буржуазного общества снимается всякая ответственность за нравы, которые оно порождает.

Идейно-теоретическая близость Кольберга и школы Вильсона обнаруживается не только в том, что критерии нравственной зрелости они усматривают в развитии более рациональной системы моральных суждений, но и в их неодобрительном отношении к практике «промывания мозгов», навязываемой различными теориями манипулирования поведением личности. Именно эту тенденцию воплощает просоциальное направление буржуазной этики, разрабатывающее методы и приемы адаптации личности к социальным (в том числе и моральным) нормам. Один из его активных сторонников американский этик Дж. Ф. Скотт видит свою задачу в том, чтобы соединить «оперантный бихевиоризм» Скиннера с современными формами социологической теории.

Американский психолог Б. Скиннер — лидер необихевиоризма, автор «технологии поведения» — теории, носящей откровенно охранительный характер. «Хорошо сформированная цивилизация, — утверждает он, — это совокупность факторов подкрепления, при которых члены этой цивилизации ведут себя таким образом, чтобы

¹³ Цит. по: Сильверг М. Ценностное воспитание. Вашингтон, 1976. С. 97. На англ. яз.

¹⁴ Кольберг Л. Подход к социализации через стадии и последовательное когнитивное развитие. Справочник по социализации: теория и исследования/Ред. Д. Гослин. Чикаго, 1969. С. 347. На англ. яз.

ее поддержать, дать ей возможность преодолеть любые неожиданности»¹⁵. Показателем морального развития является для Скиннера автоматизм реакции на требования социальной среды, вырабатываемый на основе подкреплений. Эти идеи «психологии подкрепления» Дж. Скотт полностью разделяет.

В качестве социологического основания Дж. Скотт предполагает использовать символический интеракционизм, поскольку «взаимодействие может быть рассмотрено как особый случай подкрепления»¹⁶. Общество при этом понимается как сетка нормативных отношений, а социальные роли как соглашения членов группы по поводу поведения. С позиций своего «социального бихевиоризма» Дж. Скотт рассматривает моральное развитие личности: «Континуум морального обучения может быть представлен как простирающийся между двумя полюсами: полное обдумывание и полное заучивание»¹⁷.

Вслед за Кольбергом Скотт связывает развитие познавательных способностей и уровень моральной зрелости. Критерием зрелости для него выступает единство поступка и его моральной (чаще ретроспективной) оценки. Индивид в своем нравственном развитии проходит пять стадий: **довербальная** (отчета о поступке еще нет); **детство** (оценка дается легко, но степень ее адекватности низка, она сориентирована на одобрение окружающих); **подростковый возраст** (самый важный этап в нравственном развитии, когда идет предвосхищающая социализация); **ранний взрослый возраст** (типичный статус — студент, моральное развитие носит переходный, двойственный характер); **зрелость** — индивид отказывается от некоторых своих ранних моральных суждений и более осознанно принимает нормы социального окружения. Скотт считает, что в нравственном развитии происходит движение от детского реализма к юношескому идеализму и от него к реализму взрослого человека¹⁸. Моральные требования, которыми руководствуется личность, становятся более устойчивыми, потому что параллельно происходит снижение в уровне изменений социальных статусов и позиций.

Поскольку Скотт считает, что нравственное развитие есть функция от подкреплений, то ему приходится ответить на вопрос: что такое подкрепление? «Прежде всего, — пишет он, — это нормы, которые мы определяем как образцы санкций. А санкции есть взаимодействия»¹⁹. Так пытается Скотт сомкнуть в единую цепь скиннеровскую идею подкреплений и ролевую теорию личности, исполь-

¹⁵ Цит. по: Моральные проблемы современного общества. Нью-Джерси, 1969. С. 108. На англ. яз.

¹⁶ **Скотт Дж.** Интернализация норм: социологическая теория моральных обязательств. Нью-Йорк, 1971. С. 106—107. На англ. яз.

¹⁷ Там же. С. 16.

¹⁸ **Скотт Дж.** Интернализация норм... С. 92.

¹⁹ Там же. С. 173.

зовав общее для них преувеличение внешней детерминации поведения.

Значительная часть монографии Скотта посвящена обоснованию иллюзорности таких понятий, как долг, совесть, чувство вины, обязанность. «Наша цель, — заявляет Скотт, — попытаться объяснить их в терминах социальных подкреплений, короче, заменить душу санкциями всюду, где это возможно»²⁰. Процесс формирования моральных качеств уподобляется им выработке реакции на условный раздражитель: «Хорошие люди становятся хорошими не просто потому, что они убеждены в правильности норм, а потому, что эти убеждения подкрепляются»²¹. Естественно, что право манипулировать поведением людей принадлежит тем, в чьих руках находятся социальные стимулы: средства производства и средства потребления.

Известно, что классический бихевиоризм не останавливается и перед непосредственным вмешательством в психику человека с целью закрепления социально одобренного типа поведения, так происходит подмена способов лечения социальных болезней. Для буржуазного общества «дешевле нанять тысячу психологов, чем произвести даже крошечные изменения в социальной и экономической структуре»²². Главное для сторонников просоциального направления — «вмонтировать» в сознание индивида нормативно оформленные требования господствующего класса с помощью примитивного, но вполне действенного метода «кнута и пряника». Нравственность как качественная характеристика мировоззрения, свойств и поведения личности в расчет не принимается.

Немало буржуазных ученых, обеспокоенных «излишней» социальностью, на которую индивид толкает образ жизни буржуазного общества, выдвигает в качестве основы формирования морального сознания овладение универсальными моральными ценностями, рассматривая их как средство изменения не только человека, но и его социальных отношений. Сторонников подобных взглядов конференция в Филадельфии отнесла к четвертому, центристскому направлению в теории нравственного воспитания.

В рамках этого направления имеются два внешне противоположных подхода к методам воспитания, к роли в нем социальных институтов, в первую очередь школы, учителя, приверженцы идеи самоактуализации уверены, что общество не может брать на себя осуществление воспитания, так как никому, кроме самой личности, не известны ее подлинные потребности. Самоактуализация понимается как развитие у личности уникальных свойств и качеств, универсальное средство преодоления социального зла. Главным ее условием объявляется внимание и любовь со стороны окружаю-

²⁰ Скотт Дж. Интернализация норм... С. 216.

²¹ Там же. С. 40.

²² Каплан Н., Нельсон С. Будучи полезным. Американский психолог. 1973. Т. 28. С. 210. На англ. яз.

щих, зависимость регулятивных возможностей морали от социально-экономических условий игнорируется полностью.

Сторонники самоактуализации, противопоставляя индивидуальные особенности личности ее социальной сущности, подтачивают ее тем самым к самонизоляции. В этом и обнаруживается подлинное лицо буржуазного либерализма, охотно присоединяющегося к требованиям личной нравственности, свободы, достоинства, лишь бы не допустить организации личности в монолитную социальную силу.

Представители более консервативного крыла не отказываются от прямого воспитательного воздействия на индивида, упоая прежде всего на возможности школы в осуществлении социализации. Так Дж. Перкинсон берет в качестве одного из эпиграфов к своей монографии слова президента Л. Б. Джонсона: «Ответ на все наши национальные проблемы приводит к единственному выводу: обучение»²³. Какие же ценности предлагается внедрить в общественное и индивидуальное сознание?

На вершину иерархии моральных ценностей буржуазная этика поднимает понятие «справедливость». «Ключевыми терминами для моральной традиции Запада, — утверждает Г. Винтер, — являются справедливость, равенство и любовь»²⁴. Достижение равенства обеспечивается через реализацию справедливости и любви, а любовь может существовать только в условиях справедливости. В данном случае оказывается, что одни моральные ценности выводятся исключительно из других; речь идет только о их социально-психологической стороне. Буржуазные идеологи стараются не замечать влияние частной собственности на реализацию данной ценности в социальных отношениях. Для них «понятие справедливости означает каждому свое в соответствии с его природой. Справедливость не означает всеобщего уравнивания. Она основывается на уважении к частной собственности»²⁵. Залогом справедливого порядка буржуазные этики считают согласие между социальными группами, понимая его как отношение, «в котором... одни находят для себя выгодным следовать директивам других, в то время как из-за пренебрежения этими директивами они могут подвергнуть себя лишениям»²⁶. Лояльность не только покупается, но и хорошо оплачивается: «хороший гражданин — это гражданин процветающий, поддерживающий систему, принимающий права и обязанности демократического общества, патриот своей общины, штата,

²³ Однако название самой книги весьма красноречиво отражает отношение к подобной точке зрения: Перкинсон Х. Несовершенная панацея: американская вера в обучение. Нью-Йорк, 1968. На англ. яз.

²⁴ Винтер Г. Элементы для социальной этики. Нью-Йорк, 1968. С. 10. На англ. яз.

²⁵ Кирк А. Программа для консерваторов. Чикаго, 1962. С. 42. На англ. яз.

²⁶ Этциони А. Сложная организация, власть, средство и их корреляция. Нью-Йорк, 1974. С. 4. На англ. яз.

государства, мира»²⁷. Основное назначение понимаемой подобным образом справедливости как моральной ценности состоит в том, чтобы приучить рядовых членов буржуазного общества довольствоваться тем, что они имеют в зависимости от места в социальной структуре.

Цели, которые капитал задает системе воспитания, проецируясь в характеристику нравственно зрелой личности, в содержание этапов ее становления, нивелируют различия между наиболее распространенными в современной буржуазной этике подходами к пониманию процесса нравственного развития индивида; весьма традиционной остается и сама модель его морального облика. Несмотря на множество слов о переориентации буржуазного морального сознания, предлагается только «взбодрить» его новой порцией взглядов и ценностей, соответствующих по своей направленности ожиданиям и ценностям буржуазного общества. «Нам не следует бояться перемен, — призывает американский этик Маскин. — Великие моральные принципы, провозглашенные в нашей культуре «золотым правилом», десятью заповедями, учением Христа и Моисея, Биллем о правах, так же тверды, как и всегда»²⁸.

Содержательные критерии стадий нравственного развития во всех рассмотренных концепциях подчинены формированию у личности способности бесконфликтного вхождения в систему общественных отношений. Американский педагог А. Квигли откровенно признается, что молодой человек должен прежде всего «уметь ладить»: «дома с семьей, в школе с системой, на улице с друзьями, он должен уметь ладить на спортплощадке, в церкви, в воскресной школе»²⁹.

Господствующие в буржуазном обществе социальные отношения «испытывают потребности в таком типе личности, в таком способе деятельности, ее самореализации, которые вели бы в качественно новое будущее и само это будущее репродуцировали бы на предельно широкой основе»³⁰. По своему объективному содержанию буржуазные этические концепции выступают против морального совершенствования личности, поскольку они не направлены на изменение условий, враждебных ее развитию. Сама практика нравственных отношений этого общества ведет к постоянному воспроизводству социального идеала, согласно которому смысл бытия измеряется уровнем материального благополучия. Социологические исследования обнаружили у «среднего» американца следующую шкалу моральных ценностей: 1) собственное удовольствие; 2) комфорт и физическое здоровье; 3) экономическая уве-

²⁷ Модификация поведения в обучении. Чикаго, 1973, С. 14. На англ. яз.

²⁸ Маскин А. Мораль в Америке. Нью-Йорк, 1976, С. 281. На англ. яз.

²⁹ Квигли К. Герои молодежи лишены ореолов. Образование сегодня. 1971. Февр. С. 28. На англ. яз.

³⁰ Согомонов Ю. В. Традиционные идеалы личности в «постиндустриальном обществе» // Социально-политические теории буржуазной идеологии. М., 1981. С. 52.

ренность; 4) достижение выгоды;... 16) дружба;... 31) патриотизм;... 32) демократия³¹.

Проекты социального обновления буржуазного общества на базе изменения общественного сознания не только утопичны, но и реакционны, так как вместо средств изменения социальных отношений предлагают средства их стабилизации. Марксизм избирает революционно-сознательный путь формирования личности, считая, что ее всестороннее развитие возможно в условиях реальной, а не мнимой свободы, истинной, а не иллюзорной социальной активности, то есть за пределами буржуазных социальных отношений и буржуазной морали.

Л. И. НЕДЕЛЯ
Гомельский университет

Гуманистически ориентированное сознание и поведение личности как фактор совершенствования социалистического образа жизни

Выработанный XXVII съездом КПСС стратегический курс на ускорение социально-экономического развития страны требует повышения роли человеческого фактора. «Социалистическое общество, — отмечается в новой редакции Программы КПСС, — не может эффективно функционировать, не находя новых путей развития творческой деятельности масс во всех сферах жизни. Чем масштабнее исторические цели, тем важнее по-хозяйски заинтересованное, ответственное, сознательное и активное участие миллионов в их достижении»¹.

В человеческом факторе содержатся значительные резервы ускорения в экономике, технике, социальной сфере, духовной жизни. Линия на обновление и перестройку связана со всесторонним совершенствованием социалистического образа жизни. Потребность в кардинальных переменах предполагает поворот в общественном сознании к новым формам и методам работы, которые способствуют социальному прогрессу.

Выражением конструктивного подхода к реализации задач ускорения является в сфере морали гуманистически ориентированное сознание и поведение личности. Методологическим основанием определения его сущности можно принять положение В. И. Лени-

³¹ Ценности и будущее. Влияние технологических изменений на американские ценности. Нью-Йорк, 1961. С. 145. На англ. яз.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 140.

на о роли человеческого фактора в строительстве социализма: «Живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности... Социализм не создается по указам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс»².

Гуманистически ориентированное сознание и поведение — это моральный способ включения личности в социалистический образ жизни. Будучи мировоззренческой и нормативно-практической установкой поведения, гуманизм обосновывает ценностные ориентации, идеалы, представления, нормы, охватывающие различные сферы деятельности. Гуманистические ценности — равенство, справедливость, человечность, свобода, счастье и др. — составляют ядро гармоничного развития человека, определяют его целостность, самодетельность и творческое проявление.

Социалистический образ жизни создает реальные предпосылки укрепления гуманистически ориентированного сознания и поведения, а именно: утверждение принципа социальной справедливости, отражающего глубокие устои социализма, дальнейшая демократизация общества, расширение гласности, критики и самокритики, развертывание социалистического самоуправления трудящихся. Единые права и обязанности, равное отношение к средствам производства, широкое приобщение к управлению делами общества, уважение к достоинству личности обуславливает гражданскую ответственность, социальную активность.

В то же время масштабы новых задач диктуют необходимость искоренения отрицательных явлений, искажающих принцип социальной справедливости, нарушение тесной связи между мерой труда и мерой потребления, недостаточная борьба с нетрудовыми доходами, непоследовательность политики материального и морального стимулирования высокопроизводительного труда, неравные тенденции в оплате труда хорошего и нерадивого работника, факты пренебрежительного отношения к законам и др.

Гуманистически ориентированное сознание выражает способность личности быть активным субъектом морали, подключать к образу жизни мотивационные стороны — интересы, потребности, идеалы, чувства. Субъективная детерминация поведения позволяет говорить о таком уровне образа жизни, когда внутренние установки поведения находятся в органическом единстве с запросами социальной практики.

Активный характер морального сознания проявляется в его переориентации на новые перемены в общественной жизни. Следует выделить существенные направления перестройки самого морального сознания в современный период. Прежде всего, это нравственная мобильность, готовность и способность поддерживать новое, прогрессивное, воспринимать требования научно-технического прогресса, улавливать запросы общественной жизни.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 57.

Важное значение имеет внутренняя убежденность в необходимости и целесообразности нового и на этой основе формирование высокой гражданственности, выработка нравственной позиции, глубокой заинтересованности в прогрессивных переменах, смелости и настойчивости в их поддержке. Выражением нравственной позиции является способность отказаться от сложившихся стереотипов мышления, стремление преодолеть инертность, косность, консерватизм, их осуждение и неприятие.

В связи с этим требуется мужество в объективной и принципиальной оценке реальных результатов, имеющихся недостатков, понимание истинного положения дел, честность и правдивость в подходе к трудностям и нерешенным вопросам. Перестройка морального сознания проявляется в осуждении демагогии, лицемерия, фальши, лжи, которые представляют собой тормоз на пути преодоления негативных явлений. «Необходимо поднимать активность трудящихся, всех и каждого, в созидательной работе, в преодолении недостатков, злоупотреблений, любых болезненных явлений, отступлений от норм нашего права и морали», — подчеркивалось на XXVII съезде КПСС³.

Повышается роль таких форм нравственного самосознания личности, как критика и самокритика, которые имеют действенный характер лишь тогда, когда не только признаются ошибки и упущения, но предпринимаются усилия для их исправления.

Характерной особенностью гуманистически ориентированного сознания и поведения личности выступает целеполагание как выражение способности свободного выбора мотивов, поиска наиболее достойных моральности человека средств воплощения целей. Гуманистически ориентированное сознание и поведение предполагает согласование субъективных намерений с объективными условиями, отбор средств, стимулирующих духовно-практическую деятельность, в которой модифицируются сущностные черты социалистического образа жизни.

Каковы же направления влияния гуманистически ориентированного сознания и поведения на социалистический образ жизни? Это влияние состоит в утверждении трудового, активно-созидательного образа жизни. Нравственные аспекты интенсификации производства выражаются во внутренних побуждениях отношения личности к своим обязанностям, в сознании и чувстве профессионального долга, инициативном и творческом выполнении заданий, самоконтроле, дисциплинированности и ответственности.

НТР, будучи тесно связана с социально-экономическим и духовным прогрессом общества, оказывает огромное влияние на развитие и укрепление нравственно-гуманистического потенциала личности — сознательности, ответственности, социальной и профессиональной мобильности, с одной стороны. С другой, современный

³ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 61.

научно-технический прогресс вызывает необходимость гуманизации самого человека как активного субъекта научно-технического творчества, способного и морально настроенного на восприятие и освоение достижений НТР.

Повышение уровня образования и профессионального мастерства, идейно-политическая и нравственная культура необходимы для усложняющейся производственной деятельности и кардинальных, качественных изменений в развитии производительных сил. Современное производство нуждается в инициативно мыслящих работниках, которые отличаются высокой организованностью, дисциплинированностью, новой технологической культурой.

Укрепление гуманистически ориентированного сознания и поведения в сфере труда возможно при условии адекватности способностей и интересов человека роду деятельности. Отсюда существенное значение имеют гуманизация труда, предусматривающая устранение функционального подхода к человеку, создание комплекса условий производства с максимальным учетом социально-психологических, нравственных и физических возможностей человека, его способностей и склонностей.

С точки зрения гуманизации труда эффективным является такой производственный процесс, который не только экономически выгоден, но и способствует достижению одной из основных целей общественного развития — формированию гармоничной личности. В комплексных целевых программах ускорения социально-экономического развития общества предусматривается значительно сократить тяжелый, неквалифицированный труд, что позволит сделать его содержательным, приносящим удовлетворение, расширяющим возможности творческого самовыражения человека.

Присущее социалистическому образу жизни уважение к труду и трудящемуся человеку проявляется в гуманистически ориентированном сознании и поведении, в профессиональной чести и достоинстве, в чувстве коллективного хозяина общественного достояния. Способность осознать личное профессиональное достоинство, значимость для общего блага своего мастерства предполагает адекватность самооценки общественной оценке. Правильная самооценка возможна тогда, когда в образе жизни человека воплощаются требования социалистической морали, стимулирующие общественно полезную жизнедеятельность. В таком случае самооценка реально отражает нравственные качества: трудолюбие, добросовестность, сознательное служение общественному благу.

В нынешний период возрастает роль общественного признания ценности личности, новаторства, социалистической предприимчивости, возвышения честного, высокопроизводительного труда, что способствует закреплению прогрессивных форм отношения к труду, новых эталонов поведения. Важное значение имеет совершенствование социалистической демократии в сфере производства. «Было бы наивно представлять, будто чувство хозяина можно воспитать словами. Отношение к собственности формируется прежде

всего теми реальными условиями, в которые поставлен человек, возможностями его влияния на организацию производства, распределение и использование результатов труда», — подчеркивалось на XXVII съезде КПСС⁴.

Удовлетворение потребности в самоутверждении в сфере труда повышает значимость такого индивидуального образа жизни, которому присущи мобильность социальных установок, богатство содержания мотивации, широкий диапазон подключения к социальной практике. В данном случае личная жизнедеятельность человека получает общественный резонанс, становится ареной реализации общественных ориентаций и установок поведения.

Гуманистически ориентированное сознание и поведение личности оказывают значительное воздействие на укрепление коллективистских начал социалистического образа жизни. В основе коллективизма находится гармоничное сочетание общенародных и личных интересов. Коллективистский тип личности соответствует требованиям обновления нашего общества, поскольку отличается заинтересованностью в решении назревших вопросов перестройки. Коллективистский характер моральной ориентации — организующее звено линии поведения и образа жизни человека — расширяет масштаб сочетания личных запросов и общественных потребностей. Моральность человека-коллективиста имеет значительный творчески-преобразующий потенциал.

Благодаря этому потенциалу наблюдается самостоятельный подход к выбору целей и средств их достижения в интересах общества, коллектива, раскрывается богатство социальных качеств индивида и расширяется диапазон их применения. Для гуманистически ориентированного сознания личности характерен процесс внутреннего движения нравственного мира к адекватности поступков тенденциям развития общественной жизни и закреплению в качестве нормы коллективистского типа поведения.

Однако развитие коллективистской жизненной ориентации отличается противоречивостью. На январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС отмечалось, что «элементы социальной коррозии негативно сказались на духовном настрое общества, как-то незаметно подтачивали высокие нравственные ценности, которые были всегда присущи нашему народу и которыми мы гордимся — идейную убежденность, трудовой энтузиазм, советский патриотизм»⁵. В этих условиях происходило падение интереса к общественным делам, распространились явления бездуховности, скептицизма, потребительства. Преодоление индивидуалистических установок определяется формированием новой нравственной атмосферы, утверждающей принцип гласности, правдивости, непримиримости к недостаткам. В процессе перестройки духовной жизни необходимо

⁴ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 39.

⁵ Правда. 1987, 28 янв.

показывать преимущества коллективизма для развития человека, его социальной сущности.

Коллективистский образ жизни обуславливает гармоничность индивида не только с общностью, но и с самим собой. Это связано с тем, что общественная сущность человека в полной мере раскрывается в коллективных формах жизнедеятельности. Именно здесь шлифуются нравственные грани личности, апробируется личный нравственный опыт в его соотношении с общественными моральными ценностями, что позволяет осознать меру своей возможности быть самостоятельным, пристрастным, активным.

В аспекте гуманистически ориентированного сознания и поведения человека представляет интерес возрастание роли совести и ответственности в укреплении социалистического коллективизма. Отмеченные качества являются важнейшими компонентами содержания человеческого фактора. «Нельзя быть человеком идейным, не будучи честным, совестливым, порядочным, требовательным к себе»⁶.

Совость раскрывает побудительные силы человеческой активности, выступает внутренним регулятором ответственного поведения. Совость—не только индивидуальное, но и общественное отношение. Диктуемые совостью внутренние побуждения—самоконтроль, самостоятельность в реализации нравственных обязанностей, самооценка поступков—гармонируют или вступают в противоречие с внешним поведением. Самодетерминированность поведения позволяет личности на уровне самосознания определить степень соответствия социального индивидуальному и скорректировать действия таким образом, чтобы они были адекватны своим убеждениям.

Развитое чувство совести раскрывается в моральной способности быть на уровне общественных потребностей, в самоуправлении мотивами поведения, поощрении или порицании своих поступков. Тем самым от совести исходит внутренний импульс гуманистичности человека, что активизирует его созидательные возможности и одновременно способствует гармонии с самим собой.

Совость влияет на целостную направленность образа жизни, является его внутренним «конструктором», поскольку контролирует готовность выполнить общественные требования, укрепляет гражданские качества. Сближая личную и общественную сферы жизнедеятельности, социалистический образ жизни способствует превращению совести в моральную потребность для многих советских людей, настроенных на перестройку, обновление общественной жизни. Совость характеризует осознанное отношение к гражданскому долгу, высокую профессиональную честь, непримиримость к проявлениям нравственной атрофии (рвачеству, обману, безответственности и др.).

⁶ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 88.

С широким диапазоном гуманистической деятельности связана ответственность личности в социалистическом обществе. Ответственность оказывает огромное влияние на моральную позицию человека в период ускорения. Ответственность — важнейший фактор повышения эффективности производства, планомерного и всестороннего совершенствования социализма. Нравственно ответственное поведение выражается в инициативном отношении к делу, добровольности принятия обязательств, стремлении выявлять резервы повышения производительности труда. Одна из задач кадровой работы, поставленная январским (1987 г.) Пленумом ЦК КПСС, «состоит в том, чтобы усилить ответственность за порученное дело, поднять дисциплину, создать обстановку взаимной требовательности»⁷.

Ответственность правомерно рассматривать как социально-нравственный механизм реализации коллективизма. Личная ответственность формируется как обратная связь человека с обществом, в которой выражена его свободная воля в выполнении общественных и коллективных обязанностей. Будучи важнейшей коллективистской ценностью социалистического образа жизни, моральная ответственность способствует четкой организации всех сторон образа жизни, наиболее полному использованию не только социальных, но и человеческих резервов, слаженности и оперативности в решении возникающих вопросов.

Личностный уровень ответственности непосредственно связан с гуманистическим ростом человека, с саморазвитием и самосовершенствованием, с максимальной реализацией социальных возможностей в формировании своей индивидуальности. Ответственность — своеобразный индикатор зрелости человеческого фактора, форма реализации творческих сил индивида. В атмосфере гласности, открытой правды, критики и самокритики ответственность выявляет такие параметры общественной сущности человека, как глубина осознания поставленных задач, способность мыслить по-новому, желание смело идти вперед, отдавать предпочтение действиям, которые обеспечивают успех, активно противостоять консервативным явлениям жизни.

Создание благоприятных условий для функционирования моральной ответственности, создание общественного «простора» для нравственно положительного выбора способствуют осознанию личностью себя как субъекта ответственности. Особенно этот момент становится важным при выборе линии поведения, направленной на перестройку или сохранение прежних позиций, которые выступают тормозом ускорения социально-экономического развития общества.

Значительное влияние на повышение созидательной роли ответственности оказывает НТР, которая диктует необходимость как профессиональной, так и нравственной зрелости личности. Усили-

⁷ Правда, 1987, 28 янв.

вается ответственность индивида за свою профессиональную мобильность, готовность воспринять изменения в технике и технологии производства, осознать свою роль в качественном преобразовании производственного процесса.

Гуманистически ориентированное сознание и поведение проявляются в увеличении меры ответственности за совершаемые в обществе преобразования. Это выдвигает проблему познавательной ответственности, побуждающей человека стать на точку зрения общественного интереса, учитывать социально-политическую ситуацию, связанную с динамизмом общественного процесса и в соответствии с этим оценивать свой нравственно-гуманистический потенциал, мобилизовать человеческие резервы для выполнения намеченных задач. Отмеченные качества необходимы, например, для перехода всех звеньев экономики на принципы полного хозрасчета и новые формы организации труда.

Таким образом, влияние гуманистически ориентированного сознания и поведения личности на социалистический образ жизни состоит в ценностном подходе к условиям жизнедеятельности. Это позволяет выработать критерии поведения, адекватного назревшим потребностям общественного развития и одновременно согласующегося с возможностями нравственного проявления личности.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
Тундыков Ю. Н. Нравственные отношения (К вопросу о специфике, структуре, типологии)	6
Гумницкий Г. Н. Два понятия моральных отношений: их научная и практическая ценность	11
Франц А. Б. О социально-практических основаниях морали как способе освоения мира	21
Вардомацкий А. П. Процессы нормотворчества в нравственной культуре социалистического общества	33
Эйнгорн Н. К., Остаркова И. Б. Специфика морального отражения действительности и ее влияние на поведение личности	42
Лихачева Л. С. Социально-экономические противоречия социализма как фактор нравственного развития личности	56
Бачинин В. А. Противоречия социалистической и мещанской морали и пути их разрешения	65
Березин С. Л. Нравственное возвышение личности в системе социалистического соревнования	77
Маслеев А. Г. Проблемы экологии в сфере моральной ответственности личности	88
Тюляева Л. М. Формирование нравственных потребностей личности как средство совершенствования нравственных отношений социализма	98
Шихардина Т. Н. Теории нравственного воспитания в современной буржуазной этике как одно из средств консервации социальных отношений капиталистического общества	106
Неделя Л. И. Гуманистически ориентированное сознание и поведение личности как фактор совершенствования социалистического образа жизни	115

**СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРАВСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ:
СУЩНОСТЬ, ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ**

Редактор **Н. М. Изофатова**
Технический редактор **Э. А. Максимова**
Корректор **Н. И. Тунгусова**

Темплан 1988, поз. 50.

Сдано в набор 18.02.88 Подписано в печать 29.03.88
Формат 60 x 90 1/16. Бумага типографская № 2. Печать высокая.
Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 7,75. Уч.-изд. л. 8,0. Тираж 500.
Заказ 48. Цена 50 коп.
Уральский государственный университет им. А. М. Горького. Свердловск,
пр. Ленина, 51.

Типолаборатория УрГУ. Свердловск, пр. Ленина, 51.